

13527K

АЛМАНАХЪ

W465
W915

АЛЪМАНАХЪ

ВЪ ПАМЯТЬ

ДВУХСОТЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

АЛЕКСАНДРОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

~~3.78/471/602~~
~~157~~

13527K

1992 г.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ

ЦЕСАРЕВИЧУ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,

АВГУСТѢЙШЕМУ КАНЦЛЕРУ

ИМПЕРАТОРСКАГО

АЛЕКСАНДРОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

И.Н.В. 915

1973 г.

БИБЛИОТЕКА
Карельской филиала
Академии наук СССР

13527K

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стран.
Воспоминанія Александровскаго Университета, Издателя	1.
Гл. I. Начало Университета въ Або . .	4.
„ II. Черты изъ первыхъ временъ существованія Университета . .	13.
„ III. Война дважды разстроиваетъ Университетъ	28.
„ IV. Императоръ Александръ	35.
„ V. Абовская ученость	51.
„ VI. Поэзія на Ауръ	68.
„ VII. Императорскій Александровскій Университетъ	77.
Путешествіе на юбилей 1840 года, Ф. М. Францёна	117.
Финляндія въ Русской поэзіи, П. А. Плетнева . . .	135.
Нѣсколько дней въ Лапландіи, М. А. Кастрёна . .	189.
Необойденный домъ, Кн. В. Θ. Одоевскаго	215.
О національномъ характеръ Финновъ, П. Э. Эмана	238.
Макбетъ Христіанская ли трагедія? П. Л. Рууберга	249.
О Литературной Совѣстливости, Гр. В. А. Соллогуба	263.
Нынѣшніе крестьяне-поэты въ Финляндіи, Ильи Лепрота	279.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ

ЦЕСАРЕВИЧУ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,

КАНЦЛЕРУ

АЛЕКСАНДРОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Университетъ, имѣющій счастье состоять подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, праздновалъ въ 1840-мъ году совершившееся ему тогда двухсотлѣтіе. Сильно поражены были всѣ присутствовавшіе сколько торжественностію древнихъ его обрядовъ и духомъ благочестія, изображающимся въ нихъ, столько же и радушнымъ гостепріимствомъ, какое онъ оказалъ своимъ безчисленнымъ посѣтителемъ на блестящихъ пиршествахъ, ознаменовавшихъ этотъ случай.

Желая хотя слабымъ знакомъ выразить чувства участія, уваженія и признательности къ Александровскому

Университету, которыя въ то время равно одушевляли всѣхъ свидѣтелей его радости, — нѣсколько Литераторовъ Русскихъ и Финляндскихъ тогда же согласились издать соединенными силами книгу въ воспоминаніе эпохи, столь важной для цѣлой Финляндіи.

Но могла ли къ этой мысли въ сердцахъ ихъ не присоединиться другая, когда при окончаніи достопамятнаго юбилея они въ Рескриптѣ ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА на имя Консисторіи Университета съ умиленіемъ прочли между прочимъ слѣдующія столь же достопамятныя строки: «Отсутственный, Я въ этотъ незабвенный день мысленно находился посреди васъ, любезныхъ Моихъ сочленовъ, и съ каждымъ благимъ желаніемъ вашимъ соединялся съ вами душою»? Могла ли бы предположенная книга назваться трудомъ полнымъ, если бъ не украсилась именемъ Того, Къмъ произнесены слова сїи? Посвятить ее ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ стало вторымъ, единодушнымъ желаніемъ всѣхъ, задумавшихъ предпріятіе.

Назначенный ими быть исполнителемъ общей мысли нашей, осмѣливаюсь благоговѣнно изъяснить, сколь будемъ счастливы, если скудная наша дань Александровскому Университету удостоится обратить на себя вниманіе Высокаго Канцлера его.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Гельсингфорсъ,
12-го Мая
1841.

всепреданнѣйшій и все-
покорнѣйшій слуга

Яковъ Гротъ.

Издатель, собравъ нѣсколько статей на Русскомъ языкѣ и нѣ-
сколько другихъ на Шведскомъ, представляетъ здѣсь первыя въ
томъ видѣ, въ какомъ получили ихъ, а послѣднія въ Русскомъ пе-
реводѣ.

За этимъ вскорѣ послѣдуетъ другое изданіе той же книги, въ
которомъ на-оборотъ статьи, по-Шведски написанныя, будутъ по-
мѣщены въ подлинникѣ, а написанныя по-Русски явятся въ Швед-
скомъ переводѣ.

ВОСПОМИНАНІЯ

АЛЕКСАНДРОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ВОСПОМИНАНІЯ

АЛЕКСАНДРОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

.....
«На порогъ третьяго столѣтя,
Много времени! взглянувъ назадъ,
Сколько въ немъ начтешь воспоминаній!»

Францѣвъ.

Всякій здравомыслящій цѣнитель просвѣщенія конечно исполнѣ понимаетъ высокое значеніе Университетовъ. Но мѣстные обстоятельства могутъ сообщить тому или другому изъ нихъ еще особенную важность. Такъ Университетъ Финляндскій, просвѣтивъ и воспитавъ цѣлую націю въ отдаленномъ углу Сѣвера, сталъ драгоцѣннѣйшимъ ея достояніемъ, съ которымъ здѣсь почти для всякаго семейства сливаются лучшія воспоминанія или надежды.

Уже по одной этой причинѣ любопытна была бы исторія старшаго въ Имперіи Университета *), нынѣ называющагося Александровскимъ. Но для насъ Русскихъ она заключаетъ въ себѣ еще другаго рода занимательность:

*) Дерптскій основанъ 8-ю годами ранѣе Финляндскаго (именно въ 1632-мъ году); но онъ съ 1710-го былъ закрытъ по 1799-й г.

она въ разныя эпохи предлагаетъ намъ то отрадные примѣры благородства и образованности нашихъ полководцевъ, то убѣдительнѣйшія доказательства великодушія и высокой любви къ просвѣщенію двухъ Русскихъ Монарховъ. Исторія Александровскаго Университета служитъ важнымъ дополненіемъ къ познанію новѣйшей Россіи въ ея верховныхъ представителяхъ.

Здѣсь статья относительно этого предмета кажется намъ необходимою какъ по самому назначенію книги нашей, такъ и по тому, что помѣщаемое въ ней стихотвореніе знаменитаго Епископа Гернесандскаго не можетъ быть вполне понято и оцѣнено безъ предварительнаго знакомства съ судьбою Финляндскаго Университета.

Собирая матеріалы для изученія исторіи его, мы удивились и обилію ихъ и заботливости, съ какою они берегаются. Но мы были еще болѣе поражены тѣмъ благоустройствомъ Университета и тою степенью литературной образованности края, о которыхъ свидѣлствуютъ эти пособія. Во все время существованія Университета Финляндскаго не случилось въ немъ ни одного событія, которое не оставило бы по себѣ прочнаго слѣда въ какомъ-нибудь письменномъ актѣ.

Главный памятникъ въ этомъ отношеніи документы, постепенно при самомъ Университетѣ образовавшіеся, какъ то: протоколы его Совѣта (консисторіи); диссертации, программы и рѣчи, которыми сопровождается здѣсь каждый торжественный случай. Сверхъ того, отъ самаго начала Университета замѣчается въ ндрахъ его стремленіе передавать потомству память своего настоящаго или собирать

достопамятности прошлаго. Многіе изъ ученыхъ сего Университета въ различные періоды его существованія писали сочиненія, касающіяся его исторіи и всѣ вмѣстѣ составившія какъ бы особую, ему принадлежащую литературу. Но самую великую заслугу на этомъ поприщѣ снискали двое изъ новѣйшихъ его подвижниковъ. Имя обоихъ *Тенистремъ*. Одинъ изъ нихъ (Иванъ Яковъ), профессоръ философіи, донинѣ служитъ украшеніемъ Александровскаго Университета; о другомъ будетъ говорено въ послѣдствіи. Газеты, которыхъ изданіе началось въ Або съ 1771-го года, не менѣе важный матеріалъ для статьи нашей.

Чтобы не сдѣлать ея утомительною мы должны были пользоваться упомянутыми источниками умѣренно и разборчиво. Но желая хотя отчасти удовлетворить и наиболее любопытныхъ читателей, сочли мы нужнымъ присовокупить къ тексту нѣкоторыя выноски.

ГЛАВА I.

НАЧАЛО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ АБО.

«Гдѣ нѣкогда и годнаго Ректора тривиальной школы едва имѣть было можно; тамъ нынѣ ученѣйшіе голоса не токмо Школъ и Гимназій, но даже Академій и Коллегій съ кафедръ раздаются».

Изъ Лат. рѣчи Проф. Векслюуса,
15 Іюля 1640.

«Что городъ былъ столичнымъ городомъ очевидно».

Даніель Юслениусъ, 1700.

«Что Онъ тамъ услышитъ? Только то, что Университетъ основанъ королевою Христиною».

Кп. Гагаринъ, 1809.

Во время малолѣтства дочери и наслѣдницы Густава Адольфа, когда Швеціею управляли опекуны молодой королевы, могущественнѣйшее вліяніе на дѣла государственныхъ раздѣляли тамъ два мужа — Аксель Оксеншерн и Графъ Петръ Браге (Pehr Brahe). Стараніями Оксеншерны, соперникъ его въ 1637-мъ году назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи.

Горестно было тогда положеніе страны этой. Съ половины 12-го столѣтія, когда Шведскій король Эрикъ IX (Святый) началъ ея завоеваніе, она была непрерывно

жертвою то кровопролитій, то самовласти мѣстныхъ начальниковъ, то естественныхъ бѣдствій. При такихъ обстоятельствахъ просвѣщеніе здѣсь подвигалось медленно. Болѣе примѣтны стали успѣхи его въ 16-мъ вѣкѣ, благодаря Густаву Вазъ и Лютеранской вѣрѣ, введенной имъ въ Швецію. Густафъ II Адольфъ вѣроятно сдѣлалъ бы много для образованія Финляндцевъ, если бъ не былъ увлеченъ тридцатилѣтнею войною. Онъ однакожъ успѣлъ обратить старинную Абовскую школу въ Гимназію. Но въ его время суевѣріе и невѣжество еще были здѣсь общимъ удѣломъ всѣхъ сословій.

Если прибавить, что по всѣмъ частямъ управленія господствовалъ величайшій безпорядокъ; что беззаконіе рождало безправственность и самоуправство; что крестьяне, угнетенные и жадностью владѣльцевъ и тягостью налоговъ, тысячами уходили въ Россію; что столь же многочисленныя толпы отправляемы были на войну въ Германію; что такимъ образомъ Финляндія пустела и дичала: то легко представить себѣ, въ какомъ состояніи засталъ ее Браге.

Начавъ свое управленіе неутомимыми разъѣздами по всему краю, онъ скоро увидѣлъ, что корень зла заключается въ недостатокъ средствъ къ образованію и что для пріобрѣтенія способныхъ чиновниковъ по всѣмъ вѣдомствамъ, Финляндія не можетъ обойтись безъ собственнаго Университета. Упсальскій былъ слишкомъ далекъ, — неудобство тѣмъ болѣе чувствительное *въ то время*, что тогдашнія Финляндскія дороги еще вовсе не походили на нынѣшнія, жители же края были, по большей части, бѣдны.

Увѣряютъ, что уже самъ Густавъ Адольфъ намѣревался обратить основанную имъ Гимназію въ Университетъ: Браге осуществилъ эту мысль. По его ходатайству, 16-го Марта (н. с.) 1640-го года состоялась въ г. Ничепингъ (въ Швеціи) грамота, начинающаяся словами: «Мы Христина, Божією Милостію, Готин и Вендин избранная Королева и Наслѣдная Княжна, Великая Княжна Финляндская, Герцогиня Эстляндская и Карельская, Повелительница Ингерманландіи, Объявляемъ» и проч. Послѣ того на старинномъ Шведскомъ языкѣ излагается, какъ «во вся времена міра признавалось, что Школы и Академіи подобны расадникамъ и растилицамъ, гдѣ изъ книжныхъ искусствъ добрые нравы и добродѣтели свое первое происхожденіе и начало извлекаютъ» и какъ «въ прежнія времена не только язычники крайне заботились объ основаніи и учрежденіи такихъ Школъ, но и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ было какое-нибудь понятіе и свѣдѣніе о Богѣ, всегда о томъ же пеклись; Особливо съ тѣхъ поръ какъ Христіанство стало озарять вселенную, начали разные Христіанскіе Короли и Регенты не менѣе прилагать величайшее стараніе» . . . и проч. Потомъ говорится, что по столькимъ полезнымъ примѣрамъ въ чужихъ земляхъ и въ отечествѣ, а наиболее по примѣру Густава Адольфа Великаго, который между прочимъ возстановилъ Академію (т. е. Университетъ) въ Убсаль и основалъ новую въ Дерптѣ, — признается за благо «къ чести и украшенію нашего В. К. Финляндскаго» учредить въ Або вмѣсто Гимназіи «Academiam или Университетъ». Далѣе предоставляются новому учрежденію тѣ же права и преимущества, какими пользуется Академія Упсальская; почему и повелѣвается всемъ уважать по

достоинству «реченный нашъ Абовскій Университетъ, какъ мастерскую добродѣтелей и свободныхъ книжныхъ искусствъ». Эта грамота, написанная тщательнымъ почеркомъ на пергаментѣ и подписанная пятью опекунами королевы, до сихъ поръ хранится въ Университетскомъ казначействѣ. Она лежитъ въ серебряномъ ящикѣ вмѣстѣ съ деревяннымъ приборомъ грубой токарной работы, гдѣ помѣщается печать.

Вся подробности учрежденія Университета и источники расходовъ по его содержанію придумалъ графъ Браге; ему же поручено было открытіе новаго святилища наукъ. Торжество это, по первоначальному предположенію, должно было совершиться въ Іюнь того же года; но разныя обстоятельства, особливо отправленіе войскъ въ Германію изъ Гельсингфорса, заставили отложить дѣло до 15 Іюля.

По всему краю приказано было праздновать этотъ день съ богослуженіемъ въ церквахъ. Важнѣйшіе чиновники всѣхъ вѣдомствъ приглашены были въ Або для участія въ столь радостномъ торжествѣ. Або, какъ извѣстно, есть древнѣйшій городъ Финляндіи и до 1819-го года былъ ея столицею. Построенный близъ моря по обѣ стороны рѣки Ауры и окруженный горами, онъ имѣетъ счастливое мѣстоположеніе. Въ свое время пользовался онъ цвѣтущимъ состояніемъ, но переставъ быть столицею, а потомъ выгорѣвъ почти совершенно и утративъ свой Университетъ, онъ, хотя и былъ возобновленъ, уже не могъ приблизиться къ своему прежнему значенію. Издавна составляетъ онъ центръ особаго епископства.

Здѣсь 14-го Іюля 1640 года, въ часъ по полудни, предстоявшее событіе провозглашено было на улицахъ съ музыкой трехъ трубъ и барабана, при чемъ все граждане и чины призывались къ общему торжеству. На другой день, уже въ 7 часовъ утра епископъ Абовскій, Исаакъ Ротовіусъ (Isaak Rothovius), именитые дворяне, профессора будущаго Университета и пр. отправились на лодкахъ по рѣкѣ Ауры къ древнему Абовскому замку, находящемуся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города при впаденіи рѣки въ море. Къ нимъ, около 8-и часовъ, прибылъ и самъ графъ. Онъ въ немногихъ словахъ напомнилъ присутствовавшимъ причину собранія, послѣ чего все они вмѣстѣ съ нимъ отправились въ городъ процессіей, въ такомъ порядкѣ:

1) Два трубача и барабанщикъ, «кои свою службу весело со всею усердіемъ отправляли отъ замка».

2) Маршалъ, или предводитель дворянства, и 30 дворянъ по два въ рядъ, младшіе впереди.

3) Гофмейстеръ графа, а за нимъ на шелковыхъ подушкахъ принадлежности или «регалии» Университета, каждая въ рукахъ особаго чиновника, именно: ключи; ректорская мантия (kiortell, по тогдашнему названію) изъ малиноваго бархата, подбитаго бѣлою тафтой; печать Университета; альбомъ его или книга для веденія списковъ студентамъ, и два серебряныхъ жезла.

4) Самъ генералъ-губернаторъ, «имѣя по обѣ стороны своихъ служителей съ ихъ бердышами, числомъ 12 человекъ».

5) Епископъ Исаакъ Ротовіусъ и будущій ректоръ Университета, профессоръ богословія и докторъ Эсхилъ

Петреусъ (Eskil Peträus), а за ними чиновникъ съ дипломомъ учрежденія Университета и все остальные профессора (только 10), по два въ рядъ.

Въ трехъ слѣдующихъ отдѣлахъ шли главные чины всехъ вѣдомствъ. Между ними находились пасторы и преподаватели (лекторы), прибывшіе въ качествѣ гостей изъ Выборгскаго епископства и изъ Лифляндіи. Шествіе закончилось студентами. Такъ, — по замѣчанію одного изъ участвовавшихъ въ торжествѣ профессоровъ, описавшаго *) подробно рожденіе Абовскаго Университета, — судьба устроила, чтобы число отдѣловъ процессіи равнялось числу Музъ.

Медленнымъ шагомъ, при непрерывной пальбѣ изъ двухъ пушекъ замка, подвигалась она между рядами многочисленной конницы, собранной изъ разныхъ концовъ края. Дошедши до пристани Ауры, съѣли на суда, украшенные разноцвѣтными флагами. Самъ графъ съ епископомъ, профессорами и знатнѣйшими изъ дворянъ занялъ королевскую галеру. Конница потянулась шагомъ по главной и самой широкой улицѣ города.

«И не оставили Богъ и природа», пишетъ упомянутый нами историкъ этого случая: «способствовать къ украшенію и возвеличенію сего торжества: ибо не токмо ясная и тихая стояла погода, но и корабли, при легчайшемъ попутномъ вѣтрѣ великолѣпно къ городу стремив-

*) Профессора Вексioniуса въ небольшомъ оочиненіи: «Natales Academiæ Aboënsis &c. Aboë, anno 1648.»

шіеся, пріятнѣйшее представляли зрѣлище: при чемъ и на сушѣ и на-морѣ барабаны почасту и трубы гремѣли; горы же и самыя зданія звукъ отражали и какъ бы въ похвалу испускали.»

Вышедши на берегъ, всѣ въ прежнемъ порядкѣ пошли по городской площади, среди войска и тѣсной толпы любителейныхъ, къ дому Университета, гдѣ крыша, стѣны, каѳедры и скамьи главной Аудиторіи были великолично украшены малиновыми коврами и разнаго рода обоями. Здѣсь процессію встрѣтила музыка. Графъ Браге взошелъ на каѳедру и произнесъ по-Шведски рѣчь, въ которой, изложивъ необходимость Университета для Финляндіи, воздалъ Богу и королевѣ благодареніе за совершаемое дѣло. Деканъ прочелъ вслухъ грамоту основанія, и графъ именемъ королевы объявилъ Университетъ учрежденнымъ. Послѣ, поручивъ епископу Ротовіусу должность проканцлера или мѣстнаго главы Университета, онъ передалъ ему, объясняясь по-Латыни, исчисленныя выше принадлежности. Въ заключеніе пожелалъ онъ успѣха предпріятію, изъявивъ всѣмъ присутствовавшимъ благодарность за участіе въ торжествѣ и пригласилъ ихъ на обѣдъ, который готовился въ замкѣ на счетъ казны.

Новый проканцлеръ въ свою очередь произнесъ съ каѳедры рѣчь, а потомъ, воздѣвъ на Петреуса малиновую мантию, ввѣрилъ ему должность ректора и вмѣстѣ съ нею принадлежности Университета. За этимъ последовали, смѣняясь музыкою и пѣніемъ, рѣчи самого ректора, профессора Вексіоніуса (какъ декана Ф. Ф.) и наконецъ молодаго знатнаго дворянина Финскаго, Стольганске.

Въ церкви, куда отправилась отсюда процессія, отслужено было молебствіе съ проповѣдью епископа; потомъ началась пальба изъ пушекъ, поставленныхъ въ церковной оградѣ (на кладбищѣ); тѣснившаяся вокругъ толпа отвѣчала радостными кликами, «съ такимъ шумомъ», замѣчаетъ другой историкъ начала Университета, *) «что отъ сихъ человѣческихъ громовъ сильно потряслись своды храма.»

Графъ Браге, при пушечной же пальбѣ, возвратился въ замокъ, а проканцлеръ, ректоръ въ своей мантии и профессеры въ Университетъ, откуда первыхъ двухъ всѣ остальные проводили до ихъ домовъ. Въ тотъ же день около 4-хъ часовъ п. п. всѣ приглашенные собрались въ замокъ, гдѣ генералъ-губернаторъ отъ имени королевы угостилъ ихъ роскошнымъ обѣдомъ. Слѣдующій день не былъ ознаменованъ ни чѣмъ особеннымъ, но 17-го Іюля въ главной аудиторіи представлена была студентами, подъ руководствомъ Вексіоніуса, правоучительная комедія: *Студенты*, принятая съ восторгомъ многочисленною толпою зрителей и зрительницъ. Въ этой комедіи доказывалось, какъ «нѣкоторые родители зело скупо снабжаютъ деньгами своихъ сыновей, кои обыкновенно и становятся прилежны; а другіе снабжаютъ ихъ всѣмъ, чего ни потребуютъ, чрезъ каковую неразсудительную щедрость сыновья становятся нераспутны, ослушны и негодны: какъ нѣкіи юноши предаются роскоши, игрѣ и другимъ порокамъ, и становятся развратны; другіе же прилежатъ наукамъ, добродѣтели и

*) Bilmark. Historia Academiae Aboënsis, pars prima. 1770.

страху Божию, и становятся достохвальными и превыс-
пренными мужами.»

Такъ возникъ Университетъ, или (употребляя слово, которое и до сихъ поръ еще сохраняетъ этотъ смыслъ на Западъ) такъ возникла Академія Абовская, которую иначе стали называть Аураическою, Христиниинскою. Она заняла тотъ самый домъ, — только немного подновленный, — гдѣ до нея помѣщалась гимназія, а еще прежде школа, изъ которой послѣдняя образовалась. Этотъ домъ, каменный въ два жилья, построенъ былъ еще во времена католицизма, неизвѣстно съ какимъ назначеніемъ, и находился близъ древней соборной церкви, которая донынѣ существуетъ. Все помѣщеніе состояло только изъ 5-и комнатъ, которыя зимой были почти невыносимо холодны. Главная аудиторія (Auditorium majus) была въ верхнемъ этажѣ. *)

*) Въ этой комнатѣ были три каведры и надъ дверьми хоры для музыкантовъ. По другую сторону сѣней была юридическая аудиторія, послѣ обращенная въ залу консисторіи (Совѣта) и архива. Въ нижнемъ этажѣ были еще двѣ аудиторіи: малая (minus) и математическая. Изъ послѣдней былъ ходъ въ комнату, гдѣ сначала хранились разнаго рода инструменты, но которая въ послѣдствіи была взята на хозяйственное употребленіе. Возлѣ нея находился покой, сперва назначенный для слугъ, а потомъ превращенный въ карцеръ. Передъ сѣнями висѣли по обѣ стороны отъ входа двѣ доски, къ которымъ прибывали разныя объявленія, до членовъ Университета касавшіяся: обыкновеніе, до сихъ поръ соблюдаемое и при Александровскомъ Университетѣ.

ГЛАВА II.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ УНИВЕРСИТЕТА.

«И будьте вы, почтенные Господа и мужи, Ректоръ и Семать Академическій, вполне увѣрены и убѣждены, что какъ мы по внушенію Божию склонили Ея Величество бывшую Королеву Христину на учрежденіе и основаніе Академіи, и потомъ столько лѣтъ постоянно заботились о преувеличеніи и преуспѣяніи оной, бывъ ея Канцлеромъ, то общаемъ, если Богу угодно будетъ, такъ поступать и впредь, т. е. покровительствовать, содержать и охранять Университетъ и Академію, и съ лучшей стороны о всемъ ономъ представлять нашему Всемилостивѣйшему нынѣ царствующему Королю. И за симъ поручая васъ Всевышнему, пребываемъ . . . добрый другъ . . .»

Изъ письма 1-го Канцлера Университета, графа Браге консисторіи отъ 24 Окт. 1677.

На содержаніе Университета первоначально назначена была весьма скудная сумма (6125 сер.тал.). Часть ея выплачивалась изъ казначейства Абовской губерніи; остальная же, по Шведскимъ постановленіямъ, должна была выдаваться не монетою, а соразмѣрнымъ количествомъ

хлѣба, съна и т. п. Для того въ вѣдѣніе Университета отчислены были разныя мызы, преимущественно въ Абовской губерніи. Оттуда крестьяне были обязаны въ извѣстные сроки приносить Университетскимъ чинамъ подать свою въ натурѣ, а иногда, по условію, и деньгами. Но такой порядокъ былъ чрезвычайно невыгоденъ для Университета. Отъ истощенія Финляндіи приписанныя къ нему угодья часто бывали не въ состояніи уплачивать должное; къ тому же какъ мѣстное правительство, такъ и казначей Университета, которые принимали доходы его, безпрестанно позволяли себѣ неисправность и всякія злоупотребленія. Профессоры, нерѣдко лишаясь и незначительнаго вознагражденія за труды, подавали начальству одну жалобу за другою, но такъ какъ казначей не подлежали никакой определенной отчетности, то зло долго не могло искорениться.

Профессоровъ, какъ мы уже видѣли, было въ первое время всего 11. Между ними находилось только два Финляндца; прочіе были родомъ изъ Швеціи. Четверо принадлежали уже прежней гимназій въ качествѣ лекторовъ. Съ самаго начала учреждено было при Университетѣ 4 факультета, изъ которыхъ Богословскому, по духу времени, принадлежало во всѣхъ отношеніяхъ рѣшительное первенство. Любопытно тогдашнее распределеніе предметовъ философскаго факультета. Въ немъ было 6 кафедръ:

Политики и исторіи (Politices et historiarum);

Греческаго и Еврейскаго языковъ (Linguarum hebraeae et graecae);

Математики (Mathematicum);

Физики и ботаники (Physices et botanices);

Логики и поэзіи (Logices et poëseos);

Краснорѣчія (Eloquentiae, — сюда относилась исключительно Латинская Словесность). *)

Студентовъ сперва было не болѣе 44-хъ человекъ, въ томъ числѣ 8-мъ Финновъ. Но не прошло года, какъ въ Университетѣ набралось уже до 300 учащихся **). Однакожъ онъ еще долго посѣщаемъ былъ преимущественно Шведами ***). Лекціи открылись въ Октябрѣ мѣсяцѣ, отъ котораго въ Шведскихъ Университетахъ и теперь начинается осенній курсъ. Всѣ предметы преподавались по-Латыни, и притомъ почти исключительно на публичныхъ лекціяхъ, потому что большая часть студентовъ, по бѣдности, не могла платить за партикулярныя †). Сверхъ испытаній и прѣній, вспомогательнымъ средствомъ при обученіи служили рѣчи о разныхъ пред-

*) Что касается до остальныхъ факультетовъ, то по Богословію было 3 профессора; одинъ по правовѣдѣнію, да одинъ по медицинѣ и анатоміи.

**) Для удобнѣйшаго присмотра за студентами и облегченія имъ взаимнаго вспоможенія, они въ Абовскомъ Университетѣ всегда раздѣлялись, — по провинціямъ, откуда происходили, — на нѣсколько отдѣловъ, изъ которыхъ каждый состоялъ подъ надзоромъ особаго инспектора изъ профессоровъ. Такой же порядокъ соблюдается и при Александровскомъ Университетѣ, съ тою только разницею, что теперь отдѣлы называются своими настоящими именами, а не націями, какъ было встарину.

***) Между студентами, въ первые 6 лѣтъ записанными въ Университетѣ, было 546 Шведовъ.

†) Сверхъ публичныхъ лекцій каждый профессоръ по своему предмету преподаетъ и частныя, когда учащіеся того пожелаютъ.

метахъ, то въ прозѣ, то въ стихахъ. Студенты обязаны были публично произносить ихъ въ Академіи по известнымъ днямъ, особливо по воскресеньямъ послѣ обеда. Въ послѣдствіи рѣчи эти иногда печатались; но первоначально въ Або не было и типографіи; вообще способы ученія, какъ мы увидимъ, были чрезвычайно недостаточны.

Какъ бы ни было, уже въ 1643-мъ году Университетъ назначилъ промоцію или возведеніе нѣсколькихъ студентовъ въ степень магистровъ *). Вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ отъ высшаго начальства послѣдовало строгое предписаніе, чтобы къ сему отличію допущены были только весьма немногіе (отъ 4-хъ до 6-ти человекъ), самые ученые и свѣдущіе студенты. Объ одномъ (Zadelerus) при этомъ случаѣ постановлено было, что такъ какъ онъ «in vita et moribus (т. е. по поведенію) грубоватъ, хотя впрочемъ довольно ученая персона», то позволить ему только держать прѣніе на степень (disputera pro gradu), если захочетъ, но на сей разъ отнюдь не промовировать его, дабы онъ увидѣлъ, какъ ему вредитъ безпорядочная жизнь **). Затѣмъ произведено было 10 магистровъ; но по разнымъ обстоятельствамъ должно заключить, что не одна добросовѣстная справедливость служила побужденіемъ при этой промоціи. Такъ объ *Dominus Torpensis*, который пользовался покровительствомъ одного сильнаго человека въ Швеціи, сказано въ протоколѣ консисторіи (Совѣта Университетскаго) 1644: «Не благоприлично, что онъ въ разныхъ мѣстахъ сватается, почему per occasio-

*) Эта степень дается только философскимъ факультетомъ и именно чрезъ каждые три года.

**) Онъ былъ промовированъ въ 1647 г.

nem и замѣтить ему, чтобы онъ впредь не такъ часто, какъ доселѣ, пѣлъ свои пѣсни и вирши; онъ ни ему, ни Академіи никакой похвалы не приносить». Послѣ того философскій факультетъ представилъ тогдашнему проканцлеру Ротовіусу, не лзя ли поручить этому магистру какую нибудь должность по школамъ въ епископствѣ, но тотъ поблагодарилъ за рекомендацію и предложилъ отослать его назадъ къ тому, къ кому онъ опредѣленъ. Однакожъ онъ долгое время оставался при Университетѣ и всегда былъ на худомъ счету за свое поведеніе. О другомъ, Сигфридусѣ, сказано при промоціи: «Поелику оный Сигфридусъ къ отвѣту не готовъ, то философскому факультету потребовать, чтобы онъ еще 3 года пробылъ здѣсь при Академіи и учился прилежно. Въ чемъ деканъ возьметъ съ него письменное обязательство. Впрочемъ означенный Dn. S. можетъ тотчасъ послѣ промоціи отправиться куда-нибудь въ Швецію, гдѣ бы его слабость in studiis не могла обнаружиться къ посрамленію сей Академіи».

Эта первая промоція была 4 Мая 1643 г. Допущенные къ производству 10 студентовъ въ 8 ч. утра собрались въ домъ профессора математики (тогдашняго декана) Чекслеруса (Kexlerus), назначеннаго промотомъ; такъ называется профессоръ, который, слѣдуя очереди, долженъ отъ имени Университета возвести извѣстныхъ лицъ въ ученую степень. Оттуда при колокольномъ звонѣ отправились они, каждый съ однимъ изъ профессоровъ, въ Университетъ, гдѣ и совершился обычный торжественный обрядъ *).

*) Вторая промоція была въ 1647 г. Тогда степень магистра до-

Главный начальник всякаго Шведскаго Университета называется Канцлеромъ и имъ самимъ избирается изъ среды первыхъ государственныхъ сановниковъ. Хотя графъ Браге и былъ съ самаго начала усерднымъ покровителемъ Абовской Академіи, однакожь долго не носилъ титула Канцлера. Между тѣмъ Университетъ не разъ жаловался на неудобство, отсюда происекавшее, и наконецъ королева Христина, вскорѣ по вступленіи въ совершеннолѣтіе, въ 1646 году повелѣла графу Браге быть Канцлеромъ Абовской Академіи. Въ тоже время она не только утвердила всѣ права и преимущества, пожалованныя сему учрежденію, но сверхъ того умножила нѣсколько доходы его и предоставила чинамъ нѣкоторыя новыя выгоды *).

Графъ Браге, бывъ до самой смерти своей (1681), слѣдовательно болѣе 40 лѣтъ покровителемъ Университета,

стала 18-и студентамъ. Въ послѣдствіи, именно въ 1748 году было постановлено, чтобы число молодыхъ людей, производимыхъ въ магистры, каждый разъ не превышало 20-и или много 23-и человѣкъ, а съ 1737 года оно можетъ простираться до 40-а.

*) За Канцлеромъ и проканцлеромъ въ управленіи Университетомъ слѣдовала консисторія, т. е. совѣтъ, состоящій изъ всѣхъ ординарныхъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Прежде консисторія была не только совѣщательнымъ, но и судебнымъ мѣстомъ, гдѣ рѣшались всѣ дѣла, касавшіяся до Университетскихъ лицъ. Ректоръ въ этомъ отношеніи соотвѣтствовалъ губернатору провинціи (Landshöfding). Съ 1828-го онъ избирается вновь чрезъ каждые три года; а до того времени всѣ переходящія должности (munera ambulatoria) ввѣрялись только на-годъ. По-настоящему срокъ отправления ихъ долженъ былъ ограничиваться полу-годомъ; но, сколько извѣстно, правило это въ Або никогда не соблюдалось.

оставилъ по себѣ память самаго человеколюбиваго, просвѣщеннаго и заботливаго начальника. Многія дѣла его доказываютъ, что онъ и образованіемъ и понятіями стоялъ выше своего вѣка. Вотъ примѣръ тому. Тогда почти всѣ еще твердо вѣрили въ возможность колдовства. Убѣжденію этому причастны были даже люди, которые по всему другому рѣзко отдѣлялись отъ толпы. Такъ третій проканцлеръ Абовскаго Университета, отличавшійся столь многими достоинствами епископъ Терсерусъ, въ 1661 году вмѣстѣ съ Академическою консисторіею присудилъ къ смертной казни студента Эолениуса за чернокнижіе или заключеніе договора съ сатаною (pactum cum satana). Въ обвиненіе его, къ которому подали поводъ какіе-то собственные его разговоры и письма, приводились между прочимъ его быстрые успѣхи въ Латинскомъ и Восточныхъ языкахъ, его красивый почеркъ и легкость, съ какою другой студентъ въ чрезвычайно короткій срокъ выучился у него Латинскому. Но Браге на представленіе объ этомъ отвѣчалъ, что не находитъ обстоятельствъ, которыя бы служили къ обличенію Эолениуса, и такъ какъ онъ ужъ долгое время сидѣлъ въ карцерѣ, то его преступленіе, по мнѣнію графа, этимъ вполне заглажено. — Подобный же случай былъ въ 1670 году. У студента Гуннеруса въ Ревель нашли тетрадь, въ которую онъ, бывъ еще въ Або, выписалъ откуда-то разныя нелѣпыя правила о томъ, какъ посредствомъ союза съ нечистымъ духомъ сдѣлаться вдругъ ученымъ и т. п. По возвращеніи въ Або онъ за это былъ присужденъ къ тюремному заключенію, къ покаянію и удаленію навсегда изъ Университета. Самъ тогдашній проканцлеръ Гецеліусъ старшій, человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный, участвовалъ въ

этомъ рѣшеніи; но и оно, по жалобѣ обвиненнаго, было уничтожено графомъ Браге.

Изъ двухъ рассказанныхъ случаевъ видно, что невѣжество среднихъ вѣковъ въ то время еще не совсѣмъ исчезло. Объ этомъ свидѣлствуютъ и другія обстоятельства. Но ничто такъ не показываетъ грубости тогдашнихъ нравовъ, даже въ самыхъ школахъ, какъ обычай, извѣстный подъ именемъ *депозиціи*. На молодыхъ людей, хотѣвшихъ поступить въ Университетъ, надѣвали платье изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, черный плащъ, шапку съ ослиными ушами и съ рогами. Потомъ, начернивъ лице ихъ и въ каждый уголъ рта вставивъ имъ по длинному свиному клыку, депозиторъ — такъ назывался особый чиновникъ — съ огромною аллебардой въ рукѣ гналъ ихъ, какъ стадо, въ Университетскую залу, гдѣ ихъ нетерпѣливо ожидало многочисленное общество. Тамъ они становились въ кружокъ около своего пастыря: онъ начиналъ выравнивать и мѣрить ихъ своею аллебардой, корчить передъ ними лице, присѣдать, смѣяться надъ ихъ маскарадомъ. Потомъ произносилъ онъ рѣчь, доказывая по-своему необходимость воспитанія и, задавая разные вопросы, слегка ударялъ новичковъ, когда клыки мѣшали имъ отвѣчать; особыми щипцами схвативъ ихъ за горло, ваялъ на-полѣ; клыки ихъ, рога и уши сравнивалъ съ пороками, невѣжествомъ и глупостью. Вырывая послѣ эти украшенія, говорилъ, что такъ точно науки должны истреблять въ нихъ все дурное. Еще вынималъ онъ изъ особаго мѣшка стругъ, приказывалъ имъ ложиться по очереди на-полѣ, стругалъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ и дѣйствіе это уподоблялъ дѣйствию ученія на-душу. Слѣдовали разные

другія церемоніи въ томъ же родѣ, послѣ чего онъ оказывалъ своихъ мучениковъ цѣлымъ ведромъ воды и вытиралъ имъ лице жесткой тряпкой. Тутъ онъ провозглашалъ ихъ *свободными студентами академіи*; но съ тѣмъ, чтобъ они еще 6 мѣсяцевъ ходили въ своихъ черныхъ плащахъ и прислуживали старымъ студентамъ съ безусловною покорностью. Служба эта называлась *пенализмомъ* и до послѣднихъ временъ сохранялась въ нѣкоторой степени при Абовскомъ Университетѣ. Должность же депозитора была уничтожена еще въ исходѣ 17-го столѣтія (постановленіемъ 25 Ноября 1691 г.). До того времени она поручалась обыкновенно какому-нибудь магистру, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ. Депозиторъ содержался на иждивеніи студентовъ. Консисторія часто должна была напоминать ему, чтобы онъ обращался съ ними порядочно и пристойно.

Другимъ обычаемъ того времени было представленіе въ Университетѣ комедій при торжественныхъ случаяхъ: актерами были студенты, игравшіе подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ *).

*) Для сравненія съ комедіями, игравшимися около того же времени у насъ на Руси, приведемъ заглавія нѣкоторыхъ изъ представленныхъ въ Або: «Сурге или прилежности и неприлежности эрѣзиче въ комедіи, Або 6 Мая 1647»; «Комедія (Белеснакъ), содержащая въ себѣ о женитьбѣ и сватовствѣ различные забавные дискурсы и изреченія, которую на свадьбѣ такого-то и такой-то «держали и разыгрывали 31 Іюля и 1 Авг. 1649 въ Королевской Абовской Академіи»; «Эеирная генесисъ, или рожденіе Іисуса Христа, въ немудреной комедіи представленное, которая 1659 г. 9 Генв. публично праздновалась въ городѣ Або».

въ Або изъ Упсалы, куда занесенъ былъ изъ школъ Іезуитскихъ.

Какъ черту, характеризующую вѣкъ, приведемъ здѣсь отрывокъ изъ опредѣленія Университетской консисторіи отъ 1642 года. «На ректорскихъ угощеніяхъ (т. е. о-бѣдахъ, даваемыхъ новыми ректорами) должно подавать 6 ординарныхъ блюдъ, не считая масла, хлѣба и окорока; послѣ обѣда не разносить конфетъ, а развѣ только сыръ. И надлежитъ ректору подавать хорошее Финское пиво и немного Французскаго вина» и т. п. Потомъ исчислены почетные чины, которые ректоръ долженъ торжественно приглашать; «что касается до типографщика, книгопродавца и переплетчика *), то ректоръ можетъ приглашать ихъ черезъ своего собственнаго слугу, если заблагоразсудить». Сверхъ того дозволяется ректору позвать одного или двухъ добрыхъ пріятелей или родственниковъ и тѣхъ изъ студентовъ, которые при торжествѣ участвовали въ музыкѣ. Женщинъ отнюдь не вѣжливо приглашать, ни даже женъ профессоровъ или другихъ гостей, и подъ опасеніемъ штрафа запрещено пировать до другаго дня.

Графъ Браге былъ истиннымъ благодѣтелемъ не только Университета, но и цѣлой Финляндіи. Въ двукратное управленіе этимъ краемъ онъ, — хотя всего-на-все пробылъ здѣсь въ разное время не болѣе 6-и лѣтъ, — совершилъ по всемъ частямъ едва вѣроятныя преобразованія.

То,

*) Упоминаніе здѣсь этихъ лицъ доказываетъ, какъ въ то время они были важны для Або.

То, что онъ сдѣлалъ для Финляндіи, составляетъ конечно славнѣйшій подвигъ его жизни. За то и снискалъ онъ здѣсь общую благодарность современниковъ и потомства. Финляндцы называли его *отцемъ края* (landsfader) и долго поминали годы его управленія словами: «время графа (grefvens tid)», которыя наконецъ обратились въ пословицу. *)

Съ именемъ Браге соединено воспоминаніе и о тѣхъ мужахъ, которые, нося титулъ проканцлеровъ, одинъ за другимъ содѣйствовали ему въ трудахъ ко благу Университета. Должность проканцлера въ Швеціи всегда возлагается на мѣстнаго епископа. Въ этомъ старинномъ обычаѣ видно значеніе протестантскаго духовнаго сословія въ прежнее время. Отъ того училищная часть въ Швеціи до сихъ поръ находится въ видѣннѣй духовенства. Абовскій Университетъ былъ особенно счастливъ первыми изъ своихъ проканцлеровъ. Исаакъ Ротовіусъ, Эсхиль Петреусъ и Іоаннъ Терсерусъ, съ трое Шведскіе уроженцы, другъ за другомъ послѣдовавшіе въ управленіи Университетомъ, оказали важныя услуги наукамъ и государству.

Ротовіусъ (прок. 1646—1652), сынъ бѣднаго крестьянина, дѣлитъ съ графомъ Браге и честь усилій къ учрежденію Университета, и честь первыхъ распоряженій къ открытію его. Онъ въ этомъ дѣлѣ принялъ самое живое, пламенное участіе и отъ всей души радовался.

*) Когда хотятъ выразить, что кто-либо давно жданный пришелъ кстати, то говорятъ: «онъ пришелъ въ графово время».

ся польза, какую столь благотворная мѣра обѣщала Финляндіи.

Петреусъ, первый ректоръ Абовскаго Университета (проканцл. 1652—1657), издалъ въ 1642 г. Финскій переводъ библіи, по волѣ правительства сдѣланный подъ его руководствомъ. Финскій языкъ, который онъ изучилъ для того, много выигралъ отъ этого труда. Часть библіи появилась въ Финскомъ переводѣ епископа Агриколы еще при Густавѣ I, вскорѣ по введеніи въ Финляндіи реформации. По порученію Браге, Петреусъ издалъ и первую Финскую грамматику, составленную имъ впрочемъ по примѣру Латинской. Замѣчательно, что еще прежде, при Густавѣ Адольфѣ, и ученіе Русскому языку въ Финляндіи было предметомъ заботливости правительства: знаніемъ его надѣялись облегчить какъ торговля сношенія съ Восточными соседями, такъ и обращеніе послѣднихъ въ Лютеранскую вѣру. Во время управленія Университета Петреусомъ, именно въ Маѣ 1656 г., зданіе его чрезвычайно потерпѣло отъ пожара, послѣ котораго долго не могло быть восстановлено по недостатку средствъ. Академія принуждена была для этого занять 600 сер. тал., въ послѣдствіи выплаченныхъ королемъ Карломъ XI.

Терсерусъ (Terzerus), сначала одинъ изъ профессоровъ Богословія при Университетѣ (прок. 1658—1664), въ юности много путешествовалъ по Европѣ, а въ послѣдствіи училъ королеву Христину Еврейскому языку. Возведенный потомъ въ санъ Абовскаго епископа и въ этомъ качествѣ принявъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ Швеціи, Терсерусъ, при возвращеніи въ Стокгольмъ отъ

казавшейся отъ престола королевы, сильно возсталъ противъ возобновленныхъ ею притязаній на корону. Вообще голюсь его на сеймъ былъ смѣлъ и силенъ, какъ его характеръ. Но неосторожная ревность къ исправленію въ Финляндіи ученія религіи навлекла на него ненависть духовенства: онъ былъ судимъ въ Стокгольмѣ и лишенъ должности. Послѣ однакожъ опять получилъ епископство въ Швеціи, но и на новомъ мѣстѣ не измѣнилъ прежнимъ правиламъ.

Какъ онъ, такъ и Ротовіусъ и Петреусъ, независимо отъ дѣятельнаго участія въ управленіи Университетомъ, ревностно пеклись о благѣ своей епархіи; какъ онъ, содѣйствовали къ усовершенствованію религіознаго ученія, къ успѣхамъ въ искусствѣ проповѣдыванія, къ возвышенію нравственности. Ротовіусъ и Терсерусъ, оставившіе множество проповѣдей, нерѣдко достигаютъ въ нихъ истиннаго краснорѣчія. Терсерусъ во всѣхъ отношеніяхъ далеко превосходилъ обоимъ своимъ предшественниковъ: но, какъ мы видѣли, и онъ, при всей своей возвышенности, заплатилъ дань вѣку участіемъ въ самыхъ грубыхъ его предразсудкахъ.

Преемникъ Терсеруса, *Іоаннъ Гецелиусъ старшій* (Johan Gezelius den äldre, прок. 1664—1690) также имѣетъ право на особенную благодарность Финляндіи. Университетъ обязанъ ему значительнымъ улучшеніямъ какъ въ методахъ преподаванія, такъ вообще въ своемъ внутреннемъ устроивш. Гецелиусъ учредилъ при немъ особую коллегію для образованія проповѣдниковъ, — заведеніе, которое въ послѣдствіи замѣнила существующая и понынѣ духовная семинарія.

Другою важною заслугою Гецелиуса ст. было оживленіе литературы и книжной торговли въ Финляндіи. До него книги въ Або составляли рѣдкость. Правда, книгопродавецъ, который опредѣлится при Университетѣ, предоставлено было безплатно выписывать книги изъ-за-моря, и, по распоряженію Браге, уже въ 1642 году прибылъ изъ Любека книгопродавецъ Яухіусъ (Jauchius), который и торговалъ въ Або до 1655. Въ 1660 году явился другой, также Любекскій книгопродавецъ. Но по плохому состоянію книжной торговли въ то время, Академія еще долго терпѣла недостатокъ въ учебныхъ руководствахъ. Къ отвращенію его въ нѣкоторой степени служили диссертациі, издававшіяся профессорами по отдѣламъ и наконецъ обнимавшія цѣлую науку. Студенты, по мѣрѣ печатанія этихъ пособій, собирали ихъ и потомъ переплетали въ особую книгу по каждому предмету.

Типографія сначала не было въ Або. Университетскій нотаріусъ изготовлялъ на письмѣ всѣ бумаги, следовавшія къ общему свѣдѣнію. Только въ 1642 году стараніемъ Ротовіуса переселился туда изъ Швеціи типографчикъ Вальдіусъ (Waldius). Но привезенная имъ типографія была такъ бѣдна, что въ ней разомъ едва можно было печатать и по полулисту. Гецелиусъ ст., занимаясь составленіемъ и изданіемъ учебныхъ книгъ, сильно чувствовалъ такое неудобство, и потому рѣшился завести въ Або свою собственную типографію, для чего купилъ даже бумажную фабрику. Въ 1669 г. новая типографія была уже въ полномъ ходу и скоро принесла неисчислимую пользу. Здѣсь самъ Гецелиусъ напечаталъ множество духовныхъ и вообще педагогическихъ сочине-

ній. Особенно примѣчательны два труда его: *философская энциклопедія*, книга для своего времени чрезвычайно важная, хотя и не чуждая недостатковъ его, и *новое изданіе Шведскаго перевода Священнаго писанія*, съ исправленіями, примѣчаніями и дополненіями. Последнее предпріятіе впрочемъ было только начато Гецелиусомъ ст.

Необыкновенно трудолюбивъ и дѣятеленъ, онъ понятіями (см. стран. 19) не стоялъ выше современниковъ своихъ: неумолимая строгость, гордое обращеніе и щекотливое самолюбіе надѣляли ему множество враговъ, а врожденная страсть къ ябедѣ часто вовлекала его въ запутанныя тяжбы. Въ этихъ спорахъ, которые только поглощали его время, онъ позволилъ себѣ нѣкоторые поступки, бросающіе тѣнь на его характеръ.

Начинанія Гецелиуса со смертію его не остановились: ихъ продолжалъ также незабвенный въ лѣтописяхъ Университета сынъ его, *Іоаннъ Гецелиусъ младшій* (Johan Gezelius den yngre). Но при этомъ проканцлеръ (1690—1718) случился въ жизни Университета такой переворотъ, что мы всѣ замѣчанія о 2-мъ Гецелиусѣ должны отнести къ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА III.

ВОЙНА ДВАЖДЫ РАЗСТРОИВАЕТЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

«Тяжелъ онъ немного г-нъ Губернаторъ въ томъ разсужденіи, что требуетъ, дабы изъ способовъ Академіи поставка платья и оружія для Студентовъ производима была, а таковыхъ способовъ не имѣется во-все»

Письмо ректора Таммелина къ про- канцлеру, отъ 11 Апр. 1710 года.

«О память дней, когда отъ плуга земледѣльцъ Ираненъ въ хату шелъ и тамъ лишь трупы зрѣлъ!»

Францѣнъ.

Гецеліусъ младшій, благодаря просвѣщенной заботливости отца, былъ счастливъ воспитаніемъ: онъ въ молодости много путешествовалъ; былъ въ Голландіи и въ Англіи, учился, особливо Восточнымъ языкамъ, въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, а потомъ и въ Парижѣ.

Пробывъ нѣсколько времени профессоромъ Богословія въ Або, онъ былъ назначенъ суперинтендентомъ въ Нарву, откуда по повелѣнію короля возвратился въ 1689 г.

для принятія участія въ трудахъ отца. Последній вскорѣ умеръ; сынъ заступилъ его мѣсто и, какъ сказано, продолжалъ труды его. По примѣру отца, Гецеліусъ младшій самъ училъ въ коллегіи искусству проповѣдыванія, въ которомъ они оба произвели благотворительную перемѣну: до нихъ духовныя проповѣди были не что иное, какъ схоластическіе споры, гдѣ проповѣдникъ усиливался блеснуть своею ученостію; проповѣди же Гецеліусовъ резко отличаются отъ всѣхъ современныхъ сочиненій этого рода.

Сверхъ того Гецеліусъ младшій значительно улучшилъ въ народѣ ученіе закона Божія и много успѣлъ въ своихъ стараніяхъ о смягченіи нравовъ, а особливо объ образованіи еще невѣжественнаго духовенства.

Между тѣмъ способы Университета по-прежнему были скудны. Ходатайство Гецеліуса младшаго предъ правительствомъ объ увеличеніи ихъ осталось тщетнымъ. Наконецъ война Карла XII съ Россіею довершила бѣдствія Аураической Академіи. Въ 1702 году по сдачѣ Нотеборга (что нынѣ Шлиссельбургъ) въ Университетъ пришло приказаніе (которое потомъ не разъ возобновлялось), чтобы и студенты и служители его учились ружью. По покореніи Ингерманландіи Петромъ Великимъ, профессоръ математики, послѣ епископъ, Таммелинъ, взялся руководить студентовъ въ воинскихъ упражненіяхъ, и въ 1710 г., по сдачѣ Выборга, Университетъ вынужденъ былъ объявить 20 студентовъ, неспособныхъ къ наукамъ, годными нести оружіе; таже участь постигла 16 учениковъ каедральной школы.

Всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и вообще чи-

новникамъ Финляндскимъ даны были предписанія на случай, если военныя обстоятельства потребуютъ оставленія отечества. Еще-весною 1710 г. гофгерихтъ Абовскій и Академическая консисторія собирались удалиться въ Остроботнію; но по сдачѣ Выборга рѣшено было, что только Швеція можетъ доставить убѣжище надежное. Мѣстному начальству приказано распорядиться, чтобы колокола, люстры и прочее имущество изъ ближайшихъ къ морю приходоѡ перевезены были въ Стокгольмъ, а внутри края зарыты въ землю. Въмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, что никто изъ частныхъ лицъ не смѣетъ перевозить своей собственности пока не будетъ спасено все общественное достояніе; это возложено на отвѣтственность корабельщиковъ подѣ опасеніемъ штрафа въ 40 мар. сер. за каждое нарушеніе предписанія. Однакожъ гроза опять затихла. Но въ концѣ того же года въ Або собрано было и отправлено въ походъ 10 т. человекъ. Къ большому бѣдствію, въ Финляндіи открылась чума, а въ Маѣ 1711 года значительная часть Або сгорѣла. Въ слѣдующемъ году нужда достигла высшей степени, и консисторіи вѣльно составить списокъ всѣмъ тѣмъ изъ подвѣдомственныхъ ей лицъ, которыя способны носить оружіе. Наконецъ въ 1713 году Русскіе сдѣлали высадку при Гельсингфорсѣ. Главнокомандовавшій Шведскими войсками, Любекеръ, считалъ нужнымъ, въ случаѣ крайней опасности, скорѣе сжечь Або, нежели уступить его, но это предположеніе, распространивъ тамъ величайшее уныніе, было отвергнуто мѣстнымъ правительствомъ.

Мало по малу множество должностныхъ Финляндцевъ успѣло перебраться въ Швецію. Тоже сдѣлали

почти всѣ чины Университета, а за ними послѣдовало туда и все его движимое имущество: библіотека, типографія *) и другія принадлежности. Гецеліусъ младшій, еще прежде, при первомъ извѣстіи о близкой опасности, поспѣшилъ отправиться въ Швецію, общая тѣмъ усердіе дѣйствовать въ пользу Финляндіи. Въ самомъ дѣлѣ, онъ много участвовалъ въ распоряженіяхъ по переселенію Университетскихъ лицъ. Швеція, не смотря на свое собственное разстройство, не оставила въ этомъ случаѣ безъ призрѣнія Финляндцевъ, которые въ ея предѣлахъ искали спасенія. Въмѣстѣ съ другими переселенцами Финляндскими многіе чины Абовской Академіи нашли тамъ новыя должности; остальные продолжали пользоваться своими прежними окладами; но конечно, по большому числу своему, всѣ эти пришельцы, обременивъ собою государственную казну Швеціи, скорѣ сдѣлались предметомъ общаго неудовольствія, особливо пасторы, оставившіе свои паствы.

Въ сущности, Университета уже не было; даже ученая дѣятельность его преподавателей, по затруднительному ихъ положенію, совершенно остановилась. При всемъ томъ, благодаря стараніямъ Гецеліуса, Абовская Академія не считалась уничтоженной, и по аттестатамъ ея молодые Финляндцы принимались въ число студентовъ Упсальскихъ.

Между тѣмъ и Русскіе полководцы являли въ Финляндіи рѣдкое челоѡколюбіе. Або и окрестности его съ

*) Типографія Гецеліуса болѣе не возвращалась изъ Швеціи: она тамъ была продана.

28-го Августа были заняты нашими войсками. Здесь князь Голицынъ своимъ великодушнымъ поведеніемъ заслужилъ навсегда признательность народа. Въ послѣдніе годы войны, край, подъ его защитой, началъ во всѣхъ отношеніяхъ оправляться: не только земледѣліе и промышленность ожили, но и самое просвѣщеніе могло безпрепятственно продолжать ходъ свой. Молодымъ людямъ, искавшимъ высшаго образованія, князь Голицынъ, не смотря на то, что война не прекращалась, давалъ пашпорты на переходъ въ Швецію. Абовская Академія, записывая ихъ въ альбомъ свой, выдавала имъ, какъ сказано, аттестаты, которые открывали имъ путь къ дальнѣйшему образованію. Однакожъ число Финляндцевъ въ Упсальскомъ Университетѣ было въ то время незначительно. Весною 1714 г. ихъ находилось тамъ только 28, почти всѣ изъ Остроботніи, откуда сообщеніе съ Швеціею было самое легкое. Гецеліусъ не переставалъ заботиться нежно о молодыхъ согражданахъ своихъ; между прочимъ они ему обязаны были тѣмъ, что при раздачѣ стипендій въ Упсалѣ, имъ, какъ Финнамъ, принадлежало первенство.

Наконецъ 1721 года былъ заключенъ миръ въ Ништадѣ. Въ слѣдующемъ году и Университетъ послѣ девятилѣтняго разрушенія возстанавливается въ Або: его зданіе снова освящаютъ въ Ноябрь при проканцлерѣ Витте, и онъ вступаетъ въ дѣйствіе съ 6-ю новыми кафедрами, учрежденными еще до окончанія войны. Но не всѣ прежніе профессора Абовскіе возвращаются къ должностямъ своимъ; нѣкоторые сохраняютъ занятія вновь мѣста, иныхъ уже нѣтъ: Ельмъ (Hjelm, проф. медіц.) и Мунстеръ (проф. истор. и нрав. филос.) умерли въ Русскомъ

плѣну *); двое другихъ нашли смерть въ Швеціи. Недостававшіе такимъ образомъ профессора были поспѣшно замѣнены новыми, въ выборѣ которыхъ, при разстроенномъ положеніи дѣлъ, не могло быть соблюдено надлежащей строгости. Приписанныя къ Университету угодья такъ пострадали отъ войны, что вовсе не могли приносить ему пользы. Доведенный до крайности, онъ ищетъ помощи правительства, но безуспѣшно.

Между тѣмъ совершилось ему 100 лѣтъ. 15 Іюля 1740 года празднуетъ онъ свое основаніе; но по истощенію въ то время казны Шведской, этотъ юбилей не могъ быть блистательнъ. По той же вѣроятной причинѣ не пріѣхалъ и Канцлеръ, котораго ожидали съ нетерпѣніемъ. Для возвышенія торжественности случая, висѣлъ надъ кафедрою нарочно купленный малиновый коверъ, и наняты были музыканты. Празднества продолжались четыре дня; въ первый произведено было три доктора Богословія; послѣ чего въ кафедральной церкви выслушана проповѣдь. Въ три слѣдующіе дня, передъ обѣдомъ, одинъ изъ студентовъ читалъ на Латинскомъ или на Шведскомъ языкѣ либо рѣчь, либо стихи, приуроченные къ случаю. Сверхъ того даны были обѣды, по тогдашнимъ обстоятельствамъ пышныя; въ первые два дня у епископа и проканцлера (Фаленіуса, который совершилъ упомянутую докторскую промоцію), а потомъ, на счетъ двухъ знатныхъ чиновниковъ, въ новомъ зданіи

*) Оба они взяты были 1714 года въ плѣнъ на Аландскихъ островахъ, куда бѣжали отъ нашихъ: Ельмъ, какъ полагаютъ, умеръ въ Москвѣ въ 1715 г., а Мунстеръ въ Гельсингфорсѣ на дорогѣ въ Россію.

библиотеки. Здѣсь угощались были и студенты; домъ былъ иллюминированъ и гремѣлъ музыкою.

Вскорѣ послѣ того, въ 1742 году, война Швеціи съ Россією вновь разсѣяла мирныхъ гражданъ Университета; однакожъ изъ нихъ нѣкоторые остались при немъ. Но и въ эту пору, благодаря великодушію Русскаго генерала Кейта, всѣ профессоры, даже и удалившіеся въ Швецію, сохранили свое жалованье. Изъ оставшихся онъ перемѣстилъ нѣкоторыхъ отъ одной катедры къ другой.

Такимъ образомъ, задолго до присоединенія Финляндіи къ Россіи, двое Русскихъ полководцевъ съ честью вписали имена свои въ лѣтописи Абовскаго Университета. Двукратное удаленіе его въ Швецію было собственно мѣрой ненужною.

ГЛАВА IV.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ.

«Съ быстротою почти невѣроятною распространяется по всему городу вѣсть о благодѣяніяхъ, излитыхъ на насъ Императоромъ Александромъ. Ихъ узнаютъ мужи и жены, дѣвы и почтенные старцы»...

Проф. А. И. Лагусъ 27 Іюня 1811.

«Одно ужъ это имя звучитъ для насъ какъ громкая героическая пѣснь и вмѣстѣ какъ тихая идиллія, которой сладостнымъ тонамъ мы невольно внимаемъ съ безмятежнымъ восторгомъ».

Анонимъ.

(Finl. Allm. Tidsn. 1840, N:o 197.)

По заключеніи мира и восстановленіи Университета во второй разъ, Шведское правительство въ 1743 году наконецъ даровало ему новый штатъ съ увеличенными окладами и новыми преимуществами. Съ тѣхъ поръ порядокъ въ выдачѣ опредѣленнаго чинамъ его содержанія болѣе не нарушается. Вскорѣ, именно въ 1747 году, онъ испытываетъ во внутреннемъ устройствѣ еще разныя благодѣтельныя перемѣны и пріобрѣтаетъ новыя пособія.

Въ послѣдующее время, особливо при Густавѣ III, покровитель наукъ и искусствъ, состояніе Абовскаго Университета и въ хозяйственномъ и въ ученомъ отношеніи примѣтно улучшается. Къ благодѣяніямъ правительства присоединяются и частныя пожертвованія. Съ помощію тѣхъ и другихъ наконецъ открывается возможность построить для Университета новый домъ, котораго потребность такъ давно уже чувствуется: старый, не разъ терпѣвъ отъ пожара и войны и почти вовсе не бывъ исправляемъ, пришелъ въ совершенную ветхость и былъ такъ тѣсенъ, что большая часть умножившихся ученыхъ пособій хранилась въ другихъ стѣнахъ. Къ тому же онъ отъ времени сталъ холоднѣе прежняго *). Для возведенія новаго зданія покупаютъ мѣсто, и не теряя времени приступаютъ къ работамъ. Первый камень положенъ былъ 1802 года въ день Христіны (24 Іюля н. ст.) самимъ королемъ Густавомъ IV Адольфомъ и его супругою. Университетъ началъ занимать этотъ домъ, не дожидаясь окончанія его, по мѣрѣ того какъ онъ отстроивался въ частяхъ; такимъ образомъ и старый постепенно былъ оставляемъ.

Между тѣмъ, къ Финляндіи снова приближается буря войны; но на этотъ разъ Университетъ не видитъ надобности искать спасенія въ бѣгствѣ, ибо «храня спокойствіе вообще всѣхъ обывателей Финляндіи», Императоръ Александръ, какъ Самъ Онъ изволилъ выразиться **),

*) Чтобы дать понятіе о положеніи этого дома довольно сказать, что проф. Францъ зимою садился на каедрѣ въ тундрѣ и мѣховыхъ саноггахъ.

**) Въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя проканцлера Аб.вск. Ул.верс. отъ 4 Іюня 1808.

«особенно желать среди самыхъ военныхъ дѣйствій оградить сіе ученое сословіе уваженіемъ и покровительствомъ». Замѣчательно свидѣтельство, какое отдалъ Русскимъ тогдашній ректоръ Университета знаменитый Калоніусъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ 1808 году при сложеніи этой должности. «Надобно откровенно сознаться», говоритъ онъ между прочимъ: «что настоящая война ведена съ такою умѣренностію, какая не только прилична нашему просвѣщенному вѣку, но заслуживаетъ, чтобы ее ставили въ примѣръ другимъ самымъ даже просвѣщеннымъ націямъ, и дай Богъ, чтобы онъ ему послѣдовали! . . . »

Высочайшимъ рескриптомъ на имя проканцлера епископа Тенгстрема отъ 4/16 Іюня 1808 Императоръ Александръ не только утвердилъ «силу всѣхъ правъ и преимуществъ, Абовскому Университету присвоенныхъ», но еще сверхъ того повелѣлъ «пригласивъ членовъ Университета, положить на мѣрѣ способы, какіе признаются нужными къ распространенію и вѣдшему усовершенію сего заведенія». Узнавъ, что построеніе новаго Университетскаго дома, за недостаткомъ средствъ, почти остановилось, Государь тотчасъ назначилъ на этотъ предметъ 6000 р. сер.

Легко вообразить, какъ весь Университетъ былъ восхищенъ и тронутъ такими неожиданными знаками Царской милости, но еще несравненно живѣе стали его чувствованія, когда вскорѣ онъ наслаждался лицезрѣніемъ Александра. Подробности перваго пребыванія Его въ Або не должны быть забыты. Онъ прибылъ туда 20 Марта (1 Апрѣля) 1809 года, переночевавъ въ Радельмъ

(имѣніи профессора и тогдашняго ректора Гартмана)*) верстахъ въ 12-и отъ города. Передъ въѣздомъ построены были триумфальныя ворота (по образцу приготовленныхъ въ Римъ для Тита) съ надписью, профессоромъ Францѣ-номъ составленною:

АЛЕКСАНДРУ,

Котораю войска покорили край,

Котораю блаюсть покорила народъ.

Между триумфальными воротами и городомъ Императоръ былъ встрѣченъ своею свитою. Онъ вышелъ изъ саней и верхомъ въѣхалъ въ Або при пушечной пальбѣ и необычайномъ стеченіи народа. Немедленно всѣ значительнѣйшіе изъ обывателей удостоились представленія Его Величеству. Остальную часть дня ознаменовали парадъ, обѣденный столъ у Высокаго Посѣтителя и вечерняя иллюминація.

На другой день Онъ изволилъ осматривать разныя учрежденія. Въ гофгерихтѣ изъявилъ желаніе оказать милость преступнику и въ слѣдствіе того смягчилъ наказаніе смертоубійцы. При Высочайшемъ отшествіи члены суда всеподданнѣе просили Государя пожаловать имъ въ даръ, для украшенія залы, портретъ Его Величества. Императоръ не иначе соизволилъ на то, какъ

*) Живописное мѣсто близъ морскаго берега. Бюстъ Александра, украшающій одну изъ трехъ комнатъ, которыми пользовался Высокій Гость, напоминаетъ историческую примѣчательность Раделъмы. Нынѣ это имѣніе принадлежитъ генераль-директору Гартману, сыну тогдашняго хозяина.

съ условіемъ, чтобы тамъ же находился на приличномъ мѣстѣ и портретъ основателя суда, Густава Адольфа.

Присутствіемъ Александра осчастливленъ былъ потомъ и Университетъ въ новомъ его зданіи. Здѣсь Августѣйшему Гостю приготовленъ былъ торжественный пріемъ. Профессоръ краснорѣчія Валленіусъ произнесъ на Латинскомъ языкѣ рѣчь, а профессоръ Францѣнъ прочелъ написанное имъ по-Французски стихотвореніе, въ привѣтствіе Александру. Государь стоялъ у ступеней трона, для Него устроеннаго.

Послѣ Его Величеству представлены были студенты по областямъ, гдѣ они родились. Онъ еще изволилъ разсматривать планъ новаго Университетскаго дома, посѣтилъ въ немъ парадную залу, гдѣ особенное вниманіе Монарха обратили на себя колонны изъ полированного гранита, и наконецъ библіотеку. Вечеромъ Государь былъ на городскомъ балѣ, гдѣ изволилъ участвовать въ танцахъ и всѣхъ привелъ въ восторгъ милостивымъ Своимъ обращеніемъ.

Пребываніе Александра въ Або на-долго оставило въ тамошнихъ жителяхъ глубокое впечатлѣніе. «Мы едва вѣрили глазамъ своимъ», говоритъ профессоръ Лагусъ *): «когда этотъ Гиперборейскій Атлантъ, презирая ненастье, верхомъ въѣхалъ въ городъ почти безъ свиты: всѣмъ, вокругъ стоявшимъ тѣсною толпою, кланялся Онъ съ необычайною, радостною привѣтливостію. Допущенные

*) Въ рѣчи, о которой будетъ упомянуто ниже.

въ присутствіе Монарха, не могли мы надвинуться чудной сладости Его] рѣчи, милостивому и пленительному Его обращенію и всѣмъ высокимъ украшеніямъ и достоинствамъ души Его. Какъ блистательно явилъ Онъ ихъ, бывъ въ этомъ святилищѣ Музъ 2 Апрѣля 1809 года! съ какимъ вниманіемъ все разсматривалъ, съ какою скромностью, съ какою чрезвычайною кротостью въ выраженіяхъ принялъ Онъ благоговѣнное *присѣзаніе* Камень, *) при чемъ — повѣрятъ ли потомки? — стоялъ предъ трономъ, для Него приготовленнымъ!»

Къ вѣщему доказательству благости Своей, Александръ приказалъ Университету, на основаніи старинныхъ его постановленій, избрать себѣ новаго Канцлера изъ среды высшихъ сановниковъ Русскихъ; но Университетъ, по незнанію дѣлъ Россіи затрудняясь въ такомъ выборѣ, всеподданнѣе просилъ, чтобы великодушный Монархъ Самъ назначилъ ему Канцлера. Снизойдя на такое желаніе, Александръ Всемиловѣе поручилъ эту должность М. М. Сперанскому (тогда Д. С. С., Статсъ-Секретарю и Товарищу Министра Юстиціи). То былъ 17-й Канцлеръ Абовскаго Университета.

Согласно Государевой волѣ, Университетъ частію въ собраніяхъ консисторіи, частію по факультетамъ приступилъ къ совѣщаніямъ о дѣлахъ своихъ. Не смотря на улучшенія, въ последнее время происшедшія въ устройствѣ его, онъ еще во многихъ отношеніяхъ терпѣлъ стѣснительныя неудобства. Главнымъ былъ недостатокъ денежныхъ способовъ и скудость окладовъ. При общей

*) Рѣчь *Valleius Vota & Plausus &c.*

бѣдности Финляндцевъ, множество студентовъ принуждено было оставлять Университетъ и уроками внутри края снискивать себѣ пропитаніе. И изъ преподавателей многіе, вопреки своимъ склонностямъ, переходили на какое-нибудь другое поприще, чтобы только улучшить свое вѣншее благосостояніе. Университетъ самъ чувствовалъ значительность пожертвованій, какихъ требовало удовлетвореніе всѣхъ нуждъ его; но если съ одной стороны онъ опасался употребить во зло великодушіе несравненнаго Монарха, то съ другой любовью къ наукѣ, ревностью къ пользамъ отечества и довѣренностью къ неограниченной благости Александра подали Университету силу преодолѣть его робость. Перемены, предложенныя въ слѣдствіе такихъ соображеній, въ концѣ года были представлены Канцлеру.

Финляндскій генералъ-губернаторъ, графъ Штейнгейль, около этого времени призванный по дѣламъ въ С. Петербургъ, возвратился оттуда съ радостною вѣстью, что Императоръ, утверждая всѣ предположенія Университета, жалуетъ ему 20,000 р. сер. на окончаніе и распространеніе строящагося дома, съ обѣщаніемъ ежегоднаго вспоможенія пока зданіе не будетъ готово. Главныя статьи преобразованія состояли въ томъ, что Университету прибавлено 6 новыхъ профессоровъ и 12 адъюнктовъ, назначены пенсіи двумъ заслуженнымъ профессорамъ, обезпечено положеніе вдовъ и сиротъ по смерти Университетскихъ чиновниковъ, многимъ изъ нихъ послѣднихъ увеличены оклады, бѣднымъ студентамъ опредѣлены пособія; къ предметамъ ученія причислены главные Европейскіе языки, между ними и Русскій; даны средства къ приращенію учебныхъ хранилищъ; сверхъ того уничто-

жено постановленіе, запрещающее молодымъ людямъ изъ Выборгской губерніи посѣщать Абовскій Университетъ. Незабвенный указъ о сихъ перемѣнахъ подписанъ 10/22 Февраля 1811 года.

Такія благодѣянія превзошли всѣ надежды Университета. Преисполненный благодарности, онъ съ Высочайшаго разрѣшенія отправляетъ въ С. Петербургъ четырехъ Депутатовъ для изъясненія Монарху благоговѣйной признательности. Милостиво принятыя Имъ, они испрашиваютъ дозволеніе выбить въ память толикихъ щедротъ большую медаль съ изображеніемъ Августѣйшаго Благотворителя. Съ Своей стороны, Онъ обѣщаетъ дѣлать все, что отъ Него будетъ зависеть, для блага любезныхъ Ему Финляндіи и наукъ, прибавляя, что великія возлагаетъ надежды на Абовскій Университетъ.

Медаль, въ слѣдствіе сей аудіенціи выбитая, представляетъ съ одной стороны изображеніе Александра, а съ другой Музу, играющую на арфѣ надъ опрокинутою урной, изъ которой льется вода. Поодаль видишь на лѣво скалу, на-право новое зданіе Университета, а въ серединѣ восходящее солнце. \Наверху надпись: *Vetat mori* (запрещаетъ умереть), а внизу: *Academia Fennorum ad Auram novis incrementis aucta a MDCCCXI* (Академія Финновъ на Аурѣ, обогащенная новыми приращеніями въ 1811 г.).

Сверхъ того, въ ознаменованіе столь важныхъ для сего учрежденія событій, въ немъ по старинному обычаю 15/27 и 16/28 Іюня 1811 г. торжественно произнесено было нѣсколько рѣчей. Между ними всѣхъ обильнѣе содержаніемъ Латинская рѣчь профессора философіи, А. И.

Лагуса *), доставившая намъ многіе факты для обозрѣнія нашего. Въ первый изъ упомянутыхъ дней Университетомъ данъ былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали главные чины всѣхъ ведомствъ и нѣкоторые изъ проезжихъ.

М. М. Сперанскій, котораго самое назначеніе въ должность Канцлера было явнымъ знакомъ Монаршаго благоволенія къ Университету, умѣлъ въ краткое время своего управленія сдѣлать имя свое незабвеннымъ и для Финляндіи. Преемникомъ его былъ графъ Г. М. Армфельтъ, который еще при Густавѣ III снискалъ въ томъ же званіи особенную довѣренность и признательность сего учрежденія. По смерти его, въ 1814 году, Университетъ согласно съ Высочайшею волей, приступилъ къ избранію новаго Канцлера. Выборъ палъ на графа Н. П. Румянцева, этого знаменитаго ревнителя просвѣщенія, котораго имя уже принадлежало исторіи Финляндской **) и который самъ состоялъ въ ученой перепискѣ съ Университетомъ. Но графъ на письмо консисторіи по этому предмету отвѣчалъ проканцлеру, что отказавшись уже отъ всякаго участія въ дѣлахъ государственныхъ, онъ не можетъ принять и предлагаемой ему должности. Этому обстоятельству Университетъ обязанъ былъ новымъ, блистательнымъ событіемъ.

Университеты: Упсальскій съ 1747 года и Лундскій съ 1810 не разъ пользовались счастьемъ состоять подъ управленіемъ членовъ королевскаго дома. Имя сіе въ

*) Умершаго въ 1831 г.

**) Его дѣдъ велъ переговоры по Абовскому миру въ 1743 году, а самъ Николай Петровичъ — по Фридрихсгамскому, въ 1809 г.

виду, Абовскій Университетъ въ началѣ 1816 года осмѣлился повергнуть къ престолу всеподданнѣйшую просьбу, не удостоитъ ли великодушный Монархъ и его подобною милостію, даровавъ ему Канцлера въ Особѣ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Николая Павловича. Епископъ Тенгстремъ, отправившійся по этому случаю въ С. Петербургъ, лично докладывалъ Императору о такомъ вѣрноподданническомъ желаніи, и Его Величество, «въ доказательство особенной Своей милости къ Абовскому Университету», какъ сказано въ рескриптѣ 25 Марта (6 Апрѣля) 1816 года на имя проканцлера и консисторіи, благоволилъ снизить на упомянутую просьбу. Докладываніе Университетскихъ дѣлъ Высокому Канцлеру возложено было на статсъ-секретаря Финляндскихъ дѣлъ барона Ребиндера.

Въ собраніи Канцлерскихъ рескриптовъ за 1816 г. находится между прочимъ одинъ по-Французски написанный актъ, который навсегда пребудетъ драгоценнымъ для Университета. Вотъ онъ *) въ переводѣ:

*) Messieurs!

Sa Majesté l'Empereur vient de me confier les fonctions de Chancelier de l'Université d'Abo. Je sens que je ne suis redevable de cette preuve de Sa bienveillance qu'à votre choix unanime et spontané, et je m'empresse de vous en témoigner ma reconnaissance. Guidé plus par mon amour pour les sciences que par la conviction de mes propres forces, j'accepte cette place, espérant, à l'aide de vos lumières, de contribuer aux succès d'une Université à si juste titre distinguée dans le monde littéraire.

La Finlande, heureuse sous le gouvernement paternel de Sa Majesté l'Empereur, heureuse par sa constitution et par les progrès de la civilisation, verra toujours fleurir les sciences et les arts, en continuant de marcher sur le sentier qu'elle a suivi jusqu'ici.

«Милостивые Государи!

«Его Императорское Величество изволилъ ввѣрить Мнѣ должность Канцлера Абовскаго Университета. Чувствую, что симъ знакомъ Его благоволенія обязанъ Я только вашему единодушному и добровольному выбору, и поспѣшаю изъявить вамъ Мою признательность. Руководимый болѣе Моею любовію къ наукамъ, нежели убѣжденіемъ въ собственныхъ силахъ Моихъ, Я принимаю сію должность въ надеждѣ, что съ помощію вашихъ свѣдѣній буду содѣйствовать къ благоденствію Университета, пользующагося въ ученомъ мірѣ столь справедливымъ уваженіемъ.

«Финляндія, счастливая подѣ отеческою Державою Государя Императора, счастливая своими постановленіями и успѣхами образованности, всегда будетъ наслаждаться процвѣтаніемъ наукъ и искусствъ доколѣ не оставитъ пути, которому понынѣ слѣдовала.

«Съ Моей стороны Мнѣ будетъ пріятно способствовать тому въ качествѣ представителя Университета предъ Его Императорскимъ Величествомъ.

De mon côté, je serai bien aise d'y concourir comme organe de l'Université auprès de Sa Majesté l'Empereur.

Agréez, Messieurs, les sentiments dont je suis pénétré et que le temps et l'expérience affermiront encore sans qu'ils puissent ajouter à l'attachement que je manifesterai toujours pour une Institution aussi respectable.

Je suis,

Messieurs,

Votre très-affectionné

à St Pétersbourg,
Ce 31 Mars 1816.

(signé:) NICOLAS.

«Примите, Милостивые Государи, увѣреніе въ сихъ чувствованіяхъ, коими Я проникнутъ. Время и опытность еще укрѣпятъ ихъ, но не усилятъ того благо-расположенія, какое Я всегда буду оказывать столь достопочтенному учрежденію.

«Пребываю,

Милостивые Государи!

къ вамъ доброжелательный

(на подлинномъ собственною Его

Высочества рукою написано:)

С. Петербургъ,

31 Марта 1816.

«НИКОЛАЙ.»

Еще прежде сей достопамятной для Университета эпохи, именно 1815 году, его новое зданіе было уже совершенно готово. Здѣсь подъ однимъ кровомъ въ двухъ этажахъ устроено было достаточное помѣщеніе для всѣхъ принадлежностей Университета. Внизу находились аудиторіи (числомъ 5) и большая часть покоевъ, назначенныхъ для храненія разныхъ учебныхъ пособій. Вверху — комнаты для занятій по Университетскому управленію и остальные хранилища, между прочимъ библіотека. Парадная зала, начинаясь снизу, подымалась во всю высоту зданія. На лицевой сторонѣ его была надпись: *Fen-nicis Musis munificentia Augustorum* (Финскимъ Музамъ великодушіе Монарховъ), а на противоположной: *Primus lapis positus MDCCCII, Ultimus MDCCCXV* (Первый камень положенъ 1802, послѣдній 1815 г.). —

18/30 Октября 1817 г. произошло освященіе этого дома. Самъ епископъ произнесъ при семъ торжественномъ случаѣ рѣчь на Латинскомъ языкѣ. По окончаніи ее онъ простился съ Университетомъ, ибо еще въ Іюль

мѣсяцѣ, чувствуя упадокъ здоровья, испросилъ увольненіе отъ должности проканцлера.

Въ слѣдующіе дни съ 19/31 Октября по 23 Октября (4 Ноября) были въ Або торжества другаго значенія: праздновался юбилей въ воспоминаніе Лютеровой реформациі. Колокольный звонъ, пушечная пальба, пѣніе, рѣчи, процессіи и пиры сопровождали празднество. Въ Университетѣ совершилась между прочимъ промоція нѣсколькихъ докторовъ. Тогда же объявлена была Монаршая воля, чтобы епископство Абовское впредь называлось архіепископствомъ. Іаковъ Тенгстремъ, какъ глава сей епархіи, возведенъ въ санъ архіепископа.

Сверхъ описаннаго зданія, Университету вскорѣ дарована была еще обсерваторія, живописно построенная на возвышенной скалѣ (Wårdberg).

Такъ, по присоединеніи Финляндіи къ Россіи, обогащенный во всѣхъ отношеніяхъ, Университетъ сей началъ въ новыхъ стѣнахъ и жизнь въ полномъ смыслѣ новую. Въ теченіи 9 лѣтъ слишкомъ онъ подъ отеческимъ управленіемъ Его Высочества спокойно наслаждался плодами щедротъ Александра, и посреди постоянныхъ успѣховъ признательно благословлялъ имена своихъ державныхъ Покровителей. Неожиданная кончина обожаемаго Государа поразила Музъ Ауры глубокою печалью; но могли ли слезы ихъ не осушиться, когда другой Августѣйшій Хранитель ихъ, воспріявъ Державу, назначилъ Канцлеромъ Абовскаго Университета Своего первороднаго Сына и Наслѣдника, Государа Великаго Князя Александра Николаевича?

Въ ознаменованіе своей радости о такомъ убѣдительно доказательствѣ Монаршей милости, Университетъ 30 Ноября (12 Декабря) 1826 г. устроилъ по древнему обычаю особое торжество, на которомъ одинъ изъ профессоровъ въ произнесенной имъ рѣчи изъяснилъ всѣ благоговѣйныя чувствованія и сладостныя надежды, Университетъ преисполнявшія.

Но судьба, еще недовольная всѣми превратностями, какія онъ такъ долго испытывалъ, снова готовила ему внезапный, ужаснѣйшій ударъ.

Городъ Або нѣсколько разъ уже страдалъ отъ огня. 23 Августа (4 Сентября) 1827 года, во вторникъ, въ 9 часовъ вечера, онъ опять загорѣлся. При сильной бурѣ, почти въ тоже время поднявшейся, пожаръ распространялся съ быстротою и яростію необычайными. Вскорѣ весь городъ по обѣ стороны Ауры былъ объятъ пламенемъ. Страшное истребленіе продолжалось цѣлую среду и большую часть четверга: къ вечеру этого дня существовала едва $\frac{1}{8}$ часть Або.

Можетъ быть, никакой еще городъ, развѣ въ военное время при опустошеніи непріятелемъ, не терпѣлъ столь жестокаго пожара. Съ какою силой огонь свирѣпствовалъ въ Або, можно судить между прочимъ изъ того, что въ обсерваторіи, отдѣльно стоявшей по крайней мѣрѣ въ 50 саженьяхъ отъ ближайшихъ строеній, всѣ окна перелопались; лоскутья бумаги и ассигнаціи вѣтеръ уносилъ верстъ за 40 отъ города; пламя было лютвенно видно въ мѣстахъ, лежавшихъ въ 70 и 80 верстахъ отсюда.

Всѣ публичныя зданія въ Або сгорѣли; общей участи не избѣгъ и Университетъ. Сюда огонь ворвался уже въ первый день чрезъ окна библіотеки. Вся внутренность дома сдѣлалась его жертвою; въ пепелъ превратились всѣ богатые хранилища учебныхъ пособій; уцѣлѣли однѣ стѣны, да отчасти нижнее жилье съ парадною залой.

Чтобы вполнѣ оцѣнить бѣдствіе, постигнувшее Университетъ, надобно вспомнить, что почти всѣ лица, къ нему принадлежавшія, — и чиновники и студенты, — остались безъ крова и имущества. Если прибавить, что у большей части изъ нихъ главную собственность составляли книги и собранія другихъ предметовъ, необходимыхъ для ученаго, то легко вообразить, какую страшную потерю наука понесла отъ этого неслыханнаго пожара.

Но всего чувствительнѣе было для нея уничтоженіе библіотеки, заключавшей въ себѣ до 40 т. томовъ, въ томъ числѣ много рѣдкихъ книгъ, и сверхъ того драгоценныя рукописи. Здѣсь между прочимъ неознаградило погибли важныя матеріалы для объясненія исторіи древняго Сѣвера. Отъ всей Абовской библіотеки осталось едва 850 томовъ, наиболѣе книги, розданныя для чтенія.

Что касается до Университетскаго архива, который къ счастію хранился подъ сводами, то главныя изъ бумагъ его были спасены; но и на нихъ лютый пожаръ успѣлъ наложить роковое клеймо свое: въ книгахъ, хранящихся протоколы консисторій и другіе акты до исхода

1827 г., края всѣхъ листовъ почернѣли отъ прикосновенія огня. Кажется, будто эти книги носятъ одежду траура по пенатамъ, бывшимъ свидѣтелями всего, о чемъ гласятъ уцѣлѣвшія страницы.

Такъ исчезло въ дымъ и пепѣ знаменитое учрежденіе, которое почти два вѣка было поприщемъ и столькокихъ благородныхъ трудовъ и столькокихъ разнообразныхъ перемѣнъ судьбы.

Но сколько горестны размышленія при видѣ этихъ развалинъ, столь же радостно зрѣлище, призывающее вниманіе наше на другіе берега. Солнце, на Западъ скрывающееся въ пожарномъ пламени и грустно провожаемое взоромъ, завтра въ новомъ сіяніи возродится на Востокъ. Но прежде нежели удалимся отъ обгорѣлаго остова Аурапческой Академіи, бросимъ взглядъ на главныя явленія духовной жизни ея во все время ея существованія.

ГЛАВА V.

АБОВСКАЯ УЧЕНОСТЬ.

«Скрыть отъ міра,
Чуждъ его суетъ,
Воспитатель въ лонѣ міра
Свой лелѣетъ цвѣтъ.

Не алкаетъ
Онъ наградъ земли,
И въ сердца людей влагаетъ
Семена свои.»

Рунебергъ.

«Провѣтающая на Аурѣ добрыхъ письменъ мастерская отъ самой колыбели своей знаменита была множествомъ ученыхъ, во вѣкъ славныхъ и умомъ и многосторонними свѣдѣніями и честью отличнаго исполненія должностей; ихъ добродѣтелей и заслугъ не забудетъ позднее потомство.»

Епис. Іаковъ Тенгстремъ въ надгробномъ словѣ Портану.

При основаніи Абовскаго Университета всѣ науки въ Европѣ были подчинены *Богословію*. Единственною целью ихъ была чистота религіи, какъ ее тогда понимали; всякое ученіе должно было исходить изъ духовнаго званія и къ его потребностямъ примѣнялось. Въ Або Богословскій факультетъ не только имѣлъ рѣшительное первен-

ство, но и нѣкоторый надзоръ надъ прочими, и здѣшній Университетъ, по примѣру Германскихъ, представилъ въ первыя 10 лѣтъ своего существованія длинный рядъ Богословскихъ прѣвій.

Реформація, сначала устремившая умы къ изслѣдованію, вскорѣ утратила на-время свое благотворное дѣйствіе. Самобытное мышленіе было совершенно подавлено авторитетомъ общепринятыхъ, старинныхъ положеній и стѣснено оковами пустыхъ формъ или затверженныхъ фразъ, которыхъ никто не считалъ нужнымъ повѣрять своимъ собственнымъ сужденіемъ. Таковъ былъ вообще первоначальный духъ ученія при Абовскомъ Университетѣ. Новыхъ мыслей боялись какъ чумы: въ 1642 г. профессоръ Вексіоніусъ напомнилъ въ протоколѣ консисторіи, «что всякій профессоръ долженъ наипаче остерегаться, чтобы не предложить чего-либо новаго на тотъ конецъ, дабы показаться выше или лучше другихъ, отъ чего безъ сомнѣнія можетъ произойти неудовольствіе и раздоръ». Дѣйствительно, не разъ случалось, что какое-нибудь выраженіе въ диссертациі давало профессорамъ поводъ къ обвиненію сочинителя: тогда въ консисторіи начинались безконечные споры о томъ, принадлежитъ ли такая-то мысль къ здоровой философіи, т. е. находится ли она у древнихъ писателей, или заимствована изъ «философіи новой». Вообще, какъ въ нравахъ и обычаяхъ, такъ и во всемъ люди тогда были особенно привержены къ старинѣ. Духъ этотъ господствовалъ долго. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ тому: «Когда (около времени Гецеліуса младшаго) открылась ваканція на кафедру правъ», рассказываетъ профессоръ И. Я. Тенгстремъ, «то консисторія просила Канцлера не назначать на это мѣсто

кого-нибудь со стороны, чтобы онъ новыми мнѣніями не сбилъ студентовъ съ толку и не нарушилъ счастливаго согласія въ философіи, а назначить кого-нибудь такого, кто при Абовскомъ Университетѣ напился здоровыми началами». Поводомъ къ изъясненію этого желанія было то, что на открывшуюся ваканцію Канцлеръ предложилъ Сведеруса, учившагося въ Швеціи и другихъ земляхъ. Однакожъ просьба консисторіи не была уважена, и Сведерусъ въ 1686 году опредѣленъ профессоромъ правъ въ Абовскій Университетъ. Онъ послѣ вполне оправдалъ свое назначеніе.

Преподаваніе и всѣ прѣвія происходили на *Латинскомъ языкѣ*, но онъ считался только средствомъ; его ученіе состояло единственно въ усвоеніи словъ и выраженій для пріобрѣтенія легкости въ практическомъ употребленіи языка. До самаго же духа Римскихъ писателей мало было дѣла, и очень немногіе изъ нихъ объяснялись при Университетѣ. Что касается до языка *Греческаго*, то ему учились только для чтенія Нового Завѣта, который и былъ долгое время единственною книгой, объяснявшеюся при преподаваніи этого языка. Вообще заниматься словесностію древнихъ считалось даже постыднымъ, и посвятившихъ себя этой части презрительно называли *verbales* (словесниками); впрочемъ, по тогдашнему направленію ихъ занятій, такое презрѣніе было справедливо. Чтобы поднять себя въ общемъ мнѣніи, профессеры языковъ и краснорѣчія, съ позволенія консисторіи часто издавали не одни упражненія въ слогъ (*exercitia stili*), но и диссертациі по всѣмъ вѣтвямъ философіи.

Не лучше шла въ самомъ началѣ и медицина. «При

учрежденія Университета», говоритъ И. Я. Тенгстремъ, «во всей Финляндіи не было ни одного ученаго медика. Былъ въ Або только городскій лекаръ, по имени Стокадо (Stochado), котораго начальство и предложило опредѣлить въ Университетъ экстраординарнымъ профессоромъ; но консисторія отвѣчала, что не смѣетъ представлять объ увеличеніи штата. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія кафедре медицины ни разу не могла быть замѣщена природнымъ Финляндецъ. Долго не было и аптеки». По этому обстоятельству профессоръ Турониусъ, авторъ двухъ замѣчательныхъ для его времени философическихъ сочиненій, въ 1665 г. долженъ былъ отправиться для леченія въ Ревель (онъ на другой же день послѣ отплытія умеръ на кораблѣ). Однакожъ ученіе медицины скоро поднялось: уже второй профессоръ по этой части Тилландцъ, оказалъ ей важныя услуги: въ 1686 г. онъ въ большой аудиторіи показалъ раззѣтіе человѣческаго трупа, тогда какъ до него такіе опыты дѣлались только надъ животными. По этому чрезвычайному случаю тогдашній ректоръ Свенониусъ издалъ особую печатную программу, въ которой объявилъ между прочимъ, что на основаніи устава всякій, кромѣ профессоровъ вообще и студентовъ медицины, долженъ при вхождѣ въ залу платить за каждое трупораззѣтіе по маркѣ серебра для покрытія издержекъ. Тилландцъ же учредилъ лабораторію, гдѣ самъ приготавливалъ лекарства. Онъ въ юности довершилъ свое образованіе въ Лейденскомъ Университетѣ (въ Голландіи). Замѣчательно, что всѣ, которые послѣ него въ теченіе ста лѣтъ занимали въ Або кафедру медицины, также учились въ Лейденѣ. Тамъ въ то время медицина и вообще естественныя науки

науки привлекали множество студентовъ. Это обстоятельство имѣло весьма важное вліяніе на ходъ просвѣщенія въ Абовскомъ Университетѣ: медики изъ Лейдена приносили сюда любовь къ физикѣ и къ ботаникѣ, и, продолжая ревностно заниматься этими науками, чрезвычайно возвысили здѣсь ихъ ученіе; а оно въ свою очередь произвело благотворительнѣйшую перемену въ общемъ направленіи наукъ. Отвративъ умъ отъ пустыхъ отвлеченностей и безсмысленныхъ формъ, оно открыло ему богатый міръ природы и дѣйствительности, пробудило его къ изслѣдованіямъ и практическимъ наблюденіямъ. Наука, соединившись съ жизнью, сама проникнулась духомъ ея. Полное развитіе сего направленія относится особенно къ срединѣ 18-го столѣтія, — почему это время можно почесть началомъ втораго періода въ исторіи внутренней жизни Абовскаго Университета.

Такой счастливой перемены много содѣйствовали, какъ можно было видѣть въ другомъ мѣстѣ, и внѣшнія обстоятельства, принявшія около той же поры совершенно новый оборотъ. Впрочемъ еще до перваго разстройства Университета отъ войны самый духъ времени началъ пробуждать въ умахъ потребность новой дѣятельности, и въ Або чаще прежняго стали являться замѣчательные профессоры*). Но со второй половины 18-го столѣтія на-

*) Однакожъ и между прежними профессорами Абовскаго Университета были люди съ отличными дарованіями. Въ самое первое время, украшеніемъ его служили: *Вексioniусъ* (въ дворянствѣ Гилленстольпе), извѣстный разными учеными трудами, изъ которыхъ замѣчательнѣйшій по части исторіи есть: *Описаніе*

чалась истинно блестящая эпоха тамошней учености, и не одинъ изъ тогдашнихъ подвижниковъ Университета свискалъ себѣ даже далеко за предѣлами Финляндіи славу, которая отразилась и на самое это учрежденіе. Достойно вниманія, что какъ прежде Абовскіе епископы первенствовали въ ученіи Богословія, такъ теперь, когда оно съ потерей своего вліянія упало, они же явились главными естествоиспытателями. Таковы были два послѣдовавшие другъ за другомъ проканцлера: *Бровалмусъ* (ум. 1755) и *Меннандеръ* (ум. 1786), которые положили основаніе музею естественной исторіи при Университетѣ *).

Послѣ нихъ, отличіе всѣхъ на томъ же поприщѣ былъ профессоръ экономіи *Кальмъ* (ум. 1779). Объез-

Швеци (Descriptio Sveciae); *Чекслерусъ* (Kexlérus), профессоръ математики, и *Шернбекъ* (Stjernhök, до возведенія въ дворянство Dalekarlus), профессоръ правовѣдѣнія: оба также авторы важныхъ въ свое время сочиненій. *Ротовіусъ* (1-й проканцлеръ) и *Петреусъ* (1-й ректоръ Университета) уже знакомы намъ. Другаго рода извѣстность приобрѣлъ ихъ сослуживецъ *Стодіусъ*, профессоръ Греческаго и Еврейскаго языковъ: онъ, по примѣру многихъ современныхъ ученыхъ, занимался каббалистикой и астрологіей, но не нашелъ участія между остальными профессорами, а напротивъ сдѣлался предметомъ общаго нареканія.

*) *Бровалмусъ* былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ то время Шведскихъ писателей, однимъ изъ тѣхъ, которые подали примѣръ письменнаго употребленія Шведскаго языка. Въ ученomъ отношеніи особенно важны труды его по части естественной исторіи. *Меннандеръ*, учившійся въ Упсалѣ и тамъ нашедшій друга въ Линнея, въ послѣдствіи прилежно собиралъ какъ рѣдкости природы, такъ и матеріалы къ изслѣдованію древностей Финскихъ.

дивъ большую часть земель Европейскаго Сѣвера, онъ на счетъ правительства отправленъ былъ въ Сѣверную Америку для изслѣдованія тамошнихъ растений, и по возвращеніи въ Финляндію посадилъ нѣкоторые изъ нихъ въ ботаническомъ саду, незадолго предъ тѣмъ учрежденномъ въ Або. Въ послѣдствіи Кальму предлагаема была должность профессора ботаники при С. Петербургской Академіи Наукъ. Его главное сочиненіе есть описаніе путешествія его по Америкѣ. Франклинъ, съ которымъ онъ переписывался, напечаталъ по-Англійски его письма о Ніагарѣ, переведенныя потомъ и на другіе языки. Главная заслуга Кальма состоитъ въ томъ, что онъ тѣсно связалъ науку съ житейскими потребностями и значительно расширилъ ея кругъ дѣйствія употребленіемъ общественнаго языка въ ученыхъ трудахъ. Подобно Кальму еще одинъ современный ему преподаватель Абовскаго Университета былъ призываетъ С. Петербургскою Академіею Наукъ *), именно *Лексель* (ум. 1784), обязанный тѣмъ извѣстности, какую приобрѣлъ своими математическими сочиненіями. Онъ принималъ приглашеніе и былъ въ Академіи сперва обсерваторомъ, а потомъ профессоромъ астрономіи.

Почти во всѣ эпохи существованія Абовскаго Университета встрѣчается въ лѣтописяхъ его имя *Гартмана* (Haartman, Hartman). Мы упомянемъ о трехъ му-
жахъ этого имени.

*) По такому же обстоятельству замѣчательнъ для насъ послѣдователь Кальма при Университетѣ, ботаникъ и химикъ *Гаддъ* (ум. 1797), котораго также Академія Наукъ дважды (1765 и 1767) приглашала въ свое сословіе, предлагая ему мѣсто сперва Лемана, а потомъ Ломоносова.

Иоаннъ Гартманъ (Haartman, ум. 1787), профессоръ медицины, незабвенъ по значительнымъ денежнымъ пожертвованіямъ, которыя вмѣстѣ съ другимъ своимъ ассессоромъ (послѣ горнымъ совѣтникомъ) Гисингеромъ принесли Университету для разныхъ новыхъ учреждений по части медицинскихъ наукъ. Изданный имъ *Лечебникъ* (Läkarebok) до сихъ поръ еще много употребляется.

Гавріилъ Израиль Гартманъ (Hartman, ум. 1809), сочинитель двухъ извѣстныхъ и пользующихся всеобщимъ уваженіемъ учебныхъ книгъ по предмету философіи и географіи*). Въ философіи не хотѣлъ онъ знать никакихъ предшественниковъ и отъ всякаго требовалъ особой, самобытной системы, чему самъ подавалъ примѣръ. Такое воззрѣніе было полезно по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что обратило умы къ сущности философіи. Ея ученіе возвысилъ онъ не только своимъ сочиненіемъ, но и занимательнымъ преподаваніемъ. Вообще онъ имѣлъ вліяніе на усовершенствованіе методы преподаванія въ наукахъ, еще не совсѣмъ освободившагося отъ ига схоластицизма.

Гавріилъ Эрикъ Гартманъ (von Haartman, ум. 1815), профессоръ медицины, ректоръ Университета во время присоединенія Финляндіи къ Россіи, достигъ высокой степени значенія въ обществѣ множествомъ пріобрѣтенныхъ имъ не только ученыхъ, но и гражданскихъ отличій. Наконецъ въ 1811 году былъ онъ возведенъ въ

(70*) Одна носитъ заглавіе: Kunska pelära (наука знанія), а другая: Lärobok i allmänna geographin (учебная книга всеобщей географіи).

дворянство, а вскорѣ затѣмъ назначенъ членомъ Правительствующаго Совѣта Великаго Княжества Финляндскаго и произведенъ въ Статскіе Совѣтники. При немъ разцвѣла для Университета и для всей Финляндіи совершенно новая эпоха медицины, чему самъ онъ содѣйствовалъ участіемъ во всеподданнѣйшемъ проектѣ штата, изданнаго въ 1811 году и устранившаго всѣ препятствія, которыя такъ долго останавливали успѣхи медицинскихъ наукъ въ Або.

Между мужами, въ разное время сообщавшими блескъ тамошнему Университету, никто въ лѣтописяхъ науки такъ не прославилъ своего имени, какъ *Калоніусъ* и *Портанъ*, жившіе въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка.

Калоніусъ (Calonius), профессоръ правовѣдѣнія, принадлежалъ къ небольшому числу ученыхъ, которымъ благоприятныя обстоятельства позволяютъ достигнуть высшей точки развитія духа въ соединеніи кабинетной дѣятельности съ практической. У Калоніуса наука и жизнь, теорія и опытность были въ самой тѣсной взаимной связи. Ему и прежде и послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи были поручаемы важныя гражданскія должности: напоследокъ, въ 1809 г. былъ онъ назначенъ прокураторомъ Правительствующаго Совѣта Великаго Княжества Финляндскаго. Ученая слава его началась историческимъ разсужденіемъ, при защищеніи котораго, съ разрѣшенія Канцлера, допущено было отступленіе отъ обыкновеннаго порядка. Вскорѣ послѣ того Калоніусъ сталъ доцентомъ при Университетѣ, но мѣсто профессора правъ досталось ему не прежде 1778 года. Занимая эту кафедру около 40-а лѣтъ, онъ почти до конца одинъ составлялъ весь

юридическій факультетъ и своимъ искуснымъ руководствомъ образовалъ множество отличныхъ чиновниковъ, нынѣ съ честію служащихъ своему отечеству. До него гражданское поприще въ Финляндіи ощущало большой недостатокъ въ свѣдущихъ и опытныхъ людяхъ. Въ Калоніусѣ огромный запасъ свѣдѣній былъ оживленъ мыслью сильною, глубокою, а иногда и насмѣшливою: лекціи его не разъ поражали колкими выходками современныя заблужденія. Онъ оставилъ много сочиненій, которыя по большей части относятся къ правовѣднію и написаны по-Латини. Коротко знакомый съ литературою древнихъ, Калоніусъ обладалъ необыкновеннымъ искусствомъ въ употребленіи Латинскаго языка и все литературныя труды свои обрабатывалъ съ удивительнымъ тщаніемъ, сообщая имъ художественную отдѣлку. О томъ свидѣлствуютъ даже его ректорскія программы (онъ 3 раза былъ ректоромъ). Сочиненія его высоко цѣнятся и внѣ Финляндіи, особливо въ Швеціи, гдѣ и появилось недавно полное собраніе ихъ. Калоніусъ достигъ глубокой старости; хворый въ послѣдніе годы жизни, онъ умеръ 1817 года въ отставку, въ чинѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника. Императоръ Александръ пожаловалъ 2000 р. въ дополненіе суммы, собранной по подпискѣ на сооруженіе близъ Або гранитнаго памятника надъ могилою Калоніуса.

Портанъ (Porthan) былъ профессоромъ краснорѣчія. Глубокостью души, благородствомъ и важностью характера, основнымъ духомъ своего образованія онъ имѣлъ много сходства съ Калоніусомъ: и въ литературныхъ трудахъ и въ жизни обонхъ видно сильное вліяніе древнихъ, которыхъ они такъ основательно изучили и съ

которыми чувствовали душевное родство. Оба жили для одной науки и умерли холостыми. Наконецъ у нихъ были отчасти, какъ увидимъ, и слабости общія.

Но въ ученой дѣятельности Портана была рѣдкая многосторонность; до него никто при Абовскомъ Университетѣ не слѣдовалъ столь разнообразнымъ направленіямъ, никто не имѣлъ такого обширнаго, сильнаго вліянія на всю литературную жизнь Университета.

Главною и самою любимую частью Портана была исторія. До его времени, изъ всехъ Финляндскихъ ученыхъ одинъ только Вексіоніусъ, авторъ *Описанія Швеціи*, стоитъ упоминанія по этому предмету. Самое направленіе вѣка содѣйствовало къ тому, что Портанъ съ любовью обратился къ исторіи, которая впрочемъ составляла истинное его призваніе. Онъ обрабатывалъ нѣкоторыя части ея критически, съ глубокомысліемъ, но конечно не могъ въ своихъ изслѣдованіяхъ избѣгнуть недостатковъ вѣка.

Пламенно любя отечество, Портанъ съ особеннымъ усердіемъ занимался исторіею Финляндіи, и успѣлъ изысканіями неутомимыми разлить много свѣта на Финскія древности, до него почти вовсе не тронутыя, и вообще на старину всего Сѣвера. Главнымъ его предшественникомъ въ первомъ отношеніи былъ уже известный намъ проканцлеръ Меннандеръ: подобно ему, и Портанъ ревностно собиралъ матеріалы для своихъ изслѣдованій. Почти все источники, какими онъ въ занятіяхъ своихъ пользовался, были имъ самимъ пріобрѣтены; на это онъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни издержекъ, склоняя еще и другихъ къ подобнымъ пожертвованіямъ.

Не одна исторія отечества, но и вообще все, что относилось къ изученію его, обращало на себя вниманіе Портана. Онъ оказалъ языку и литературѣ Финновъ услуги незабвенныя. И въ этомъ отношеніи очень мало еще было сдѣлано. Портанъ, углубившись въ изслѣдованіе языка, приготовилъ развитіе законовъ его. Сверхъ того онъ первый показалъ, до какой степени Финскія народныя пѣсни богаты поэзіей и такимъ образомъ открылъ то поприще, на которомъ нынѣ съ честью подвизается Ленротъ. Любопытно замѣчаніе профессора Тенгстрема, что въ Портанѣ вниманіе къ отечественной національной поэзіи пробудилось почти въ тоже время, какъ подобное же стремленіе обнаружилось въ Англіи и въ Германіи. Кромѣ пѣсень Портанъ собралъ множество пословицъ Финскихъ *).

Въ качествѣ профессора краснорѣчія, Портанъ принесъ неопытвенную пользу филологіи вообще, особливо ученію Латинскаго языка при Университетѣ. Мы видѣли, въ какомъ нецвѣтушемъ состояніи оно здѣсь находилось въ прежнее время. Правда, еще въ первую четверть 18-го столѣтія начало оно подниматься, а потомъ, благодаря профессору Гасселю, приняло еще лучшее направленіе; но собственно только при Портанѣ, преемникѣ Гасселя, произошло окончательное возвышеніе этой части. Съ преподаваніемъ Латинскаго языка соединилъ онъ чтеніе многихъ писателей, прежде не читавшихся въ Университетѣ, Римскую археологію и вообще разностороннее знаніе древнихъ. Въ самомъ употребленіи языка Римлянъ

*) Собираніе пословицъ было продолжаемо послѣ Портана; нынѣ ихъ записано до 7000.

произвелъ онъ вмѣстѣ съ Калоніусомъ важную перемѣну, и въ слогѣ своемъ достигъ изящности необыкновенной.

Преподаваніе Портана было увлекательно; ни у кого въ Абовскомъ Университетѣ не было столь многочисленнаго собранія слушателей, какъ у него; лекціи его были приворочены къ понятіямъ всякаго, живы и разнообразны. При многообъятности своей Портанъ читалъ частныя лекціи и по предметамъ чужихъ кафедръ, особливо по философіи, въ которой слѣдовалъ направленію практическому, возстава на системы и на запутанный способъ изложенія современныхъ философовъ.

Съ званіемъ профессора Портанъ соединялъ и должность бібліотекаря. Бібліотека Абовскаго Университета, при основаніи его, состояла только изъ 21-го тома и двухъ небольшихъ глобусовъ, наслѣдованныхъ имъ отъ бывшей гимназіи. Долго единственнымъ источникомъ приращенія этой бібліотеки были частныя даванія. Первое значительное приношеніе получила она въ 1646 г. отъ вдовы Шведскаго генерала Торстана Стольгандске (Torsthanus Stålhandske). Во время тридцатилѣтней войны онъ въ какомъ-то Германскомъ или, вѣроятнѣе, Датскомъ монастырѣ взялъ между прочимъ до 890 книгъ разнаго рода, особливо по части Богословія, и назначилъ ихъ въ даръ Абовскому Университету. Вотъ что послужило главнымъ основаніемъ здѣшней бібліотеки. Послѣ того было и много другихъ пожертвованій въ пользу ея, но по большей части незначительныхъ. Особого упоминанія стоятъ 87 томовъ, которые графъ Браге выпросилъ у королевы Христины и въ 1648 г. самъ привезъ въ Або.

Сперва эта библіотека, — когда ей стало уже тѣсно въ ящикахъ или сундукахъ, — перенесена была въ такъ называвшуюся Нѣмецкую церковь (послѣ превращенную въ фехтовальную залу); но потомъ здѣшнее помѣщеніе, особливо по сырости и ветхости зданія, оказалось неудобнымъ, и Университетъ уже готовился замѣнить его другимъ, какъ вдругъ въ 1738 г. назначенный на то домъ прежней колокольной литейни истребленъ былъ молніей. Тогда въ первый разъ построенъ былъ особый домъ для библіотеки Абовскаго Университета; комнаты ея украсились портретами: графа Браге, всѣхъ прежнихъ проканцлеровъ и нѣкоторыхъ профессоровъ. Во время войнъ 1713 и 1742 г. библіотека вмѣстѣ съ прочимъ достояніемъ Университета перевозима была въ Стокгольмъ. Въ первую изъ этихъ эпохъ она цѣлыхъ семь лѣтъ пролежала въ сыромъ подвалѣ тамошней ратуши. Должность библіотекаря была учреждена въ 1650 году. Портанъ вступилъ въ нее съ 1772. И здѣсь онъ обезсмертилъ себя въ лѣтописяхъ Университета, неутомимо трудясь надъ устройствомъ библіотеки и содѣйствуя къ ея умноженію. Хотя въ размѣщеніи книгъ заведенъ имъ порядокъ довольно странный (онъ располагалъ ихъ по величинѣ безъ отношенія къ содержанію); но въ то время, при маломъ числѣ книгъ, этотъ способъ могъ быть удобенъ. Портанъ находилъ, что всякій другой порядокъ болѣе или менѣе произволенъ. Необходимые при семъ алфавитные каталоги начаты имъ же. Онъ написалъ по-Латыши подробную исторію Абовской библіотеки. Неуменно усердныя занятія въ холодномъ домѣ сдѣлались для него гибельными. Въ 1804 г. подвергся онъ простудѣ, отъ которой и умеръ, проживъ 65 лѣтъ слишкомъ.

Дѣятельность Портана распространялась и на улучшеніе внѣшняго благосостоянія Университета, особливо его экономическаго управленія, которое до тѣхъ поръ всегда было дурно. Въ его время составленъ былъ планъ новаго Университетскаго зданія въ замѣнъ обветшавшаго. Онъ не мало содѣйствовалъ къ успѣху проекта, и принялъ участіе въ распоряженіяхъ по приготовительнымъ работамъ. Сверхъ того онъ непосредственно умножилъ пособія Университета, завѣщавъ ему часть своего имущества, въ которомъ всего дороже было богатое собраніе книгъ.

Самъ неутомимый въ трудахъ, Портанъ охотно помогалъ и другимъ въ ихъ занятіяхъ то совѣтами, то свидѣніями; молодые люди находили въ немъ всегда усерднаго руководителя. Хотя характеръ его былъ важенъ и даже нѣсколько суровъ, — что выражалось и въ наружности его, особливо когда онъ задумывался, — однакожъ онъ, какъ и строгій Калоніусъ, умѣлъ быть веселъ и любезенъ въ обществѣ. Его упрекаютъ только въ нѣкоторой нетерпимости относительно мнѣній: упорно защищая свои собственные начала, онъ не любилъ противорѣчія и иногда съ ожесточеніемъ возставалъ на чужія системы. Но этотъ недостатокъ, который отчасти принадлежалъ и Калоніусу, не мѣшалъ однакожъ и современникамъ видѣть высокое достоинство Портана. Смерть его пробудила во всѣхъ Финляндцахъ живѣйшее сожалѣніе, и при Университетѣ совершенно было въ его память особое торжество, ознаменованное надгробнымъ словомъ архіепископа Тенгстрема. Отсюда начали стекаться пожертвованія для сооруженія необыкновенному мужу какому-нибудь памятника, и въ новой залѣ библіотеки, одного изъ любимыхъ предметовъ его заботливости, явился

мраморный бюстъ Портана. И послѣ не разъ повторялись знаки общаго уваженія къ его имени. Въ 1831 году Финское литературное общество основалось въ день его смерти, 16 Марта, и каждый годъ поминаетъ день этотъ особымъ собраніемъ. Въ прошедшемъ году Шведская Академія, ежегодно выбивающая медаль въ честь какого-нибудь заслуженнаго литератора, остановила свой выборъ на Портанѣ, и по этому случаю ожидается отъ Гернесандскаго епископа, Францена, какъ секретаря Академіи, жизнеописаніе Портана.

Мужъ, почтившій память его достойною рѣчью, архіепископъ *Іаковъ Тенгстремъ*, самъ не умретъ въ памяти своихъ соотечественниковъ. Бывъ епископомъ Абовскимъ и проканцлеромъ Университета въ 1809 году, онъ по необыкновеннымъ заслугамъ своимъ удостоился особенной довѣренности Императора Александра, развившейся множествомъ почетныхъ отличій и порученій. *Іаковъ Тенгстремъ* началъ свое поприще литературными занятіями, къ которымъ Портанъ особенно поощрялъ его. Плодомъ ихъ было большое число стихотвореній, часто отличающихся игривымъ остроуміемъ, и мелкихъ сочиненій въ прозѣ, относящихся преимущественно къ исторіи. Тенгстремъ обладалъ счастливымъ даромъ слова, который являлся самымъ блестящимъ образомъ, когда онъ предъ многочисленнымъ собраніемъ читалъ свои прекрасныя рѣчи. Въ 1817 г. онъ, по собственному желанію, уволенъ былъ отъ должности проканцлера*) и въ томъ же году возведенъ въ санъ архі-

*) Она съ тѣхъ поръ переименована въ должность вице-канцлера и поручается лицу гражданскаго, а не духовнаго вѣдомства, каждый разъ по Высочайшему назначенію.

епископа. Онъ умеръ въ 1832 г. Въ лѣтописяхъ Университета онъ, уже и потому былъ бы незабвенъ, что въ его управленіе излились изъ длани Александра тѣ щедроты, которыми начинается новая эпоха въ исторіи Финляндскихъ Музъ.

Мы назвали всѣхъ наиболее важныхъ представителей ученой жизни Абовскаго Университета. Кромѣ ихъ онъ могъ бы съ гордостію указать на большое число другихъ, которые для него столь же незабвенны своею полезною, хотя менѣе обширною, менѣе замѣтною дѣятельностію. При горестныхъ обстоятельствахъ, такъ долго стѣснявшихъ Абовскій Университетъ, надобно поистинѣ удивляться успѣху, съ какимъ многіе изъ ученыхъ его и въ самое тяжелое время проходили свое поприще. Но мы принуждены были ограничиться исчисленіемъ однихъ первостепенныхъ дѣятелей. Того же правила будемъ держаться и въ слѣдующей главѣ.

профессора будетъ производиться изъ прежнихъ средствъ, къ ущербу его сослуживцевъ. Однакожъ къ общему употребленію, Юстандеръ нѣсколько лѣтъ оставался вовсе безъ жалованья.

Одинъ изъ современниковъ его въ Або, профессоръ красноречія *Axrelius* усердно кропалъ стихи; но, хотя отличался разными заслугами, въ этомъ отношеніи не стоилъ бы упоминанія, если бы не составлялъ достойнаго *pendant* другому пресловутому профессору элоквенціи, нашему Тредьяковскому.

Первымъ Финляндскимъ поэтомъ, заслуживающимъ вниманія, былъ *Лилленстедтъ* (*Lillienstedt*, ум. 1732), который, вышедши изъ бѣдной хижины въ Западной Финляндіи, достигъ графскаго достоинства и высшихъ государственныхъ почестей при тронѣ Карла XI и Карла XII. Сдѣлавшись извѣстенъ своими произведеніями, онъ, безъ собственнаго своего вѣдома, былъ назначенъ графомъ Браге въ адъюнкты при Абовскомъ Университетѣ; однакожъ получилъ позволеніе остаться въ Швеціи, гдѣ и открылось для него болѣе блистательное поприще. Не касаясь его гражданскихъ дѣлъ *), замѣтимъ только въ

*) Онъ былъ, между прочимъ, первымъ полномочнымъ при заключеніи въ 1721 году Нистадскаго мира. Отъ этого обстоятельства пострадала въ Швеціи добрая слава его. Рассказываютъ, что Густавъ III, посѣтивъ однажды Университетъ и увидѣвъ тамъ въ библиотекѣ портретъ Лилленстедта, замѣтилъ, что эту картину надобно бы оборотить къ стѣнѣ. Послѣ того она, до переведенія Университета въ новое зданіе, была спрятана въ прежнемъ, обыкновенно замкнутомъ помѣщеніи библиотеки. Все однакожъ ведетъ къ заключенію, что имя Лилленстедта запятнано клеветою.

ГЛАВА VI.

ПОЭЗІЯ НА АУРЪ.

«Рѣка Аура протекаетъ по серединѣ города и раздѣляетъ его на двѣ части».

Даніилъ Юслениусъ.

«Съ сего времени возникла въ Университетѣ та поэтическая литература, которая послѣ сохранялась при немъ почти безъ прерывно».

И. Я. Тенгстремъ.

Духъ времени, въ которое возникъ Абовскій Университетъ, не благоприятствовалъ поэзії, и въ преподаваніи она здѣсь первоначально соединена была съ логикою. Вскорѣ однакожъ, въ 1654 году, по представленію графа Браге, учредилась въ Або особая кафедра поэзії. Первымъ профессоромъ по этой части назначенъ былъ, въ слѣдствіе ходатайства государственнаго канцлера Оксеншерны, бывшій его библіотекаръ *Юстандеръ*. Это назначеніе очень не понравилось консисторіи: Юстандеръ былъ происхожденія сомнительнаго, и ей казалось, что оно послужитъ къ стыду Университета. Къ тому же по вновь учрежденной кафедрѣ не было опредѣлено особаго жалованья, и всѣ опасались, что содержаніе новаго

отношеніи къ его стихотворческой дѣятельности, что уже имъ начинается тотъ рядъ Финляндскихъ поэтовъ, который въ Шведской литературѣ составляетъ какъ бы особую группу: всѣ они отличаются неподдѣльною любовью къ природѣ, нѣжнымъ и тихимъ, но глубокимъ чувствомъ, спокойною, благочестивою созерцательностію и какимъ-то непорочнымъ самодовольствіемъ. Идиллическій родъ преобладаетъ у всѣхъ этихъ поэтовъ; стихи ихъ просты, но изящны и ознаменованы, такъ сказать, прозрачною ясностью.

Графъ Крейцъ (ум. 1785 г.), принадлежавшій Абовскому Университету сперва какъ студентъ, а въ послѣдствіи какъ Канцлеръ, стихотвореніями своими возвысилъ счастливѣйшую эпоху Шведской поэзіи, которая въ его время питалась только Французскими образцами. Хотя и онъ подражалъ имъ, однакожъ множествомъ истинно поэтическихъ красотъ умѣлъ придать стихамъ своимъ цвѣтъ самобытный. Какъ Лильенстетъ, — и графъ Крейцъ достигъ въ Швеціи высшихъ государственныхъ должностей. Въ качествѣ посла онъ въ Мадритъ и въ Парижъ удивлялъ блестящій литературный кругъ своимъ умомъ, знаніями и любезностью. Первые Французскіе писатели того времени, Вольтеръ, Мармонтель, въ письмахъ своихъ не разъ превозносятъ его. Въ царствованіе Густава III онъ былъ въ числѣ тѣхъ, которыхъ король за литературные таланты ихъ наиболее приближалъ къ себѣ. Бывъ съ 1783 г. Канцлеромъ Университета, Крейцъ произвелъ важныя улучшенія во внутреннемъ его устройствѣ. Вообще онъ былъ равно возвышенъ какъ чело-вѣкъ, какъ гражданинъ и какъ поэтъ; съ обширною ученостію

ностію соединялъ онъ однакожъ необыкновенную разсѣянность, давшую поводъ ко многимъ забавнымъ анекдотамъ. Крейцъ воспѣтъ Франценомъ въ особомъ, большомъ стихотвореніи, доставившемъ автору премію отъ Шведской Академіи.

Въ концѣ прошедшаго вѣка разцвѣла на берегахъ Ауры поэзія, которой главные представители образовались подъ вліяніемъ ободрявшаго ихъ Портана: онъ въ 1771 году началъ издавать газету, и въ ней-то появились первые труды ихъ, въ послѣдствіи прославившіе имя Ауры въ Шведской поэзіи.

Старшимъ изъ этихъ поэтовъ былъ Клеверъ (въ дворянствѣ баронъ Эделькранцъ, ум. 1821), отличающійся особенно меланхолическимъ тономъ въ изображеніи природы и тѣмъ, что началъ искусно пользоваться Скандинавскою мифологіею, когда еще никто въ Швеціи не помышлялъ о томъ. Замѣчательно, что и онъ, подобно Лильенстету и Крейцу, дошелъ до высокихъ степеней въ обществѣ; для него парнасскъ послужилъ лѣстницею къ почестямъ гражданскимъ. Будучи одаренъ способностями многообразными, онъ рано оставилъ поэзію; переселился въ Швецію, посвятилъ себя пользѣ государственнаго хозяйства, и на этомъ поприщѣ прославилъ себя незабвенными заслугами *).

Товарищемъ и другомъ его при Университетѣ былъ воспитывавшійся тамъ и потомъ оставшійся на-время пре-

*) Ему Швеція обязана учрежденіемъ въ ней телеграфовъ и ввѣденіемъ Англійскихъ пароходовъ.

подавателемъ другой извѣстный Шведскій поэтъ, *Челлгрень* (Kellgren); но такъ какъ онъ родомъ былъ Шведъ и притомъ его поэтическая дѣятельность относится къ позднѣйшей порѣ, когда онъ, оставивъ Университетъ, жилъ въ Стокгольмѣ; то здѣсь было бы неумѣстно говорить о немъ.

Въ 1799 году опредѣлился въ Абовскій Университетъ доцентомъ краснорѣчія молодой *Кореусъ* (Choraeus). Онъ родился въ Финляндіи, но воспитанъ былъ въ Швеціи, куда его привела судьба странная. Отецъ его, умирая, велѣлъ мальчику отправиться за-море, отыскать тамъ родственника и сказать, кѣмъ присланъ. Истративъ въ Стокгольмѣ всю свою кассу на лакомства и не зная чѣмъ дѣлать, молодой странникъ принужденъ былъ наняться въ услуженіе на военномъ кораблѣ; но по утоленіи голода, онъ раскаялся въ своей рѣшимости. Къ счастью, капитанъ корабля былъ такъ добръ, что жалившись надъ нимъ, доставилъ ему средства окончить прерванное путешествіе. Въ домъ своего родственника Кореусъ нашелъ не только ласковый пріемъ, но и нѣжную заботливость о своей будущности: вскорѣ его послали учиться въ Упсальскій Университетъ. Послѣ, переселившись въ Або, онъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ сталъ заниматься поэзіей подъ руководствомъ Портана. Стихи его, отличаясь легкостью и вообще изяществомъ формы, поражали современниковъ; но теперь уже мало читаются. Въ нихъ господствуетъ плаксиво-поучительный тонъ. Всего болѣе нравится Кореусъ, когда онъ, переставъ проповѣдывать или осмѣивать, просто предается своей естественной чувствительности.

Его вдохновеніе почти всегда было вызываемо внѣшними обстоятельствами. Съ 1802 г. сталъ онъ адъюнктомъ богословія и пасторомъ въ Швеціи. Тамъ проповѣди его привлекали необыкновенное множество слушателей. Онъ умеръ молодъ въ 1806 году. Стихотворенія Кореуса по смерти его изданы, при прекрасномъ жизнеописаніи автора, его соотечественникомъ Франценомъ, который нерѣдко служилъ ему образцомъ.

Хотя до сихъ поръ рѣчь у насъ шла только о мертвыхъ, но имя Францѣна пользуется уже теперь такою справедливою славою, что мы не смѣемъ пройти его молчаніемъ. Онъ родился въ городѣ Улеоборгѣ (въ Сѣв. Финляндіи) 6 Февраля 1772 года. Въ 1785 поступилъ студентомъ въ Абовскій Университетъ, гдѣ потомъ долго оставался въ качествѣ преподавателя (съ 1798 г. профессора исторіи литературы); въ 1803 году перешелъ въ духовное званіе, и наконецъ съ 1831 занимаетъ мѣсто епископа Гернесандскаго *) въ Швеціи.

Связь между прошедшимъ и настоящимъ, онъ, убѣленный съдинами, почти уже семидесятилѣтній старецъ самъ участвовалъ въ прошлогоднихъ Университетскихъ празднествахъ и нынѣ радушно участвуетъ въ изданіи нашемъ. Чтобы удалить всякій поводъ къ обвиненію насъ въ пристрастіи, мы, желая дать понятіе о достоинствѣ Францѣна, воспользуемся въ этомъ случаѣ сужденіями другихъ.

*) Гернесандъ (Hernösand) городъ при Ботническомъ заливѣ, на разстояніи болѣе 400 верстъ къ С. отъ Стокгольма.

«Какъ одинъ изъ верховныхъ святителей Шведской церкви» (сказано въ *Finsk National-Kalender* 1840), «онъ показалъ нѣжную заботливость и объ образованіи юношества, и о развитіи истинно Христіанскаго духа въ паствѣхъ и ихъ паствахъ; какъ духовный проповѣдникъ, онъ изъясняетъ святыя уроки Христіанства на языкъ простомъ, чуждомъ всякой суетности и блескъ ораторскихъ, но согрѣтомъ тихимъ и вмѣстѣ мощнымъ дыханіемъ религіи; какъ жизнеописатель, соединяетъ онъ съ простотою и ясностью слога способность представлять истинный и живой образъ описываемаго лица и дѣлать предметъ свой сколько поучительнымъ, столько же и занимательнымъ для читателя. Но прекраснѣйшій вѣнокъ стяжалъ онъ въ качествѣ поэта, и въ семъ отношеніи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ на Шведскомъ парнассѣ».

«Францѣнъ», по словамъ другаго, весьма уважаемаго литератора Шведскаго *), «еще въ 1794 году началъ помѣщать въ періодическихъ изданіяхъ разныя лирическія стихотворенія, которыя своимъ чистосердечнымъ тономъ, теплотою и роскошью идиллическихъ красокъ восхитили всѣхъ читателей и внушили къ имени его любовь и уваженіе».

«Отъ Францѣна», говоритъ другой критикъ: «услышали совершенно новыя звуки, которые нашли отголосокъ въ каждомъ чувствительномъ сердцѣ, и послѣ того онъ почти по всѣмъ вѣтвямъ словесности представилъ превосходныя опыты своего высокаго дарованія».

*) Гаммаршельда.

Въ первыхъ своихъ пьесахъ Францѣнъ воспѣвалъ Сельму и Фанни, и изъ этихъ пѣсень составилъ «цѣлый рядъ стихотвореній, написанныхъ въ особенномъ, младенчески-нѣжномъ и пленительномъ духѣ; они рисуютъ грезы невинности, вздохи первой любви, надежды и радости, и стремленіе набожнаго сердца къ высшему, прекраснѣйшему міру. Въ литературу нашей мало писателей столь плодовитыхъ и многостороннихъ, какъ Францѣнъ».

Въ 1822 году явился между студентами Абовскими молодой человекъ родомъ изъ Якобстада, городка той же Остроботніи, гдѣ родился Францѣнъ. Онъ былъ блѣденъ, но по его крѣпкому тѣлосложенію, высокому росту и бодрому взгляду видно было, что природа щедро вознаградила его за невниманіе фортуны. Онъ чувствовалъ сильную склонность къ поэзіи, но еще не зналъ ни Тегнера, ни другихъ новѣйшихъ поэтовъ Шведскихъ; идеаломъ его былъ Кореусъ, котораго онъ читалъ уже въ школѣ. Узнавъ въ Университетѣ превосходнѣйшія образцы, онъ сталъ подражать имъ, но не могъ примириться съ собою, пока не избралъ особеннаго, самобытнаго направленія. Студента этого звали *Рунебергомъ*. Тѣхъ изъ читателей нашихъ, которые еще незнакомы съ его именемъ, отсылаемъ къ Современнику 1839, 1840 и 1841 годовъ.

Хотя Рунебергъ въ полномъ смыслѣ оригиналенъ, есть точки сближенія между нимъ и Францѣномъ. По естественному родству ихъ музъ, неудивительно, что Францѣнъ, какъ рассказываетъ самъ Рунебергъ, давно сталъ его любимымъ поэтомъ «Міръ невинности, насе-

ленный ангелами и граціями», говоритъ Рунебергъ въ одномъ письмѣ: «вотъ поэзія Францѣна». Существенное различіе между обоими то, что въ Францѣнъ явно преобладаетъ лирическій элементъ, а въ Рунебергъ — эпическій.

ГЛАВА VII.

ИМПЕРАТОРСКІЙ АЛЕКСАНДРОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

«Изъ сего благоволенія истекли тѣ безсмертной хвалы достойныя щедроты: помня ихъ, свои же собственныя скромно забывая и всю славу Возстановителя желая отъ Себя перенести на Первороднаго Брата, Его Августѣйшій Преемникъ именемъ Александра нарекъ обитель, гдѣ послѣ бѣдственной судьбы Университетъ Финляндскій воспріялъ новую жизнь въ Гельсингфорсѣ».

Ректоръ Алекс. Уп. П. А. Урсинъ,
2 (14) Іюля 1840.

Десять тысячъ человекъ скорбѣли на берегахъ опротивѣвшей Ауры, одни за себя и кровныхъ, другіе за согражданъ. Между ними была и безпріютная семья Университета, которой великость несчастія, ее постигнувшаго, не позволяла даже надѣяться. Но какъ всегда, такъ и на этотъ разъ въ нѣдрахъ самаго бѣдствія возникаютъ явленія, радующія сердце. Еще въ продолженіе пожара составилъ изъ жителей города Комитетъ вспомошествованія (Undsättnings-Komitee) для приѣма и раздачи добровольныхъ приношеній въ пользу погорѣвшихъ. Вскорѣ онъ началъ со всѣхъ сторонъ получать пособія,

въ ряду которыхъ значительнѣе всѣхъ были 100 т. р., Всемилостивѣйше пожалованныя Государемъ Императоромъ, и 60 т. р., пожертвованныя остальными Членами Августѣйшаго Семейства.

Между тѣмъ вся Финляндія оплакивала невознаградимую, какъ тогда казалось, потерю своего Университета. Каковы же были всеобщія чувствованія, когда распространилась радостная вѣсть, что Его Императорское Величество, движимый тою же отеческою благостью, съ какою уже столько лѣтъ споспѣшествовалъ просвѣщенію Финляндіи, благоволилъ изъяснить Всемилостивѣйшую волю о немедленномъ возстановленіи истребленнаго святилища наукъ. Манифестомъ ^{9/21} Октября 1827 года Высочайше повелѣно, чтобы Финляндскій Университетъ, для тѣснѣйшаго соединенія съ верховными¹ правительственными мѣстами края, переведенъ былъ въ Гельсингфорсъ, и въ память своего незабвеннаго Благотворителя впредь назывался Александровскимъ.

Для покрытія издержекъ при постройкѣ новаго каменнаго дома въ Гельсингфорсѣ на опредѣленномъ мѣстѣ, Государь Императоръ изволилъ предоставить Университету особенныя доходы^{*)}; но такъ какъ они еще не скоро могли быть собраны, то ему вмѣстѣ съ тѣмъ Все-

^{*)} Именно: 1) пошлины съ вывозимыхъ изъ Финляндіи дровъ, досокъ, смолы и дегтя (онѣ уже съ 1822 года предоставлены были Университету до 1838; теперь же срокъ сей продолженъ до 1868); и 2) доходы съ вакантныхъ пасторатовъ по всей Финляндіи, на 30 лѣтъ. Оба источника доходовъ еще Шведскими королями были предоставляемы Университету.

милостивѣйше пожаловано въ ссуду на 10 лѣтъ, безъ процентовъ, 500 т. р. Всѣмъ Университетскимъ чиновникамъ для переезда въ Гельсингфорсъ назначены въ пособіе годовыя оклады. Для распоряженій же по постройкѣ зданія и вообще по переведенію Университета на новое мѣсто учрежденъ въ Гельсингфорсѣ временной Комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Ребиндера, какъ исправлявшаго должность Канцлера.

Пожаръ Абовскій только на-годъ прекратилъ дѣятельность Университета. До приведенія къ окончанію новаго дома, ему по Высочайшей волѣ отведено было помѣщеніе частію въ стѣнахъ Сената, частію въ (такъ называвшемся инспекторскомъ) домѣ, построенномъ для Дивизіоннаго Начальника Финляндскихъ войскъ, нынѣ же занимаемомъ Его Высокопревосходительствомъ г. Помощникомъ Генералъ-Губернатора, состоящимъ въ должности Вице-канцлера Университета Генераломъ отъ инфантеріи А. П. Теслевымъ. Уже въ первыхъ числахъ Октября послѣдовало въ зданіи Сената, съ торжественными обрядами, открытіе Университета, и 6-го числа опять начались лекціи при 339 студентахъ. Еще въ томъ же году, 28 Ноября (10 Декабря) дарованъ былъ Университету новый уставъ, въ сущности сходный съ прежнимъ, но примѣненный къ современнымъ требованіямъ.

Между тѣмъ Университетъ отсюду получалъ отрядныя доказательства всеобщаго участія къ судьбѣ его. Изъ разныхъ мѣстъ Финляндіи ему безпрестанно приносились были въ даръ всякаго рода учебныя пособія, особливо книги. Однимъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ въ семъ отношеніи приобрѣтеній былъ онъ обязанъ Пра-

вительству: ему предоставлена была Сенатская библиотека *) Что касается до частных лиц, то даже нѣкоторые изъ жителей Або **), самые профессеры, менѣе другихъ пострадавшіе, отдали ему часть книгъ своихъ. Въ Гельсингфорсѣ образовалась складчина для облегченія Университету средствъ къ возстановленію его библиотеки. Тамъ же многіе студенты нашли на первое время безденежное помѣщеніе въ частныхъ квартирахъ. Особенно трогателенъ и замѣчателенъ, какъ признакъ образованности, разлитой и въ низшемъ сословіи Финляндцевъ, былъ даръ, присланный Университету крестьянами одного прихода (Вихтисъ, въ Ниландской губерніи): даръ этотъ состоялъ въ 50-и бочкахъ ржи, которыя Университету предоставлялось употребить по его благоусмотрѣнію.

Во всей Россіи частныя лица, учебныя и ученыя заведенія, особливо Университеты, пожертвовали погорѣвшему учрежденію значительнымъ числомъ книгъ ***), послѣд-

*) Ибо существованіе двухъ публичныхъ библиотекъ въ Гельсингфорсѣ признано излишнимъ.

**) Они при этомъ случаѣ представили вообще множество примѣровъ усердія къ общей пользѣ. Въ числѣ прочихъ заведеній сгорѣла тамъ и типографія; но, благодаря распорядительности хозяина ея, г. Френкеля, Абовская газета уже 13-го Октября того же года вновь начала появляться.

***) С.Петербургскій Университетъ прислалъ . . . 70 томовъ.
 Казанскій » 126 »
 Дерптскій » 394 »
 Московскій » (?) »
 Ришельевскій Лицей 109 »
 Лицей Кн. Безбородко 14 »

ніе между прочимъ всѣми своими дуплетами. Особенную щедрость въ этомъ случаѣ показали Остзейскія губерніи, можетъ быть отъ того, что тамъ и средства къ такимъ приношеніямъ обильнѣе. Отчасти же къ тому способствовали два напечатанныя въ тамошнихъ вѣдомостяхъ воззванія. Дерптскій округъ подарилъ Александровскому Университету болѣе 3500 томовъ. Рижскій книгопродавецъ Гартманъ прислалъ ему книгъ на 5357 р. серебромъ. Сверхъ того изъ тѣхъ же губерній присланы разные физическіе и химическіе снаряды.

И изъ другихъ земель, даже изъ Англіи, но особливо изъ Даніи *) возникавшая библиотека получила нѣкоторое пособіе. Самъ Датскій король участвовалъ въ сдѣланныхъ ей приношеніяхъ. Но ничто не можетъ сравниться съ истинно-Царскими дарами, которыми Государь Императоръ и Его Августѣйшій Сынъ не разъ жаловали Университетъ при его возрожденіи. Только о семъ времени здѣсь и идетъ рѣчь. Трудно было бы исчислить все, что въ послѣдствіи библиотека Александровскаго Университета приобрѣла отъ щедрости какъ Державныхъ Особъ, такъ и частныхъ лицъ **).

Новый Университетскій домъ строился по Высочайше утвержденному плану интенданта публичныхъ зданій

*) Копенгагенскія ученые общества прислали 196 томовъ.

**) Нельзя однакожъ не упомянуть о 24 т. томахъ Русскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ книгъ, подаренныхъ въ 1833 году г. Флигель-адъютантомъ, ротмистромъ конной гвардіи (что нынѣ полковникъ) Александровымъ старшимъ.

въ Финляндіи, покойнаго Ангеля *). Согласно обязательству взявшихъ на себя **) подрядъ постройки, купцовъ Галда и Ушакова, домъ сей былъ готовъ уже къ 1 Октября 1831 года, такъ что тогда же могъ быть занятъ Университетомъ; но какъ сырость еще слишкомъ свѣжихъ стѣнъ могла бы оказаться вредною и для здоровья и для учебныхъ пособій, то Государь Императоръ Всемилостивѣйше дозволилъ отложить освященіе вновь оконченнаго зданія до слѣдующаго лѣта.

Торжество сіе совершилось 7/19 Іюня 1832 года. Пѣніе и двѣ рѣчи, одна на Шведскомъ языкѣ, другая на Русскомъ, произнесенныя въ парадной залѣ при множествѣ слушателей; обѣдня въ Лютеранской церкви, куда всѣ чины изъ Университета отправились процессіей; пальба со скалы Ульрикасборгъ; наконецъ пышный обѣдъ у г. Вице-канцлера: таковы были принадлежности торжества. Слѣдующіе два дня посвящены были промоціямъ докторовъ и магистровъ. Къ возвышенію общей радости способствовали неожиданные знаки милости Августѣйшихъ Покровителей Университета. Передъ самымъ началомъ церемоній перваго дня прибыли въ Университетъ двѣ бумаги, того же числа подписанныя, съ извѣщеніемъ, что Государь Императоръ изволилъ дарить Университету приобретенные Его Величествомъ на Собственный счетъ 2800 томовъ медицинскихъ сочиненій, а Государь Наслѣдникъ жалуетъ ему знаменитую дактилютеку Липперта, болѣе 3 т. оттисковъ древнихъ камеевъ.

*) Имъ же составленъ былъ и расчетъ издержкамъ постройки, простиравшійся до 431,249 р. асс.

**) За 378,800 р. асс.

Университетъ еще въ 1830 году, 1/13 Августа, имѣлъ счастье принимать своего новаго Основателя въ залѣ библіотеки, которая доселѣ помѣщается въ домѣ Сената. Здѣсь удостоился Высочайшаго утвержденія планъ зданія обсерваторіи, нынѣ такъ поражающаго всѣхъ посѣтителей Гельсингфорса. Въ 1833 году 29 Мая (10 Іюня) Государь Императоръ вторично изволилъ прибыть сюда, и въ тотъ же день двукратно осчастливилъ Своимъ посѣщеніемъ Университетъ, за годъ предъ тѣмъ освященный: сперва прямо съ парохода Ижоры изволилъ одинъ отправиться туда, а черезъ нѣсколько часовъ вмѣстѣ съ Государынею Императрицею. Ихъ Величества внимательно осматривали все зданіе и удостоили милостивымъ разговоромъ представленныхъ имъ какъ профессоровъ, такъ и студентовъ.

Такія-то счастливыя событія ознаменовали начало существованія Александровскаго Университета и послѣдніе годы двухсотлѣтія Университета Финляндскаго. Съ нетерпѣніемъ ожидая 1840 года, онъ желалъ отпраздновать эпоху сію торжествами, достойными щедротъ, на него излитыхъ.

Наконецъ она наступила. Постараемся дать читателю возможность сравнить положеніе Университета въ разные сроки его существованія съ тѣмъ, что онъ представилъ чрезъ 200 лѣтъ послѣ своего учрежденія.

При вѣздѣ въ Гельсингфорсъ изъ Петербургской заставы, видишь предъ собою въ перспективѣ длинную, широкую улицу, и на отдаленномъ концѣ ея скалу съ трехбашенною обсерваторіей. Это улица Союза. Подви-

гаясь мимо сада и каменныхъ зданій, по обѣимъ сторонамъ ея возвышающихся, всего болѣе бываешь пораженъ двумя изъ нихъ. Слева особенное вниманіе обращаетъ на себя Лютеранская Церковь св. Николая на обширномъ гранитномъ основаніи, съ бѣлыми стѣнами и башнею, которую вѣнчаетъ голубой куполъ, усыянный золотыми звѣздами. За этимъ храмомъ лѣвая сторона улицы прерывается широкою площадью, а съ правой возносится бѣлое же, величавое зданіе Александровскаго Университета, лицомъ обращенное къ площади. Противъ него, на другомъ ея боку, стоитъ строеніе Сената Финляндскаго, отъ котораго и вся площадь называется Сенатскою. Ея верхнюю сторону образуетъ фасадъ Николаевской церкви, а нижнюю стройный рядъ каменныхъ домовъ, за которыми лежитъ другая, прибрежная площадь.

Главное зданіе Университета, соединяющее съ колоссальностью размѣровъ изящную стройность, состоитъ изъ трехъ этажей, и сверхъ пяти аудиторій заключаетъ въ себѣ полукруглую парадную залу въ два свѣта съ амфитеатромъ скамей и хорами, девять комнатъ, гдѣ хранятся разнаго рода учебныя пособія и аппараты (сюда относятся музеи, физическій кабинетъ, химическая лабораторія, анатомическій театръ), всѣ покои, назначенные для занятій по управленію Университетомъ и т. п. Фасадъ зданія украшенъ вензелемъ, а парадная зала величественнымъ бюстомъ Императора Александра. Другой мраморный бюстъ Его стоитъ въ залѣ консисторіи противъ такого же бюста королевы Христіны; оба послѣдніе подарены Университету графомъ Румянцевымъ въ 1815 г.; между ними, противъ входа, висится въ золотой рамѣ портретъ нынѣ благополучно царствующаго Импе-

ратора. Въ комнатѣ же Университетской Канцеляріи развѣшены портреты многихъ изъ замѣчательнѣйшихъ чиновъ Университета всѣхъ временъ съ самаго его основанія. Сзади этого дома, отдѣляясь отъ него дворомъ, стоитъ параллельное съ нимъ меньшее строеніе съ гимнастическою залою и комнатою для уроковъ рисованія.

Направо отъ главнаго Университетскаго дома возвышается красивое, но еще не совсѣмъ готовое зданіе библіотеки, которая не прежде 1843 года можетъ быть перенесена сюда изъ Сената. Любопытно, что и при первомъ юбилей Финляндскаго Университета, въ 1740 году, домъ библіотеки его едва былъ отстроенъ; но въ то время онъ былъ уже до такой степени отдѣланъ, что послужилъ, какъ мы видѣли, мѣстомъ одного изъ Университетскихъ празднествъ. Тогда книги сберегались пока въ тѣсной аудиторіи, а нынѣ хранятся въ просторныхъ комнатахъ Сената. Библіотека Александровскаго Университета считаетъ уже болѣе 50 т. томовъ и имѣетъ ежегодно около 12 т. р. асс. дохода на свое приращеніе. Сверхъ того ей предоставлено право получать бесплатно по экземпляру всѣхъ въ Россіи печатаемыхъ книгъ.

По той же улицѣ, но на другой ея сторонѣ и ближе къ Петербургской заставѣ видите вы зданіе клиники съ родильнымъ домомъ, а противъ него Университетскій ботаническій садъ, съ оранжереями и домомъ для разныхъ пособій по преподаванію ботаники; рядомъ другой для гулянья назначенный публичный садъ, гдѣ магнитная обсерваторія и домъ для профессора, ея заведывающаго. На противоположномъ концѣ улицы возвышается астрономическая обсерваторія съ особою ауди-

торіей, съ своею бібліотекою и съ просторнымъ помещеніемъ не только для профессора астрономіи, но и для другихъ лицъ, при немъ опредѣленныхъ *). Сверхъ того лавка Университетскаго книгопродавца находится на той же улицѣ Союза, которая такимъ образомъ, почти вся обставленная принадлежностями Университета, могла бы по справедливости называться *Университетскою*.

По уставу 1828 года состоитъ при немъ 22 профессора **), 15 адъюнктовъ ***), 5 лекторовъ †) и 4 учителя искусствъ (*exercitie-mästare*) ††), всего 46 преподавателей,

*) Каѳедра астрономіи въ Александровскомъ Университетѣ остается незамѣненною послѣ извѣстнаго Аргеландера, Прусскаго уроженца, который въ 1836 году перешелъ въ Университетъ Боннскій.

**) 21 ординарный, именно по факультетамъ: богословія — 4; правовѣдѣнія — 3; медицины — 3; философіи — 11, какъ-то: 1) философіи теоретической и практической; 2) математики; 3) физики; 4) астрономіи; 5) химіи; 6) зоологіи и ботаники; 7) исторіи; 8) краснорѣчія и поэзіи (т. е. Латинской словесности); 9) Греческой словесности; 10) Восточныхъ языковъ, и 11) исторіи литературы (каѳедра по этой части соединена съ должностію бібліотекаря; но донинѣ бібліотекаремъ остается прежній профессоръ исторіи лит. г. Пиппингъ). 1 экстраорд. проф. Русскаго языка и словесности.

***) По факультетамъ: богословія — 2; правовѣдѣнія — 2; медицины — 4; философіи — 7, между которыми одинъ помощникъ бібліотекаря.

†) По части языковъ: Русскаго, Финскаго, Нѣмецкаго, Французскаго и Англійскаго.

††) По одному для музыки, рисованія, фехтованія и танцованія, (сверхъ того содержатся три учителя для гимнастики).

телей, не считая магистровъ-доцентовъ, т. е. младшихъ преподавателей, обязанныхъ читать лекціи только въ извѣстныхъ случаяхъ, и которыхъ число не опредѣлено *).

Студентовъ, посѣщавшихъ Финляндскій Университетъ отъ 1640 по 1840 годъ, было 15,763. Изъ этого числа къ первому столѣтію относится 6,684 человека, а ко второму 9,079. Во все время Университетъ не только доставлялъ Финляндіи достаточное количество какъ чиновниковъ, такъ и преподавателей, но еще снабжалъ своими питомцами и другія земли, особливо же въ прежніе годы Швецію.

Сперва и между студентами и между преподавателями Университета бывало постоянно болѣе или менѣе *Шведовъ*, но съ теченіемъ времени число ихъ постепенно уменьшалось, тогда какъ напротивъ число учащихся вообще возрастало. Въ послѣдніе годы, записанныхъ въ Университетскій альбомъ студентовъ было среднею мѣрой до 600 въ каждый семестръ; но собственно на-лице находилось ихъ отъ 400 до 500, ибо по старинному обыкновенію часть студентовъ имѣетъ право удаляться на-время изъ Университета либо для снисканія уроками средствъ продолжать свое пребываніе въ немъ, либо для практическаго приготовленія себя къ гражданской службѣ. На этомъ основаніи многіе студенты то опредѣляются въ частные дома наставниками, то сопровождаютъ разъѣзжающихъ судей и землемѣровъ. На-

*) Въ 1840 году ихъ было 12: 2 по богословскому, и 10 по философскому факультету.

личныхъ студентовъ въ послѣдній семестръ предъ юбилеемъ было 463 человека *).

Какъ въ предыдущемъ не разъ можно было видѣть, Финляндскій Университетъ, торжествуя какое-либо особенно-важное событіе въ жизни своей, соблюдаетъ всѣ тѣ обыкновенія и обряды, которые въ средніе вѣки украшали бытъ всякаго Европейскаго Университета, но теперь почти нигдѣ болѣе не сохраняются, кромѣ Скандинавскихъ земель, да отчасти Англіи и нѣкоторыхъ Германскихъ городовъ.

Важнѣйшее Университетское торжество составляетъ актъ *промоціи*, т. е. возведенія нѣсколькихъ лицъ въ ученую степень *маистра* или *доктора*. Для достиженія степени *доктора* по которому бы ни было факультету необходимо напередъ приобрести званіе *кандидата* по философскому **). Тому и другому повышенію предшествуютъ опредѣленные весьма сложныя испытанія. Въ Александровскомъ Университетѣ промоція магистровъ бываетъ чрезъ каждые три года; производимыхъ въ одно время не должно быть болѣе сорока. — Промоція докторовъ бываетъ всякій разъ, когда окажется достаточное число исполнившихъ условія, потребныя для полученія этого званія. Возведеніе въ ученую степень со-

*) Въ томъ же году число студентовъ было: въ С.Петербургскомъ Университетѣ 433; въ Москов. 932; въ Харьков. 468; въ Казан. 237; въ Дерптскомъ 330; въ Ун. Св. Влад. 140. —

**) По стариннымъ постановленіямъ не было различія между магистромъ и докторомъ философіи. Въ Швеціи два эти званія донынѣ соединены.

вершается по очереди однимъ изъ членовъ факультета, почему этотъ членъ и называется въ такомъ случаѣ *промоторомъ*.

Съ празднествомъ своего двухсотлѣтія Александровскій Университетъ получилъ Всемилостивѣйшее дозволеніе соединить, для возвышенія торжества, промоціи какъ докторовъ по всѣмъ четыремъ факультетамъ, такъ и магистровъ по философскому. Въмѣстѣ съ тѣмъ, во вниманіи къ столь достопамятному случаю, Высочайше разрѣшено при промоціи магистровъ не ограничиваться узаконеннымъ числомъ 40, а возвести въ эту степень всѣхъ выдержавшихъ на нее экзаменъ, именно 96 молодыхъ людей. Итакъ Университетъ еще въ Маѣ мѣсяцѣ разослалъ къ разнымъ ученымъ обществамъ приглашеніе присутствовать на его юбилей. Чтобы показать, въ какомъ видѣ оно было составлено, мы для примѣра помѣстимъ здѣсь переводъ письма, посланнаго въ С. Петербургскій Университетъ.

«Мужамъ знаменитѣйшимъ, профессорамъ и прочимъ преподавателямъ С. Петербургскаго Университета кланяемся. Университетъ, основанный въ отдаленной Финляндіи для водворенія въ сихъ сѣверныхъ странахъ наукъ и искусствъ, претерпѣлъ, подобно ея землѣ, часто разоряемой холодомъ и ненастьемъ, много самыхъ горестныхъ потерь и бѣдствій. Но пронеслися времена мрачныя: наслаждаясь наконецъ отраднымъ сіяніемъ солнца, уже кончая второе столѣтіе, онъ намѣренъ празднествомъ возобновить память своего рожденія. Сіе торжество совершитъ онъ конечно съ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ о помощи Промысла Божія и о щедротахъ Авгу-

стѣйшаго Императора, проникнутый тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ древле спасенные отъ кораблекрушенія въшли въ храмъ скрижали обѣтнѣю. Но какъ душа, преисполненная великимъ удовольствіемъ, жаждетъ открыться другимъ, такъ и нашъ Александровскій Университетъ пламенно желаетъ найти благосклонныхъ свидѣтелей своей радости. Итакъ, мужи знаменитѣйшіе, усердно и искренне просимъ васъ, благоволите исполнить желаніе наше и почтить своимъ присутствіемъ юбилей, имѣющій совершиться въ семь городъ III (XV) будущаго Іюля. Надѣемся, что сочувствуя подвижникамъ благородной науки и считая всѣхъ ихъ соединенными закономъ товарищества, вы не признаете торжества сего чуждымъ для васъ. Гельсингфорсъ XXVII Апрѣля (IX Мая) MDCCCXL». *)

*) Многие конечно съ удовольствіемъ прочтутъ отвѣтъ С.Пбур. Унив. на это приглашеніе. Вотъ онъ въ переводѣ: «Въ консісторію Императорскаго Александровскаго Университета. Прежде нежели дружескимъ привѣтствіемъ своимъ, по случаю наступающаго у васъ торжества, возбудили вы въ сердцахъ нашихъ живое участіе къ событію, столь достопамятному въ лѣтописяхъ вашихъ, давно уже Александровскій Университетъ былъ постояннымъ предметомъ нашего любопытства и вниманія. Судьба его во многомъ сходна съ судьбою С. Пбургскаго Университета. Основанные во глубинѣ Сѣвера, они разливаютъ теплоту и свѣтъ знаній посреди племенъ, безпрестанно борющихся съ дикостью природы и суровостью климата. Совершенствуя гражданственность народовъ, мѣстностію, исторію, языкомъ и нравами такъ обособленныхъ отъ другихъ народовъ Европы, они все существенное въ теоріяхъ должны извлекать изъ собственныхъ опытовъ и размышленій. Плоды ихъ умственныхъ усилій принимаютъ два народа, разноплеменные, но по благодати Провидѣнія сохранившіе первобытную чистоту нравовъ, непоколебимую вѣру въ Бога, теплоту семейственной

Въ слѣдствіе такого приглашенія, сюда къ назначенному сроку съѣхались депутаты Университетовъ и другихъ ученыхъ обществъ какъ изъ Россіи, такъ отчасти и изъ Швеціи. Кромѣ лицъ, отряженныхъ самими обществами *), изъ Университетовъ С.Петербургскаго и Дерптскаго

любви и преданность священной волѣ единого, общаго намъ Монарха-Охранителя. Наконецъ ихъ нынѣшнее цвѣтущее состояніе, благоустройство и обиліе во всѣхъ способахъ къ достиженію высокихъ цѣлей есть созданіе нынѣ достопамятно царствующаго Императора Николая Павловича.

«Но Александровскій Университетъ прожилъ два уже столѣтія, тогда-какъ Санктпетербургскій, основанный Государемъ, Котораго именемъ украшается маститый его совмѣстникъ, едва выступаетъ на поприще трудовъ, обѣщающихъ ему мѣсто, по справедливости занятое Александровскимъ. Мы, какъ юноши, готовые на все, не имѣемъ ни опытности своей, ни своихъ лѣтописей. Приглашеніе ваше на юбилей въ 3 (13) день Іюля сего 1840 года С.Петербургскій Университетъ принимаетъ съ истиннымъ удовольствіемъ и съ полною благодарностію. Онъ избралъ депутатомъ своимъ для присутствія на вашемъ праздникѣ ректора своего, профессора Петра Шетнева. Нѣкоторые изъ нашихъ профессоровъ, сами по себѣ, пользуясь благопріятнымъ каникулярнымъ временемъ, явятся также въ Гельсингфорсъ. Мы желаемъ не только дѣлить вашу радость, но и заимствовать въ самомъ источникѣ тѣ благотворныя начала, которыя Александровскій Университетъ неизменно поддерживали два столѣтія къ пользѣ и славѣ отечественной страны.»

*) Депутатами были:

Отъ С.Петербургской Акад. Наукъ — Непремѣнный Секретарь ея Д. С. С. Фуссъ и Экстр. Ак. Кол. Сов. Шегренъ.

Отъ С.Петербургскаго Университета — Ректоръ его Д. С. С. Шетневъ съ 6-ю студентами.

Отъ Дерптскаго Университета — Ст. Сов. профессоръ Эрцманъ и Над. Сов. профессоръ Преллеръ съ 8-ю студентами.

согласно Всемилостивѣйшему повелѣнію Государя Императора отправлено было по два студента отъ каждого факультета.

Особенно велико было стеченіе прїѣзжихъ изъ всѣхъ концовъ Финляндіи, для которой праздникъ Университета, какъ центра ея просвѣщенія, былъ праздникомъ въ полномъ смыслѣ національнымъ. Никогда еще въ мирное время ни одинъ изъ Финляндскихъ городовъ не представлялъ такого многолюдства, какъ Гельсингфорсъ въ Іюль 1840.

Наканунѣ юбилея исправлявшій должность Канцлера графъ Ребиндеръ призвалъ къ себѣ всѣхъ членовъ Университета и объявилъ о знакахъ Монаршей милости, жалующихъ нѣкоторымъ изъ нихъ по случаю предстоящаго праздника. Онъ прибавилъ, что для увеличенія блеска его, Государь Императоръ даруетъ разнымъ лицамъ духовнаго вѣдомства въ Финляндіи званіе докторовъ Богословія. Въ тотъ же день состоящій въ должности Вицеканцлера Университета А. П. Теслевъ угостилъ роскошнымъ обѣдомъ какъ всѣ Университетскіе чины, такъ и почетнѣйшихъ изъ постороннихъ въ городѣ бывшихъ особъ. Между тѣмъ ректоръ, профессоръ медицины Н. А. Урсинъ разосланною по домамъ печат-

Отъ Университета Св. Владиміра — Над. Сов. профессоръ Траутфеттеръ.

Отъ Шведской Академіи, равно
отъ Академіи Словесности, Исторіи
и Древностей » » Гернесандскій епископъ докторъ Францень.

Отъ Упсальскаго Университета — профессоръ и бібліотекаръ Шредеръ.

ною программой (на Латинскомъ языкѣ) приглашалъ всѣхъ къ участию въ празднествѣ Университета.

Его парадная зала не могла бы вмѣстить въ себѣ собранія 3 т. чловѣкъ или болѣе; и потому центромъ торжественныхъ обрядовъ назначена была находящаяся близъ Университета Николаевская церковь, уже почти совершенно готовая, но еще не освященная *). Передъ мѣстомъ алтаря на эстрадѣ, убранной цвѣтами, стояла каеэдра, спасенная отъ Абовскаго пожара и взятая теперь изъ парадной Университетской залы. По обѣ стороны ея видны были упомянутые уже бюсты: Основательницы Университета Королевы Христины и ея Пересоздателя Императора Александра; а надъ каеэдрою возвышался бюстъ Августѣйшаго Возстановителя Университета, Императора Николая. Подъ Его державною сѣнью Университетъ, Имѣ облагодѣтельный, празднуетъ нынѣ свое основаніе, и кровь, подъ которымъ онъ совершитъ это празднество, соимененъ Внѣценосному его Охранителю.

Внутренность церкви уставлена была стульями и скамьями. 3/15 Іюля здѣсь уже съ 10-го часа утра стали собираться обоюго пола лица (дамы по билетамъ); маршалы, наряженные изъ студентовъ для пріема входившихъ, указывали имъ мѣста. Начало торжества еще въ 6 часовъ утра возвѣщено было 8-ю пушечными выстрѣлами и колокольнымъ звономъ. Около 11 часовъ въ церковь вступили шедшіе процессією изъ Сената (сборнаго

*) Впрочемъ въ Упсалѣ и въ Лундѣ Университетскія торжества всегда совершаются въ церкви.

мѣста) Университетскіе чины и студенты, также чины всѣхъ другихъ вѣдомствъ и прибывшіе сюда депутаты ученыхъ обществъ, литераторы и Русскіе студенты. Всѣ составлявшіе процессію шли по-три въ рядъ. Ректоръ Университета, въ малиновой бархатной мантии и, какъ всѣ прочіе, въ мундиръ и въ докторской шляпѣ, былъ между исправлявшими должности Канцлера и Вицеканцлера, а передъ ними, въ ознаменованіе власти, шли два герольда (*sursoyer*) въ голубой одеждѣ стариннаго покроя, каждый съ длиннымъ серебрянымъ жезломъ въ рукѣ.

При входѣ въ храмъ процессія встрѣчена была музыкою и пѣніемъ съ хоровъ. Студенты Александровскаго Университета выстроились въ два ряда по краямъ скамей; прочія лица заняли близъ *парнасса* (т. е. эстрады съ каедрою) назначенныя имъ мѣста, а герольды съ жезлами стали на ступеняхъ возвышенія по обѣ стороны каедры.

Послѣ того съ нея произнесены были, одна за другою, три рѣчи: ректоромъ по-Латыни, профессоромъ краснорѣчія Линсеномъ на Шведскомъ и профессоромъ Русской Словесности Соловьевымъ на Русскомъ языкѣ. Наконецъ, при пѣніи особо приготовленныхъ стиховъ, раздавалась почетнѣйшимъ лицамъ выбитая на этотъ случай медаль. Одна сторона ея представляетъ изображение Государя Императора съ надписью: *Nicolaus Primus Camenarum Decus et Præsidium* (Николай Первый, Украшеніе и Покровъ Камень). На другой сторонѣ видна въ срединѣ лавроваго вѣнка надпись: *Academiæ Alexandrinæ Fennorum Sacra Sæcularia Secunda, D. XV Julii MDCCCXLI* (Второй юбилей Финляндскаго Александров-

скаго Университета, 15 Іюля 1840). Изъ Николаевскаго храма процессія, а съ нею и большая часть публики отправилась въ старую Лютеранскую церковь, находящуюся въ довольно отдаленной части города: тамъ совершенно было Богослуженіе съ проповѣдью на избранный для случая текстъ. Въ отношеніи къ этой части церемоніи одинъ изъ бывшихъ на юбилей представителей ученой Россіи, который по возвращеніи въ Петербургъ описалъ Гельсингфорскія празднества, говоритъ слѣдующее *): «Ученое торжество здѣсь сливается съ религіознымъ. Ничего нѣтъ благотворнѣе и назидательнѣе для цѣлой націи этого общенія дольней мудрости съ горнею. Оно смиряетъ мечты юношества и для народа облачаетъ науку въ законную ея одежду добра и свѣта. Нѣсколько разъ случалось, что молодые люди, послѣ торжественнаго принятія въ залѣ всѣхъ знаковъ отличія и одобренія за ихъ успѣхи въ наукахъ, счастливые и довольные, въ церкви за проповѣдью обливались слезами умиленія, проникнутые до глубины души высокою и святостью долга, возлагаемаго на нихъ религіею, отечествомъ и самою наукою». Процессія возвратилась въ зданіе Университета, гдѣ нѣкоторые изъ депутатовъ Русскихъ сперва изустно поздравили его съ отпразднованнымъ юбилеемъ, а потомъ вручили ректору письменныя поздравленія отъ Университетовъ, которые они представляли.

Въ тотъ же день Александровскій Университетъ давалъ въ главной городской гостинницѣ (*Societetshus*) ве-

*) Ректоръ С. Петербургскаго Университета, П. А. Плетневъ въ XX-мъ томѣ Современника.

ликолынный объѣдъ. Приглашено было около 350 человекъ. Трудно описать общую веселость и чистосердечіе, оживлявшія это пиршество. Тосты во здравіе Императорской Фамиліи, которые провозглашали ректоры, сопровождалась музыкою, громкими ура и пушечною пальбой. Студенты Александровскаго Университета пѣли хоромъ *Боже царя храни* на Шведскомъ языкѣ. Вечеромъ на городскомъ бульварѣ (эспланадѣ) играла музыка. Лавки и магазины во весь этотъ день, по добровольному распоряженію купечества, были заперты.

Затѣмъ четыре дня (четвергъ, пятница, суббота и понедельник) посвящены были докторскимъ промоціямъ по всемъ четыремъ факультетамъ. Мѣстомъ совершенія ихъ была также Николаевская церковь. Обряды при вступленіи сюда участниковъ торжества и послѣ выхода ихъ отсюда сходствовали съ тѣмъ, что совершено было 3/15 Юля, только въ процессіи шли (по-два въ рядѣ) одни лица, къ Университету принадлежавшія, и епископы. Но въ храмъ представлялось зрѣлище новое. Сначала промоторъ (наканунъ промоціи всегда разсылающій особую печатную программу) произноситъ рѣчь съ кафедръ, около которой стоятъ имѣющіе принять отъ него ученую степень. Потомъ одинъ изъ адъюнктовъ читаетъ заданный факультетомъ вопросъ, а одинъ изъ производимыхъ (*Primus*, т. е. 1-й по порядку производства) тотчасъ отвѣчаетъ. Послѣ всѣ они присягаютъ, прилагая два перста къ обоимъ жезламъ, подносимымъ каждому изъ нихъ герольдами. Наступаетъ начало главнаго обряда. Промоторъ надѣваетъ сперва на себя, а потомъ на подходящихъ по очереди къ кафедрѣ докторскія шляпы, за нею приготовленныя. Въ тоже время всѣ тѣ изъ

присутствующихъ, которые уже имѣютъ докторскую степень, также накрываются своими шляпами (черными, темносиними, красными, смотря по факультету). Сверхъ того промоторъ каждому изъ производимыхъ надѣваетъ на палецъ золотое кольцо, символъ обрученія съ наукою, и даетъ — докторамъ богословія по экземпляру Св. Писанія, а прочимъ шпаги. Наконецъ всѣ они получаютъ дипломы на новое званіе. Во время раздачи знаменъ его, въ храмѣ играла музыка, а на площади производилась пушечная пальба, для каждаго новаго доктора по одному выстрѣлу. Въ заключеніе церемоніи *Ultimus* (т. е. послѣдній по порядку промоціи, а по достоинству 2-й) изъ числа ново-произведенныхъ читаетъ благодарственную рѣчь, обращаясь порознь ко всемъ сословіямъ присутствующихъ и присовокупляя особо для дамъ привѣтственные стихи.

Новые доктора, какъ издавна заведено, каждый разъ даютъ въ честь промотора объѣдъ, на который приглашаютъ не только всѣхъ своихъ товарищей по Университету, но и большое число постороннихъ лицъ.

Докторскія промоціи совершены были въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-я по Богословскому факультету, 2-я по юридическому, 3-я по медицинскому, 4-я по философскому. Промоторами въ томъ же порядкѣ были: Абовскій домпробстъ (протоіерей, первая духовная особа послѣ епископа), бывшій *) профессоръ Богословія *Гадолинъ*; профессоръ правовѣдѣнія *Лагусъ*; профессоръ медицины (рек-

*) Потому что между настоящими профессорами Богословскаго факультета не было ни одного доктора; промоторъ же непременно долженъ самъ носить это званіе.

торъ) *Урсинг*, и профессоръ ботаники (нынѣ *Emeritus*) *Сальбергъ*. Сверхъ пріобрѣтшихъ степень по экзамену, произведено было съ Высочайшаго разрѣшенія нѣскольکو почетныхъ докторовъ: званіе это дано между прочимъ какъ нѣкоторымъ изъ высшихъ сановниковъ Финляндіи, снискавшимъ заслугами своими особенное право на благодарность согражданъ, такъ и нѣкоторымъ Русскимъ, извѣстнымъ въ литературномъ или ученомъ мірѣ; въ числѣ ихъ В. А. Жуковскій получилъ отъ Александровскаго Университета степень доктора философіи.

Съ послѣднею докторскою промоціей была сверхъ того соединена промоція магистровъ, которая тѣмъ отличается отъ докторскихъ, что вмѣсто шляпъ на молодыхъ людей возлагаются лавровыя вѣнки. Актъ этого дня былъ особенно торжественъ. Поутру послѣдовало 100 пушечныхъ выстрѣловъ. Внутренность храма пестрѣлась пышнѣе обыкновеннаго. Всѣ, когда-либо получившіе степень магистровъ, символомъ ея носили на груди маленькій лавровый вѣнокъ. Собраніе присутствовавшихъ дамъ было многочисленнѣе и блистательнѣе, нежели во всѣ другіе дни. Парнасъ былъ великолепно убранъ розами и лаврами. Туда съ любопытствомъ или участіемъ стремились всѣ взоры, потому что въ числѣ бывшихъ тамъ 85-и человекъ почти всякій изъ присутствовавшихъ видѣлъ родственника, друга или по крайней мѣрѣ знакомаго. Тамъ среди 74-хъ *) молодыхъ людей, готовыхъ принять первую ученую степень, находились мужи и старцы, уже окруженные уваженіемъ общества. Трое стоявшихъ ближе къ кафедрѣ ожидали степени

*) Остальныхъ 22-хъ не было на-лице.

доктора по праву; рядомъ съ ними сидѣли шестеро изъ тѣхъ лицъ, которымъ присуждено было званіе почетныхъ докторовъ; наконецъ у самой кафедры сидѣли два старца, которые уже за 50 лѣтъ слишкомъ приняли вѣнокъ магистерскій и теперь чрезъ полвѣка должны были, по соблюдаемому издавна обыкновению, снова получить это юношеское отличіе. Такихъ юбилейныхъ магистровъ въ 1840 году было въ Финляндіи четыре *), но присутствовали только двое: Абовскій домпробстъ *Гадолмъ*, уже выше названный, и епископъ *Францѣнъ*.

Присутствіе Францѣна, прибывшаго изъ Швеціи депутатомъ двухъ Академій, много способствовало къ возвышенію торжественности послѣдней промоціи. Онъ дорогъ для Финляндіи не только своими сѣдинами, но и славою, которой блескъ отражается на всю его родину. Вотъ почему наканунѣ юбилея, когда въ Гельсингфорсъ распространился слухъ о приближеніи Францѣна, множество тамошнихъ жителей, особливо студентовъ, пошло къ нему на встрѣчу версты за-двѣ отъ города. Часовъ въ 6 послѣ обѣда явилась коляска, въ которой онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ зятемъ своимъ генералъ-директоромъ (главноуправляющимъ медицинской части въ Финляндіи) докторомъ Гартманомъ. Студенты, окруживъ экипажъ съ громкими ура, пропѣли сочиненные на случай привѣтственные стихи. Старецъ въ трогательныхъ словахъ изъявилъ молодымъ людямъ свою признательность, послѣ чего одинъ изъ Университетскихъ преподавателей

*) Сверхъ того по медицинскому факультету былъ одинъ юбилейный докторъ (*Aejmelé*), которому при промоціи докторовъ медицины возобновлена докторская шляпа; но его не было на-лице.

(Цигнеусъ) выразилъ въ краткой рѣчи общія чувствованія. — Но возвратимся на парнасъ, гдѣ Университетъ отъ имени всей націи вѣнчаетъ вѣнкомъ лавровымъ сѣдины своего поэта. «Можно вообразить», замѣчаетъ въ упомянутой уже статьѣ П. А. Плетневъ, въ качествѣ почетнаго доктора сидѣвшій въ эти минуты почти рядомъ съ Франценомъ: «можно вообразить, что чувствовалъ этотъ почтенный семидесятилѣтній старецъ, передъ которымъ тутъ воскресло все прошлое. Онъ снова увидѣлъ себя юношею — а передъ нимъ, для полученія равной награды, стоялъ внукъ его, сынъ его дочери *), недожившей только годъ, чтобы въ радостныхъ слезахъ обнять отца и сына въ лучшую эпоху ихъ жизни; передъ нимъ же сидѣли и юныя прекрасныя внуки его, изъ которыхъ одна готовила вѣнки дѣду и брату, какъ и всѣмъ ихъ сверстникамъ по торжеству». Въ стихотвореніи, которое слѣдуетъ за сими «Воспоминаніями», пѣвецъ Фанни и Сельмы самъ говоритъ намъ, что онъ думалъ и чувствовалъ, глядя на внука своего.

Близъ Францена, между почетными докторами, сидѣлъ еще старецъ, другими заслугами вписавшій навѣки имя свое въ сердца соотечественниковъ. То былъ министръ статсъ-секретарь Великаго Княжества Финляндскаго, графъ Ребиндеръ, которому въ самый день юбилея минуло 63 года. Едва ли онъ тогда предчувствовалъ, что день рожденія, въ первый разъ такъ блистательно празднуемый имъ вмѣстѣ съ Университетомъ, гдѣ онъ кончилъ свое образованіе, болѣе не возвратится въ жизни его. И конечно никто, видя графа принимающимъ

*) Бывшей за-мужемъ за генераль-директоромъ Гартманомъ.

докторскую шляпу, не предполагалъ, что эта скромная почесть — для него уже послѣдняя. Но такъ было суждено: онъ скончался 8/20 Марта 1841 г., унося любовь, уваженіе и благодарность всей Финляндіи. Тридцать лѣтъ стоялъ онъ у трона двухъ Русскихъ Самодержцевъ вѣрнымъ истолкователемъ ея нуждъ и нелицемѣрной признательности за всѣ благодѣянія, чрезъ его посредство на нее изливавшіяся. Половину означеннаго срока, пятнадцать лѣтъ, охранялъ онъ именемъ Высокаго Канцлера пользы Университета съ неизмѣнною заботливостью, и въ исторіи его достойно окончилъ двухсотлѣтіе, котораго начало сіяетъ дѣлами благороднаго Браге.

При послѣдней промоціи пѣлись между прочимъ стихи въ честь графа Ребиндера. Тогда же раздавалось публикѣ большое стихотвореніе Цигнеуса, которое согласно обычаю написано было въ привѣтствіе новымъ магистрамъ. Юбилей подалъ поводъ къ появленію въ Гельсингфорсѣ и нѣкоторыхъ другихъ литературныхъ произведеній различнаго содержанія; они исчислены въ XX-мъ томѣ Современника. По этому же случаю, слѣланы частными лицами разныя приношенія Университету; самое значительное изъ нихъ составляютъ 5000 р. асс., пожертвованныя Университетскимъ книгопродавцемъ Васениусомъ для обращенія процентовъ съ этой суммы на стипендіи.

Въ день первой промоціи Гельсингфорское купечество дало блистательный балъ, на который приглашено было до 1200 человекъ. Празднества заключились въ день послѣдней промоціи баломъ магистровъ, продолжавшимся до слѣдующаго утра. Здѣсь собраніе было еще

многочисленнѣе, общая веселость еще живѣе. Старинный обычай требуетъ, чтобы магистры во весь день своей промоціи оставались въ лавровыхъ вѣнкахъ, являясь въ нихъ и на улицѣ, а шляпы нося въ рукахъ. Такъ и на последнемъ пирѣ со всѣхъ сторонъ мелькали вѣнки на юношескихъ головахъ. Но что значитъ эта лавровая гирлянда на платьѣ одной изъ первыхъ красавицъ бала? «Производимые магистры», сказано въ статьѣ, на которую мы уже ссылались, «для приготовленія вѣнковъ изъ натуральныхъ лавровыхъ вѣтвей, избираютъ въ городѣ одну изъ дѣвицъ, отличную по ея скромности, красотѣ, происхожденію, и участвующую въ ихъ праздникѣ по родству съ кѣмъ-нибудь изъ назначаемыхъ къ промоціи. . . . Отъ лица всѣхъ, удостоившихся новой почести, магистры подносятъ какой-нибудь блистательный подарокъ той особѣ, которая готовила вѣнки, и на балѣ платьѣ ея бываетъ украшено гирляндой изъ лавровъ».

При заключеніи своихъ празднествъ Александровскій Университетъ имѣлъ счастье получить слѣдующій Рескриптъ Государя Наслѣдника:

«Консисторіи Императорскаго Александровскаго Университета.

«Принимая живое участіе во всемъ, что касается до вѣреннаго Государемъ Императоромъ попеченію Моему Университета, Я сердечно радуюсь, что онъ, при благословеніи Божіемъ, отпраздновалъ двухсотлѣтній юбилей своего существованія. Торжество сіе, бывъ нынѣ уми-
лительною жертвою благодарности предъ Всевышнимъ за

тѣ блага, которыя столько лѣтъ изливались на Филлядію изъ ея верховнаго святилища наукъ, да будетъ и впредь прочнымъ залогомъ неизмѣнности тѣхъ чистыхъ нравственныхъ началъ, коими Университетъ всегда доселѣ руководствовался.

«Отсутственный, Я въ этотъ незабвенный день мысленно находился среди васъ, любезныхъ Моихъ сочленовъ, и съ каждымъ благимъ желаніемъ вашимъ соединялся съ вами душою.

«Прося доставить Мнѣ описаніе совершившагося праздника сего юбилея, пребываю съ постояннымъ къ вамъ доброжелательствомъ

«Канцлеръ Александровскаго Университета

(на подлинномъ собственною Его
Высочества рукою написано:)

Петергофъ,

20 Іюля 1840.

«АЛЕКСАНДРЪ».

Чувствованія, симъ Рескриптомъ возбужденныя, были тѣмъ живѣе, что Университетъ никакъ не смѣлъ ласкаться надеждою на драгоцѣнное вниманіе своего Августѣйшаго Канцлера въ такое время, когда Его Высочество лично еще не изволилъ завѣдывать Университетскими дѣлами и, находясь за границею у Высokonареченной Невѣсты Своей, предавался радостнѣйшимъ для всей Имперіи заботамъ.

Чудны были празднества Александровскаго Университета въ 1840 году, и на всю жизнь запечатлѣлись они въ памяти всѣхъ присутствовавшихъ. Никто не могъ равнодушно смотрѣть на эти торжественные обряды, подъ блескомъ которыхъ для мыслящаго зрителя скрывается столь глубоко-поэтическое значеніе. Убранная цвѣтами и лаврами, то съ важною раздающею награды заслугой или погруженная въ молитву, то устрояющая веселье пирры, въщающая то пушечнымъ громомъ, то сладкогласнымъ пѣніемъ, но всегда привѣтливая, гостепріимная, окруженная блистательною толпою, здѣсь наука влекла къ себѣ всѣ сердца и во всѣхъ глазахъ пріобрѣтала величіе, въ какомъ ее немногіе привыкли воображать. Но всего драгоценнѣе были искреннія чувствованія братства и взаимнаго уваженія, которыми она среди описанныхъ торжествъ соединяла радушныхъ хозяевъ и признательныхъ гостей.

«Въ дружескомъ соединеніи разноплеменныхъ людей всегда есть что-то утѣшительное и отрадное. Сердце невольно разогрѣвается и сильнѣе бьется, убѣждаясь, что лучшія его желанія и ощущенія вездѣ одинаковы. Но въ союзъ людей, посвящающихъ себя изученію истины и распространенію блага, болѣе, нежели одно мгновенное удовольствіе. Тутъ возникаютъ надежды на вѣрнѣйшіе успѣхи добра и свѣта. Музы въ древности представляли сестрами. Взявшись за руки, онѣ обходятъ народы, смягчаютъ ихъ нравы и приводятъ къ одной цѣли — благосостоянію и мирнымъ доблестямъ». Такъ говоритъ авторъ упомянутой статьи о юбилеѣ. Мы съ своей стороны позволимъ себѣ рассказать размѣромъ Финскихъ пѣсень, какъ въ эту торжественную эпоху выразилась

РАДОСТЬ ВЕЙНЕМЕЙНЕНА,

главнаго бога древнихъ Финновъ, который, по преданію, изобрѣлъ арфу и сотворилъ вселенную.

Старый, мудрый Вейнемейненъ

На скалѣ сидѣлъ у моря,

Гдѣ какъ тучи въ синемъ небѣ

Вкругъ разбросаны утесы.

Устремивъ спокойно взоры

Въ даль сверкающихъ заливовъ,

Старецъ ладилъ на колынахъ

Пятиструнную цѣвницу.

Близъ него стояли чинно,

Каждый съ арфою своею,

Чужеземны пѣснопѣвцы.

Всѣхъ прекраснѣе въ ряду ихъ

Аполлонъ средѣ Музъ являлся;

Тамъ и Браге сребровласый *),

Окруженный строемъ скальдовъ,

И толпа пѣвцовъ Славянскихъ

Возлѣ вѣщаго Баяна.

Въ ожиданьи новой пѣсни

Сотворившаго цѣвницу,

Все молчало: даже море,

Сладкозвучное какъ самъ онъ,

Вѣчный свой напѣвъ прервало

И, внимать готовясь богу,

Будто спящее лежало

И недвижно и безгласно.

*) Богъ поэзіи у Скандинавовъ.

Вотъ онъ въ струны жизнь вливаетъ;
Сладкій звонъ окрестъ несется,
И въ восторгъ, въ умиленъ,
Возглашаетъ Вейнемейненъ:

«Боги! вамъ благодаренье!
Вы на зовъ мой дружелюбно
Притекли въ сей край убогій
И на чуждаго собрата
Взоръ привѣтливый склонили.
Было время: одиноко
Межъ озеръ и скалъ печальныхъ
Здѣсь державствовалъ я въ мирѣ
И широкія пустыни
Оглашалъ волшебнымъ пѣньемъ.
Все, внимая мнѣ, любовью
Животворной наполнялось:
Трепетали скалы, рощи;
Ели, сосны преклонялись,
И гранитъ и звѣрь плясали *)».

«Вдругъ... о Браге! изъ предѣловъ,
Гдѣ съ Однимъ власть ты дѣлишь,
Дикій сонмъ его питомцевъ
Черезъ Балтику съ мечами
И съ Крестомъ наплыль на берегъ мой...
Потекли здѣсь рѣки крови,
Въ мракъ лѣсовъ бѣжалъ я съ арфой. —
Шли столѣтья: край мой втайнѣ
Охранялъ ты; напоследокъ,

*) Таково преданіе о Финскомъ Орфѣ.

Чуждымъ образомъ облекшись,
Удержавъ свое лишь имя,
Самъ въ мѣстахъ сихъ ты явился *)
Воеводою разумнымъ,
Покровителемъ народа;
И надъ Аурую смиренной
Храмъ науки ты воздвигнулъ.
Но не властенъ былъ ты, Браге,
Удалить отъ сихъ предѣловъ
Мечъ ужаснаго Одина,
И меня ты, богъ, не вѣдалъ,
И печально я съ цѣвницей
Въ тмѣ лѣсовъ моихъ скитался,
И порою лишь, украдкой
Заунывныя пѣлъ пѣсни.

«Годы шли... Боянъ безсмертный!
На твоємъ Востокъ встало
Солнце Мира для вселенной, —
Встало въ образъ прекрасномъ
Вѣнценоснаго Героя.
О Боянъ! Его покрову
Поручило Провидѣнье
И мою страну: какъ Ангелъ
Благодатно-лучезарный,
Онъ изъ тучъ свирѣпой брани
Вдругъ средъ чадъ моихъ явился,
Такъ могущъ и такъ привѣтливъ!

*) Поводомъ къ этому вымыслу послужило сходство имени Скандинавскаго бога поэзіи (Brage) и перваго виновника основанія Университета Абовскаго (Brahe).

О, какою онъ любовью
Пламенѣлъ! какъ это море,
Въ немъ она была разлита
Глубока, неистощима.
Въ самыхъ буряхъ Распри миромъ
Онъ дышалъ! Чуть стихли битвы, —
Безъ торжественнаго блеска,
Позабывъ свои победы,
Онъ потекъ по Финскимъ дебрямъ,
О, какъ тронуть, какъ восторженъ
Былъ я видомъ необычнымъ!
Сладки были мнѣ щедроты
Изъ Его державной лани,
Но еще стократъ милѣе
Съ кроткихъ устъ Его улыбка
И привѣтъ благоволенья.
Я, невѣдомый, презрѣнный,
Вдругъ былъ узнанъ и обласканъ
Первымъ въ мѣръ между смертныхъ!
Полонъ новаго блаженства,
Изъ лѣсовъ я вышелъ съ арфой
Славословить Александра...

«Аполлонъ золотокудрый!
Вы, святые Дѣвы пѣсень!
Посмотрите: величавый
Храмъ красуется предъ вами.
Храмъ сей вашъ: и въ сей полночный,
Въ сей угрюмый край Мороза
Вашъ всесильный свѣтъ проникнулъ.
И давно ужъ Браге мудрый
Вамъ надъ Аурой сѣнь устроилъ,

Но ее пожрало пламя.
Чей же трудъ сей? чьею волей
Названъ онъ по Александру? —

«Есть надъ славною Невою
Исполненъ гранитный: вѣки
Онъ нестройною громадой
Спалъ, никѣмъ незамѣчаемъ,
Въ каменной колыбели
Береговъ моихъ зубчатыхъ,
Гдѣ его баюкала голосъ
Волнъ морскихъ и водопадовъ.
Вдругъ на мощный зовъ съ Востока
Богатырски онъ воспринялъ
И воздвигся въ градъ Невскомъ,
Съ свѣтлымъ Ангеломъ подъема
Къ небу имя Александра...»*)

«Близъ него въ палатахъ пышныхъ
Есть престолъ, покрытый блескомъ.
Много словъ, будящихъ Дѣло,
Много дѣлъ, будящихъ Славу,
Тамъ невидимо родится.
Тамъ и сей чертогъ Науки,
Сей гранитнаго гиганта
Старшій братъ и соименникъ,
Жизнь пріялъ первоначально
Въ Царской думѣ, въ Царскомъ словѣ.

*) Извѣстно, что исполнившая Александровская колонна, стоящая на Адмиралтейской площади въ С. Петербургѣ, есть дань гранитныхъ береговъ Финляндіи.

«Тамъ въ сіяніи надежды
 Возлѣ трона обитаетъ
 И Покровъ сей мирной сѣни,
 Сынъ Царей, въ крестѣ и въ духѣ
 Соименникъ Александра, —
 Онъ, въ дни свѣтлыхъ нашихъ пиршествъ
 Самъ ликующій въ преддверьи
 Брачной храмины и счастья.
 Устремите жъ благодарно
 Взоръ и духъ къ чертогамъ Невскимъ,
 Вы, явившіеся нынѣ
 Отъ священнаго Олимпа
 Пировать свои победы
 Въ нашемъ царствѣ отдаленномъ!

«Веселись, моя отчизна!
 Никогда еще твой берегъ
 Не сіялъ такою славой
 Передъ сонмомъ столь блестящимъ.
 Никогда еще такъ гордо
 Головы не подымалъ я,
 Никогда еще такъ твердо
 По струнамъ не ударялъ я!
 Веселись! Миръ, разцвѣтшій
 Подъ стопами Александра
 На твоихъ кровавыхъ нивахъ,
 Онъ вѣкъ не увянетъ!»

Смолкнулъ богъ. Лишь звонъ цѣвницы
 За далекими водами
 Средь пустыни замирая,
 Въ тихомъ воздухѣ носился.

Съ вѣждъ ликующаго бога
 Покатилися сверкая
 Слезы сладкаго восторга,
 И съ трепещущаго лона
 Нистекая по граниту,
 Въ лонѣ плещущаго моря
 Претворялись въ крупный жемчугъ *).

Между тѣмъ Баянъ и Браге
 И прекрасный Фебъ согласно
 Возложили длань на струны
 И игру ихъ сочетали
 Съ пѣньемъ кантелы **) убогой.
 И пучина стала вторить
 Хору арфъ, и величаво
 Все слилось въ единый голосъ:
 «Веселись, о Вейнемейненъ!
 Веселись, благодаримъ!»

Юбилейными празднествами 1840 года оканчиваются двухсотлѣтнія воспоминанія Финляндскаго Университета. Между событіями, которыми начался третій вѣкъ сего учрежденія, особенно важно радостное для него вступленіе Государя Наслѣдника съ 1841 года въ дѣйствительное управленіе Александровскимъ Университетомъ по званію Канцлера его. Но время, когда послѣдовалъ Ре-

*) Мысль, въ послѣднихъ стихахъ выраженная, основывается на одной изъ Финскихъ народныхъ пѣсень о Вейнемейненѣ.

**) Финской арфы.

скриптъ Его Высочества по сему предмету, уже не входитъ въ кругъ нашего обозрѣнія.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько строкъ изъ отчета ректора С.Петербургскаго Университета за 1840 г. *):

«Нынѣшній годъ, въ качествѣ депутата отъ почтенныхъ сочленовъ моихъ, я видѣлъ сосѣдственный намъ Университетъ, который праздновалъ двѣсти лѣтъ существованія своего. Въ нѣдрахъ этого древняго святилища наукъ я вполне чувствовалъ, чѣмъ Университетъ можетъ быть обязанъ своей исторіи. Перемѣщенный изъ Або въ Гельсингфорсъ послѣ бѣдственнаго пожара, во всѣхъ частяхъ обновленный и уже въ число преподавателей принявшій нѣсколько молодыхъ людей, образовавшихся на его новой родинѣ, Александровскій Университетъ вполне сохраняетъ весь величественный характеръ своей древности. Его внутренняя жизнь, развившаяся и укрѣпленная опытами, приводитъ въ изумленіе равновѣсіемъ силъ, сосредоточенностію мнѣній, ровностію движенія частей, точностію порядка, достойнымъ уваженіемъ долга и необыкновенною торжественностію формъ въ учебныхъ промоціяхъ. Въ отношеніи къ цѣлому краю Александровскій Университетъ остается въ томъ патріархальномъ значеніи, по которому всѣ сословія и всѣ чины гражданства ему одному считаютъ себя обязанными духовною и свѣтскою мудростію. Таковы плоды долготѣйшей его исторіи».

*) Отчетъ сей былъ читанъ на торжественномъ актѣ С.Петербургскаго Университета 3 Апрѣля 1841 года и потомъ напечатанъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими тогда же читанными статьями.

Мы представили слабый очеркъ этой исторіи. Университетъ Александровскій имѣетъ право съ гордостію воспоминать и бѣдствія, надъ которыми онъ всегда торжествовалъ, и дорого купленные блага минувшаго; но обратясь къ настоящему, онъ можетъ съ свѣтлою надеждой глядѣть и на свою будущность. Пусть еще много вѣковъ онъ цвѣтетъ и совершенствуется подъ сѣнью Русскаго престола, и когда никого изъ свидѣтелей его нынѣшней славы болѣе не будетъ, пусть онъ соберетъ блестящій рядъ *новыхъ воспоминаній* на юбилей

1940 года:

—

А. Г.

ПУТЕШЕСТВІЕ

НА ЮБИЛЕЙ 1840 ГОДА.

ПУТЕШЕСТВІЕ

НА ЮБИЛЕЙ 1840 ГОДА.

(Resan till Jubelfesten 1840.)*

Древле, вставши отъ дремоты долгой,
Семь мужей узрѣли новый вѣкъ,
Племя новое въ другихъ жилищахъ,
Съ новымъ бытомъ, съ новыми властями.
Точно такъ недавно въ изумлены
Я стоялъ надъ берегами Ауры:
Не узналъ я города, гдѣ — юный —
Вѣрилъ я, что такъ прекрасна жизнь;
Гдѣ въ дни зрѣлые я былъ такъ счастливъ,
Хоть безъ горя въ мірѣ счастья нѣтъ,
И каковъ бы ни былъ жребій нашъ,
Завтра можетъ измѣниться онъ!
Ахъ, безопасно сидя въ нашемъ мирномъ

*) Сочиненія, доставленные издателю на Шведскомъ языкѣ и имъ переведенныя на Русскій, означаются, для отличія, заглавіемъ и подписью на обоихъ языкахъ. — Въ переводѣ этого стихотворенія вполнѣ соблюдева форма подлинника.

Уголкъ, куда чуть долеталъ
 Слухъ о буряхъ, потрясавшихъ Югъ,
 Мы не думали, что бури тѣ
 Такъ внезапно огласятъ и Сѣверъ!
 Но не ихъ напоръ, не мечъ виною
 Превращенья, коимъ изумленъ я.
 Межъ могущественныхъ слугъ Природы
 Есть одинъ: когда онъ въ нашей власти,
 Онъ полезнѣйшій намъ рабъ; на волѣ жъ,
 Необузданъ, онъ лютеѣ всѣхъ.
 Онъ-то въ нѣсколько часовъ пожралъ
 То, что вѣки создали тамъ,
 Гдѣ блаженный Эрикъ *) утвердилъ
 Власть, добытую побѣдоноснымъ
 Во Христа оружіемъ его.
 Но какъ съ почвы, надъ которой въ пепелъ
 Обращенъ былъ низменный кустарникъ,
 Возстаетъ березовая роща,
 Среброствольная, съ вѣнцомъ зеленымъ:
 Такъ и грады въ новой красотѣ,
 Истребленные огнемъ, восходятъ.
 Въ мірѣ дѣлъ людскихъ, какъ и въ природѣ,
 Раззореніе изъ нѣдръ своихъ
 Можетъ новое родить созданье.
 Такъ и здѣсь — гдѣ прежде старый городъ,
 Стиснуть весь, лежалъ въ сырой лощинѣ —
 Новый всталъ и веселъ и привѣтливъ
 Между горъ, но ими не стѣсненный.

*) Эрикъ IX (Святой), при которомъ началось завоеваніе Финляндіи Шведами и положено основаніе Або.

И до самыхъ плечъ гранитной Воры *)
 Хочетъ онъ отважно вознестись,
 Чтобъ оттолъ весь быгъ рѣки своей
 Взоромъ вдругъ обнять и съ нею все,
 Что живетъ и движется и дышетъ
 На берегахъ и въ лонѣ водъ ея
 Подъ зеленой сѣнію деревъ
 Многолѣтнихъ, пламени избѣгшихъ.
 Не одни домъ, красивѣй прежнихъ
 И наряднѣе, строими стали; —
 Даже улицы, взявъ новый путь,
 Разлилися въ ширину какъ рѣки
 Многоводныя. Градская площадь
 Будто озеро при водопольѣ
 Всю окрестность обхватила жадно
 И достигла наконецъ холма,
 Гдѣ во всемъ величїи понынѣ
 Храмъ Святаго Генрика **) стоитъ.
 Ахъ! какъ вѣхалъ я предъ древнимъ замкомъ,
 Охраняющимъ какъ прежде городъ,
 Но гдѣ нынѣ знамена другія, —
 Изъ груди моей прокрался тайно
 Вздохъ о томъ, что землю дѣлитъ мечъ.
 Здѣсь же . . . о, отрадный видъ! надъ храмомъ,
 Украшеньемъ площади кипящей, —
 Острый верхъ значительно стремится
 Къ безпредѣльной синевѣ, простершей

*) Высокой скалы посреди города.

**) Епископа, оставленнаго Эрикомъ IX въ Финляндіи для распорядка здѣсь Христіанской вѣры.

Сынъ свою на всѣ народы міра,
 Указуя надъ юдолюю здѣшней
 Царство имъ, которое пребудетъ
 И тогда, какъ всѣ другія рухнутъ. —
 Вновь я грусть почувствовалъ, увидѣвъ,
 Какъ въ томъ храмѣ пусто, какъ онъ сирѣ!
 Славы Эрика исчезли знаки!
 Пусты хоры, гдѣ святѣя мощи
 Уступили мѣсто знаменамъ *),
 Постановленнымъ надъ прахомъ добрыхъ.
 Но высокій сводъ еще подъемятъ
 Тѣ жъ столбы, еще подъ нимъ гремитъ
 То же слово Божіе, какъ прежде:
 У того же алтаря ту жъ вѣру
 И на томъ же языкѣ понынѣ
 Исповѣдуетъ народъ, который
 Былъ воспитанъ благородной Свеей **).
 И Науки Древо, кротко ею
 Посаженное въ суровомъ краѣ,
 Носитъ плодъ — виновницъ во славу.
 Что я вижу? Стараго ученья
 Зданье новое передо мною ***),
 Будто памятникъ иной години.
 Сходенъ съ тѣмъ, кто, въ тяжкомъ снѣ блуждая,
 Видитъ все очами духа только,
 Я мечтой въ былое перенесся.

*) По введеніи Лютеранскаго исповѣданія.

**) Свее — Швеція на поэтическомъ языкѣ.

***) Уцѣлѣвшія стѣны Университета, которымъ основаніе положено въ 1802 году.

Я пошелъ въ обитель ту съ надеждой,
 Что увижу въ ней Христины *) образъ,
 Браге ликъ надъ каедрой, гдѣ Шерингекъ **)
 И Калониусъ **) законъ спасали;
 Гдѣ Терсерусу **) хотѣлъ быть равенъ
 Благородный Тенгстремъ **) въ рвеніи къ правдѣ,
 Въ добросовѣстномъ трудѣ; откуда
 Изъяснитель Ньютона, Лексель **),
 Въ Царскій городъ славою былъ призванъ;
 Гдѣ Портанъ **) то разлагалъ богатства
 Слова Римскаго и Римскихъ пѣсень,
 То свѣтъ яркій лилъ на древность Финновъ,
 И къ устамъ своимъ, въщавшимъ мудрость,
 Будто тайной силой чародѣйства
 Влекъ вниманье слушателей юныхъ.
 Ликъ его такъ сладостно мнѣ было бѣ
 Тамъ найти еще теперь на стражѣ
 Имъ разставленныхъ сокровищъ знанья ***). —
 Благодарный ученикъ его,
 Я бѣ хотѣлъ предъ ликомъ тѣмъ склониться,
 Помяная прошлое со вздохомъ.
 Но — лишь стѣны я увидѣлъ тамъ!
 Ликъ исчезъ, и съ нимъ исчезло все,
 Чѣмъ онъ здѣсь былъ окруженъ. Сгорѣли
 Всѣ трофеи, присланные въ даръ
 Финскимъ воинномъ †), однимъ изъ тѣхъ,

*) Основательницы Абовскаго Университета.

**) См. стр. 56, пр., — 59, — 24, — 66, — 57, — 60.

***) Портанъ, завѣдывая Университетскою бібліотекою, привелъ ее въ новый порядокъ.

†) Стольгандске. См. стр. 63.

Кои, ставъ подъ знамена Густава,
Вмѣстѣ съ нимъ при Люценѣ сражались.
Не спаслася даже книжка, — память
Омраченной нуждою години
(Финны бѣдные тогда терпѣли
Нужду въ самыхъ утѣшеняхъ Вѣры), —
Для дѣтей рукою селянина
Вырѣзанный въ деревъ букварь.
Болѣ многихъ дорогихъ сокровищъ,
Многихъ гордыхъ памятниковъ знанья
Тотъ букварь участія былъ достоинъ,
И никто не могъ безъ умиленья
Видѣть въ немъ свидѣтельство усердья
Скромнаго художника и вмѣстѣ
Горя, коимъ край былъ пораженъ.

Какъ пожаръ, прославившій Омара,
Въ мигъ единый уничтожилъ все,
Что скопила мудрость вѣковая,
Такъ, возставъ неистово на знанье,
Широко раскинувшись, огонь
Будто воръ ночной врывался въ окна,
И вѣлся чрезъ длинный рядъ покоевъ,
Пожиралъ нещадно письмена.
Только мертвыя, нѣмыя стѣны
Пощадилъ онъ. Но всѣ девять Музъ
Прочъ изъ храма своего умчались, —
Скоро вовсе ихъ утратилъ городъ.
Аура! чудно берега твои
Нынѣ вновь украшены; но ты
Смотришь съ грустью на утесъ, хранящій
Только память о твоей потерѣ.

Онъ увѣнчанъ башней звѣздозорной,
Незабвенной въ хартіяхъ науки:
Тамъ нашъ Финскій, — нынѣ ужъ не нашъ, —
Европейскій Астрономъ *) слѣдилъ
Солнца путь вокругъ иного солнца!
Аура, молви мнѣ, уже ль навѣки
Этотъ высшій свѣтъ погасъ для Финновъ?
Молви мнѣ, уже ль совсѣмъ пропагъ
Сей остатокъ дней, которыхъ слава,
Увѣнчавшись лаврами победы,
Осѣнить хотѣла имя Финновъ,
Какъ и Шведовъ, лаврами науки?

Чу! веселая толпа стремится
Съ шумомъ въ новую столицу края
На невиданныя празднества!
Тамъ досель твореніе Христіны
Процвѣтаетъ, — и стоитъ оно
На порогъ третьяго столѣтья.
Много времени! взглянувъ назадъ,
Сколько въ немъ начтешь воспоминаній!
Сколько разныхъ перемѣнъ свершилось
Въ нашемъ маломъ мірѣ, какъ и всюду! —
Такъ живетъ еще старинный ключъ,
Хоть и бьетъ онъ нынѣ въ новомъ мѣстѣ?
Дайте жъ, въ поздній вечеръ дней моихъ,
Дайте мнѣ принести благодаренье
Току чистому за жизнь, какую
Подарилъ онъ юности моей.

*) Аргеландеръ, въ 1836 году покинувшій Финляндію и находящійся нынѣ въ Германіи.

На пути повсюду мнѣ являлся
 Тотъ же видъ отраднaго довольства
 И пріятной тишины, который
 Александра такъ плѣнилъ. Мѣста
 И жилища пролетали мимо,
 И за мной поспѣшно, будто жизнь,
 Пропадали красные столбы
 Съ цифрами надъ бѣлою доской.

Что за видъ неожиданный тамъ за лѣсомъ!
 Будто столпъ, надъ скиніей священной
 Для сыновъ Израиля всходившій, —
 Къ небесамъ и стройно и легко!
 Тамъ подѣмается вершина храма.
 Какъ объ ней искусство ни судило бъ,
 Все жъ она красой гордиться можетъ
 Въ томъ ряду величественныхъ зданій,
 Коймъ взоръ мой пораженъ теперь.
 Что за чудный городъ (онъ не боле
 Съ прежнимъ схожъ, какъ съ куклой мотылекъ)
 Всталъ внезапно здѣсь*), какъ древле Оивы
 Вознеслись подъ звуки Амфіона!

Что я слышу? что за пѣснь, какъ будто
 Пѣнье птицъ весеннихъ, возвѣщаетъ
 Торжество, которое уже
 Распускаетъ и листы и розы?
 Мнѣ ль пріѣздъ? **) — Меня не знаютъ
 Эти юноши: я край покинулъ
 Прежде ихъ рожденья. Но изъ тѣхъ,

*) Гельсингфорсъ. — **) См. стр. 99.

Кѣмъ я здѣсь не позабытъ еще
 (Долго помнимъ мы того, кто былъ
 Въ дѣтствѣ намъ наставникомъ и другомъ!), —
 Можетъ быть, изъ нихъ меня иной
 Передъ сыномъ или внукомъ назвалъ.
 Если такъ, я имъ чрезъ сихъ питомцевъ
 Въ умиленьи шлю пріѣздъ сердечный.
 Не одною памятью о прошломъ
 Тронуть я, — мнѣ столько же отраднa
 И надежда будущности свѣтлой
 Для страны, которую донинѣ
 Я люблю, какъ благодарный сынъ
 И въ разлукъ любить мать свою.
 Окруженъ симъ юнымъ цвѣтомъ края, —
 Я скажу что чувствую глубоко,
 Пожелавъ, чтобъ на сіи растенія
 Дорогія «изъ небесныхъ хлѣбей»
 Изливалась благодать обильно!

Вотъ и городъ: все, что онъ вдали
 Мнѣ сулилъ, исполненнымъ я вижу.
 Здѣсь меня приводятъ въ изумленье
 Гордыя созданія искусства,
 Выраженъ общаго порядка,
 Духа общаго; тамъ я плѣненъ
 Тѣмъ, что создаетъ оно къ удобству,
 Къ украшенію частной жизни. Вотъ
 Вдоль широкихъ, вымощенныхъ улицъ,
 На концѣ которыхъ вижу море
 И вѣтрила бѣлыя и зеленъ,
 Я иду куда влечетъ толпа.
 Мимо насъ шума летятъ то дрожки,

То кареты съ четверней у дышла,
 Съ бородатымъ кучеромъ на козлахъ.
 Видя всюду лица и одежды
 Незнакомыя мнѣ, какъ и звуки
 Столькихъ вокругъ гремящихъ языковъ,
 Я готовъ самъ у себя спросить,
 Не въ Петровъ ли городъ я попалъ?
 Но вѣдь вотъ онъ — синій куполъ тотъ...
 Онъ недавно высился надъ лѣсомъ,
 А теперь надъ городомъ сіяетъ.
 Вотъ открылася и площадь, съ коей
 Онъ подѣмлется, какъ шаръ воздушный:
 Будто чѣлнъ, который отъ земли
 Оторваться не успѣлъ еще, —
 Къ небу рвется храмъ, чтобы оставить
 Состязанья суету съ двумя,
 Величаво-стройными домами,
 Близъ него стоящими. Одинъ —
 Кровь Закона, а другой — Науки *).
 Не замѣтенъ ли въ томъ признакъ вѣка?
 Духъ его, знать, и сюда проникъ?

Утомясь бродить и удивляться,
 Хилый, я хочу надъ эспланадой **),
 Въ тѣнь свою зовущю меня,
 Отдохнуть и разсмотрѣть, не сходно ль
 То, что нынѣ вижу, — съ чудесами,
 Кои въ мигъ предъ лампой Аладдина

*) Церковь, Сенатъ и Университетъ образуютъ три стороны площади. См. стр. 84.

**) Такъ называется въ Гельсингфорсѣ тройная липовая аллея, отъ пристани къ театру ведущая.

Появились въ воздухъ и скрылись.
 Нѣтъ, я не во снѣ, я здѣсь встрѣчаю
 Лица мнѣ знакомыя; на нихъ
 Я читаю дружескій вопросъ:
 «Послѣ многихъ пролетѣвшихъ лѣтъ
 Не сберегъ ли ты воспоминанья
 Хотя неяснаго о раннемъ другѣ,
 О старинномъ сослуживцѣ?» Сколько
 Въ тронутой душѣ моей воскресло
 Образовъ живыхъ, веселыхъ, милыхъ,
 Украшавшихъ дни мои, когда
 Музамъ Ауры приносилъ я въ дань
 И весну мою и лѣто. Нынѣ,
 Въ дни моей зимы, переносусь
 Я за полстолѣтія назадъ.
 Это — четверть всей поры, которой
 Отраженіемъ служить праздникъ сей.
 Такъ несутся годы; наконецъ
 Намъ они являютъ только мигъ,
 Въ коемъ смѣшаны печаль и радость.
 Кто подходитъ? ахъ, то милый сынъ
 Незабвенной дочери моей,
 Слишкомъ рано взятой прочь отъ насъ! *)
 О, съ какой томительною грустью
 Сочеталась радость этой встрѣчи! —
 Но не вовсе мы лишились милой:
 Пусть ея воспоминанье будетъ
 Путеводною звѣздой твоей!
 На нее гляди, за нею слѣдуй
 Неотступно; не смущай ея

*) См. стр. 100.

Средь блаженства Серафимовъ скорбью
О заблудшемъ сынѣ! Но теперь, —
Проникая въ будущее далѣ,
Чѣмъ родитель твой и я, — она
Веселится мыслию, что сынъ
По слѣдамъ отца поидетъ. Отнынѣ
Обрученъ и съ благомъ и съ наукой *)
И увѣнчанъ свѣжимъ лавромъ, помни,
Что кольцо не вянетъ какъ вѣнокъ.

Какъ завидна та пора, когда
Столько радуется вѣнокъ лавровый!
Что предъ этимъ чувствомъ наслажденье
Въ годы зрѣлые отъ ласкъ судьбы,
Иль отъ почестей! Я помню живо...
Ахъ, на старости отраднѣе мнѣ
Говорить о юности моей!...
Да, мнѣ сладко вспоминать досель
Не одинъ лишь мой восторгъ отъ лавра,
Но восторгъ и тѣхъ молодыхъ, кого я
Имъ вѣнчалъ, какъ Аполлона жрецъ.
Цѣль еще тогда былъ ветхій домъ,
Вскорѣ падшій: онъ былъ замѣненъ
Новымъ зданіемъ, коего державный
Основатель **) не предвидѣлъ доли,
Вдругъ постигнувшей главу его

*) Молодой человѣкъ, при производствѣ въ магистры, кромѣ вѣнка, возлагаемаго ему на голову, получаетъ изъ рукъ промотора кольцо, — символъ обрученія съ наукой.

**) Густавъ IV Адольфъ, основатель новаго зданія Университета, котораго внутренность въ послѣдствіи сгорѣла.

Прежде чѣмъ оно готово было.
Я тогда простился не съ однимъ
Домомъ тѣмъ, который, не смотря
На его всю ветхость, я любилъ,
Ибо тамъ Портана слушалъ я
(Къ счастью своему, онъ въ землю легъ
Раньше этихъ стѣнъ и не узналъ,
Какъ надъ новымъ зданіемъ напрасно
Тратилъ онъ заботы и труды!):
Я простился не съ однимъ тѣмъ домомъ,
Но со всѣмъ, что жило тамъ, чему
Предстояло скорое изгнанье.
Могъ ли я предвидѣть сей конецъ?

Тридцать лѣтъ прошло отъ той поры.
Нынѣ я чужой здѣсь и напрасно бѣ
Сталъ искать училища Христины.
Ужъ его не знаютъ, — знаютъ только:
Александровъ Университетъ,
И на пышный домъ мнѣ указуютъ,
Какъ на новое его жилище.
Что за дивный образецъ, когда
Гармонической красой съ наружнымъ
Тамъ согласенъ внутренній порядокъ!

«Вслѣдъ за мной иди туда. И насъ,
Такъ давно покинувшихъ его,
Онъ зоветъ, — знакомый намъ пріютъ;
Да, то онъ, все тотъ же, *нашъ* пріютъ!
Онъ зоветъ и насъ торжествовать
Память нашей юности: поидемъ!»
Руку взявъ мою при сихъ словахъ,

Тихо влекъ меня товарищъ мой *),
 Другъ иной поры и мѣстъ иныхъ. —
 «Слишкомъ полстолѣтія назадъ
 Мы сдружились. Я пойду съ тобой:
 Ты межъ нами всѣми первымъ шелъ
 Къ цѣли общаго соревнованья.»

Вновь послѣдовавъ за нимъ охотно,
 Въ храмъ вошелъ я; онъ сказалъ тогда:
 «Вотъ нашъ старый, милый храмъ науки.
 Здѣсь подъ новой сѣнью онъ стоитъ,
 Въ новомъ, совершеннѣйшемъ устройствѣ,
 И щедрый алтарь его украшенъ;
 Но и съ именемъ другимъ онъ тотъ же.
 Самый пиръ сей подтверждаетъ то.
 Пировать не сталъ бы храмъ, носящій
 Императорское имя, если бъ
 Самъ себя не признавалъ онъ тѣмъ же,
 Чѣмъ онъ былъ, когда его воздвигла
 Молодая Королева Шведовъ,
 Повелѣвъ ему возвыситься быстро
 Храбрыхъ Финновъ предъ лицомъ Европы
 На чреду народовъ просвѣщенныхъ».

«Знать, то было предвѣщаньемъ рока»,
 Я спокойно отвѣчалъ: «когда,
 Взявъ науки подъ свою защиту,
 Въ Римъ та высокая жена
 Нареклась Христиной-Александрой **).

*) Гадолинъ, Абовскій домprobетъ, который, за 50 лѣтъ назадъ
 вмѣстѣ съ Францевомъ получилъ степень магистра.

**) При переходѣ въ Католическую вѣру.

Послѣ, — какъ въ святилищѣ торжествъ
 Видѣлъ я Христины образъ вмѣстѣ
 Съ ликомъ Александра, — мнѣ казалось,
 Что съ высотъ гремитъ какой-то голосъ:
 «Слышишь? оба имени сегодня
 Придаются двухсотлѣтней сѣни
 Отъ двонхъ, которые съ небесъ
 На веселый праздникъ сей глядятъ,
 Сами лавръ невянушій нося
 И другъ другу подавая длань;
 Между тѣмъ вокругъ нихъ взываютъ Музы:
 «Радуйся, Христина-Александра!»

Мнѣ мечталось, что не только гласъ сей,
 Но и пѣнье, слышимое въ храмъ,
 Раздается въ свѣтлыхъ высотахъ;
 Я прекраснымъ пиромъ наслаждался
 Не какъ сынъ Финляндіи одной,
 Но какъ сынъ и Швеціи. Какъ мать, —
 Хоть ужъ дочь ея не съ нею боля, —
 Издалѣка съ радостью глядитъ
 На плоды своихъ уроковъ давнихъ:
 Такъ и Швеція беретъ участие
 Въ торжествѣ Финляндіи цвѣтущей.
 Нынѣ Россѣ, Эстонецъ, Шведъ и Финнъ
 Звонъ и чашъ и голосовъ сливаютъ,
 И у всѣхъ желаніе одно —
 Дружно жить въ свободномъ царствѣ мысли.
 Да, надъ моремъ, дѣлящимъ народы,
 Мира флагъ соединяетъ ихъ,
 И они средь ночи другъ для друга
 Зажигаютъ на водахъ огни,

Указующіе путь пловцамъ.

Какъ же имъ другъ съ другомъ не мѣняться

Свѣтомъ знанья, свѣтомъ дарованій?

Такъ какъ Балтика съ заливомъ Финскимъ

Раздѣляетъ изобилье водъ, —

Пусть Наука, Слово и Искусство

Собираютъ съ берега обоихъ

На одинъ алтарь плоды златые!

И прекрасный отпрыскъ, здѣсь привитый

Къ стволу свяжемъ на старомъ корнѣ,

Въ обновленіи своемъ да станетъ

Украшеньемъ новаго столѣтя!

ФРАНЦЕНЪ. *)

(F. M. Franzén.)

ФИНЛЯНДІЯ

ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗИИ.

*) См. стр. 73.

ФИНЛЯНДІЯ

ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗИИ.

(ПИСЬМО КЪ ЦИГНЕУСУ.)

Ты помнишь, милый Поэтъ, какъ я обрадовался и вмѣстѣ удивился, когда, при первомъ знакомствѣ нашемъ въ Гельсингфорсѣ, ты заговорилъ со мною по-Русски. Родной языкъ, изъ устъ иноземца, звучитъ особенно пріятно. Но, говоря съ тобою, я слушалъ поэта: итакъ не мудрено, что твой Русской языкъ мнѣ показался волшебною музыкой. За удовольствіе, мнѣ доставленное, я хочу отплатить тебѣ подобнымъ же, какъ надѣюсь, удовольствіемъ. Вѣрно тебѣ не удавалось еще полюбоваться на свою Финляндію въ Русскихъ стихахъ. Сколько память мнѣ поможетъ, собираю ея черты, разбросанныя въ произведеніяхъ нашихъ поэтовъ.

Желаю, чтобы выписки мои обратили на себя вниманіе вашихъ литераторовъ, которые въ этомъ дѣлѣ будутъ судіями конечно лучше насъ; потому что въ оцѣнкѣ

поэзии всего важнѣе сравненіе образца съ художественнымъ его возсозданіемъ. Можетъ быть, и намъ скоро представится случай повѣрить васъ въ такомъ же отношеніи. Я слышалъ, что *Рунебергъ* кончилъ и уже печатаетъ новую поэму, въ которой главная героиня, Надежда — Русская изъ Екатерининскихъ временъ *).

До сихъ поръ, какъ мнѣ кажется, Русскіе и Финляндцы не довольно изучали другъ у друга существенное для литературы: подробности исторіи народа, частности его быта, духъ языка, преданія и повѣрья народныя, нравы, предразсудки и особенно памятники народной словесности. Извѣстно, что безъ этихъ пособій поэзія блѣдна или ошибочна. Но мы живемъ въ эпоху, которая общаетъ много утѣшительнаго. Изъ вашего Университета, который такъ великолюбно отпраздновалъ двухсотлѣтнее существованіе свое, уже спѣшатъ молодые люди въ Москву, чтобы у самаго сердца Россіи изучить ея организмъ жизни. Мы съ своей стороны внимательно слѣдуемъ за вашимъ *Лепротомъ*, который воскрешаетъ поэмы и пѣсни Финскаго народа. Мы знакомы уже и съ вашею *Калевалой* и съ *Кантелетаромъ* вашимъ.

Будемъ надѣяться, что Финляндія не останется у насъ въ долгу — и скоро кто-нибудь изъ молодыхъ литераторовъ Гельсингфорскихъ заплатитъ намъ тѣмъ же вниманіемъ, какое нѣкоторые изъ насъ принесли вамъ въ даръ. Я въ этомъ почти убѣжденъ всеобщимъ стремленіемъ лучшихъ умовъ въ Европѣ къ изслѣдованію самыхъ источниковъ всякаго историческаго вѣдѣнія. Уче-

*) См. Современникъ 1841, N:o 4.

ные перестали уже думать, что до всего можно дойти по одному *наведенію*, не покидая кабинета и корня надъ теоріями. Одни изъ нихъ отправляются въ путешествія, чтобы собственными наблюденіями увѣриться въ истинѣ своихъ предположеній и чужихъ расказовъ; другіе, превратясь въ антикваріевъ, живутъ въ пыльныхъ архивахъ и безмолвно бесѣдою допрашиваютъ старину на ея выразительномъ языкѣ, остававшемся столько лѣтъ въ небреженіи.

Удивительнѣе всего, что подобныхъ явленій мало встрѣчалось еще и за четверть столѣтія. Но такъ все движется въ области ума. *Геніальный успѣхъ Вальтеръ-Скотта* привилъ къ нашему поколѣнію и увѣковѣчилъ за нимъ мысль, столь же по-видимому простую, сколько она истинна и неисчерпаема въ благотворныхъ послѣдствіяхъ. Что душа, по счастливому образованію своему призванная на служеніе въ храмъ *Изящныхъ Искусствъ*, не властна существовать безъ творчества — это всѣмъ было ясно. Но указать для ея созданій образы, которые бы отвѣчали всѣмъ требованіямъ; которыхъ жизнь не теряла бы прелести и для новыхъ поколѣній; образы, которыхъ частное и преходящее значительностію и несомнѣнностію своею выкупало бы холодность и безцвѣтность общечеловѣческаго — указать это досталось позднѣйшей эпохѣ. Теперь поэтъ или художникъ, проникнутый до глубины души *всѣми стихіями жизни общества и физической природы, жизни, трепещущей отъ полноты и занимательности своего вѣка и своей точки на землѣ, возсоздаетъ ея образы* неистощимо-разнородные, какъ его настроеніе, и неизмѣнно-привлекательные, какъ сама истина, то есть Природа. Въ критикѣ нѣтъ теперь тре-

бованій произвольныхъ, которыя неминуемо слѣдовали за неопредѣленными, сбивчивыми законами эстетики: «Надобно подражать изящной природѣ», или: «Надобно возводить природу до идеала».

Чувствую, что я отдался отъ предмета — и вмѣсто Финляндіи завелъ тебя почти въ Германію. Это впрочемъ мнѣ было нѣсколько нужно. Я желалъ приготовить тебя къ моимъ выпискамъ. Онъ всѣ будутъ заимствованы изъ сочиненій, появившихся до нынѣшняго направленія талантовъ. Ты и соотечественники твои должны судить о нихъ сообразно понятіямъ, тогда господствовавшимъ въ литературѣ. Конечно, врожденное чувство поэзіи сильнѣе науки и примѣровъ; есть однакоже многое въ современной жизни, чему невольно покоряется и свободный геній.

Изъ всѣхъ Русскихъ стихотвореній, въ которыхъ описывается Финляндія, самое замѣчательное называется Эда, поэма *Евгенія Абрамовича Баратынскаго*. Она въ первый разъ напечатана была 1826 г. Авторъ, находясь въ военной службѣ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ жилъ въ Финляндіи. Теперь онъ мало занимается литературою, оставивъ и самую службу. У васъ онъ былъ юношею и впечатлѣнія принималъ со всею живою ранней молодости. Его стихотворенія, на Русскомъ языкѣ, принадлежатъ къ разряду самыхъ обработанныхъ и блестящихъ. Онъ соединилъ точность и благозвучіе выраженій, элегическое настроеніе чувства съ умомъ граціозно-игривымъ. Современникъ Пушкина и Дельвига,

онъ разделяетъ съ ними славу первокласнаго поэта. Появленіе Эды, исполненной свѣжести красокъ, простоты событія и новости слишкомъ безыскусственной формы, произвело на журналистовъ, какъ часто водится, неблагоприятное впечатлѣніе. Одинъ изъ нихъ критикою своею вызвалъ Пушкина на слѣдующую эпиграмму, въ которой поэтъ говоритъ Баратынскому:

«Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ какъ червонецъ;
Твоя Чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой Зонль — прямой Чухонецъ».

Дѣйствіе происходитъ въ старой Финляндіи прежде, нежели новая присоединилась къ Россіи. Гусаръ и молоденькая Финляндка — вотъ два главные лица. На второмъ планѣ слегка обозначены отецъ и мать героини. Начало поэмы представляетъ простодушно-вкрадчивую рѣчь офицера неопытной, доверчивой дѣвушкѣ.

«Съ улыбкой вкрадчивой и льстивой
Такъ говорилъ гусаръ красивой
Финляндкѣ Эдѣ. Русь была
Ему отчизной. Въ горы Финна
Его недавно завела
Полковъ бродячая судьбина.
Суровый край: его красамъ,
Пугаяся, дивятся взоры;
На горы каменные тамъ
Поверглись каменные горы;
Синья, всходятъ до небесъ

Ихъ своенравныя громады;
 На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ;
 Съ нихъ бурно льются водопады;
 Тамъ долъ очей не веселитъ;
 Гранитной лавой онъ облитъ;
 Главу одѣвши въ мохъ печальный,
 Огромнымъ сторожемъ стоитъ
 На немъ гранить пирамидальный;
 По дряхлымъ скаламъ бродитъ взглядъ;
 Пришлецъ исполненъ смутной думы:
 Не міра-ль давняго лежатъ
 Предъ нимъ развалины угрюмы?
 Досель въ счастливой глуши,
 Отца простаго дочь простая,
 Красой лица, красой души
 Блестала Эда молодая.
 Прекрасѣй не было въ горахъ:
 Румянецъ нѣжный на щекахъ,
 Летучій станъ, власы златые
 Въ небрежныхъ кольцахъ по плечамъ,
 И очи блѣдно-голубые
 Подобно Финскимъ небесамъ».

Эда, простодушная какъ дочь природы, въ этомъ возрастѣ, когда сердце отверзто для любви, какъ ранній цвѣтокъ для лучей весенняго солнца, — не умѣетъ защититься отъ перваго нѣжнаго чувства. Поэтъ съ какимъ-то участіемъ трогательнымъ обращается къ ней:]

«Ахъ, Эда, Эда! Для чего
 Такое долгое мгновеніе

Во влажномъ пламени его
 Пила ты страстное забвеніе?
 Теперь полна въ душѣ своей
 Желанія смутнаго заботой,
 Ты освежительной дремотой
 Ужъ не сомкнешь своихъ очей;
 Слетать на ложе сновидѣнья,
 Тебѣ безвѣстныя досель,
 Иль долго жаркая постель
 Тебѣ не дастъ успокоенія.
 На камняхъ розовыхъ твоихъ
 Весна игриво засвѣтлѣла,
 И ярко-зеленъ мохъ на нихъ
 И птичка весело запѣла,
 И по гранитному одру
 Свѣтло бѣжитъ ручей серебристой,
 И лѣсъ прохладой душистой
 Съ востока вѣетъ поутру;
 Тамъ за горою долъ таится,
 Уже цвѣты пестрятъ тамъ;
 Уже черемухъ оніміамъ
 Тамъ въ чистомъ воздухѣ струится:
 Своею нѣгою страшна
 Тебѣ волшебная весна».

Между тѣмъ, покорная обольстительному чувству, Эда раздѣляетъ вечернія прогулки съ своимъ другомъ:

«Уже пустыня сномъ объята;
 Всталъ ясный мѣсяцъ надъ горой,
 Сливая свѣтъ багряный свой

Съ послѣднимъ пурпуромъ заката;
 Двойная, трепетная тѣнь
 Отъ черныхъ сосенъ возлегаеъ,
 И ночь прозрачная смѣняетъ
 Погасшій непримѣтно день.
 Ужь поздно. Дѣва молодая
 Жарка ланитами, встаетъ
 И молча, глазъ не подымая,
 Въ свой уголъ медленно идетъ».

Такъ оканчивается первая часть поэмы. Вторая представляетъ красоты общія — и потому я ограничусь выпискою только одного мѣста, въ которомъ помѣщенъ разговоръ отца и матери, чтобы показать, какъ поэтъ характеризировалъ ихъ.

«Она была не безъ надзора.
 Отецъ ея, крутой старикъ,
 Отчасти въ сердце къ ней проникъ.
 Онъ подозрительнаго взора
 Съ несчастной дѣвы не сводилъ;
 За нею слѣдомъ онъ бродилъ;
 И подсмотрѣлъ ли что такое,
 Но только молодой шалунъ
 Разъ видѣлъ, слышалъ, какъ ворчунъ
 Взадъ и впередъ въ своемъ покоѣ
 Ходилъ сердито; какъ потомъ
 Ударилъ сильно кулакомъ
 Онъ по столу, и Эдъ бѣдной,
 Предъ нимъ трепещущей и бѣдной,
 Сказалъ рѣшительно: повѣрь,

Не одобровать тебѣ съ гусаромъ!
 Вы за углами съ нимъ недаромъ
 Всегда встрѣчаетесь. Теперь
 Ты рада слушать негодя.
 Худому выучить. Бѣда
 Падетъ на дуру, Мнѣ тогда
 Забота будетъ небольшая:
 Кто мой обычай ни порочъ,
 А потаскушка мнѣ не дочь.
 Тихонько слезы отирая
 У грустной Эды: «что ворчать?»
 Сказала съ кротостію мать;
 «У насъ смиренная такая
 До сей поры была она.
 И въ чемъ теперь ея вина?
 Грѣшишь, бѣдняжку обижая».
 Да, молвилъ онъ, ласкай ее,
 А я сказалъ уже свое».

Въ третьей (послѣдней) части содержится развязка этой поэмы—идилліи, которой краски и господствующій тонъ такъ настраиваютъ думу читателя къ чему-то не-радостному. Вспыхнула война. Полки начинаютъ переправляться черезъ Кюмень. Гусаръ объявилъ Эдѣ, что для нихъ наступила горестная разлука.

«Нѣтъ слезъ у дѣвы молодой.
 Мертва лицомъ, мертва душой,
 На суету походныхъ сборовъ
 Глядитъ она: всему конецъ!
 На ней встревоженный хитрецъ

Остановить не смѣтъ взоровъ.
 Сгустилась ночь. Въ глубокой сонъ
 Все погрузилося. Унылой
 Въ послѣдній разъ идетъ онъ къ милой.
 Ей утѣшенія шепчетъ онъ,
 Ее лобзаетъ онъ напрасно.
 Внимаетъ, чувства лишена;
 Даетъ лобзать себя она,
 Но безотвѣтно, безучастно!
 Мечтанья всѣ бѣжали прочь.
 Они томительную ночь
 Въ безмолвной горести проводятъ.
 Ужъ въ путь зоветъ сіянье дня;
 Уже ретиваго коня
 Младому воину подводятъ;
 Ужъ онъ садится. У дверей
 Пустынной хижины своей
 Она стоитъ, мутна очами.
 Дѣвица бѣдная, прости!
 Ужъ по далекому пути
 Онъ поскакалъ. Ужъ за холмами
 Не видѣнъ онъ твоимъ очамъ...
 Согнувъ колѣна, къ небесамъ
 Она сперва воздѣла руки,
 За нимъ простерла ихъ потомъ —
 И въ прахъ поверглася лицомъ
 Съ глухимъ стenanьемъ смертной муки.

«Сковалъ потоки зимній хладъ,
 И надъ стремнинами своими
 Съ гранитныхъ горъ уже висятъ
 Они горами ледяными.

Изъ-подъ одежды снѣговой
 Кой-гдѣ вставая головами,
 Скалы чернѣютъ за скалами.
 Во мглѣ волнистой и съдой
 Исчезло небо. Зашумѣли,
 Завыли зимнія метели.
 Что съ бѣдной дѣвицей моей?
 Потухъ огонь ея очей;
 Въ ней Эды прежней нѣтъ и тѣни;
 Изнемогаетъ въ цвѣтъ дней:
 Но чужды слезы ей и пѣни.
 Какъ небо зимнее бѣдна,
 Въ молчаньи грусти безнадежной
 Сидитъ недвижно у окна.
 Сидитъ — и бури вой мятежной
 Уныло слушаетъ она,
 Мечтая: «Нѣтъ со мною друга;
 Ты мнѣ постылъ, печальный свѣтъ!
 Конца дождусь ли я, или нѣтъ?
 Когда, когда сметешь ты, выюга,
 Съ лица земли мой легкій слѣдъ?
 Когда, когда на сонъ глубокий
 Мнѣ дастъ могила свой пріютъ,
 И на нее сугробъ высокій
 Бушующія вѣтры нанесутъ?»

«Кладбище есть. Тѣснятся тамъ
 Къ холмамъ холмы, кресты къ крестамъ
 Однообразные для взгляда;
 Ихъ (межъ кустами чуть видна,
 Изъ круглыхъ камней сложена)
 Обходить нивкая ограда.

Лежить уже давно за ней
Могила дѣвицы моей.

«И кто теперь ее отыщетъ?
Кто съ нѣжной грустью навѣститъ?
Кругомъ все пусто, все молчитъ;
Порою только вѣтеръ свищетъ
И можжевельникъ шевелитъ».

Ты живо чувствуешь, въ чемъ заключается существовавшее достоинство всего этого стихотворенія. Оно дышитъ вѣрностію вашей природы. Самое содержаніе печально гармонируетъ съ красками поэта. Прибавь къ этому классическую точность каждаго слова, сжатость фразъ и разнообразіе оборотовъ. Таковъ поэтъ Баратынскій во всѣхъ своихъ произведеніяхъ. Въ доказательство приведу его небольшую пьесу, называющуюся: *Финляндія*. Первая часть ея посвящена дѣйствительно изображенію вашего края. Во второй онъ предается воспоминаніямъ историческимъ, рисуя характеръ Скандинавовъ. Въ нашей поэзи много произведеній, для которыхъ взято содержаніе изъ послѣдняго источника. На нѣкоторыя изъ нихъ укажу въ концѣ моего письма, какъ на предметъ, не прямо отвѣчающій моей цѣли.

«Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца,
Граниты Финскіе, граниты вѣковые,
Земли ледяного вѣнца
Богатыри сторожевые!
Онъ съ лирой между васъ. Поклонъ его, поклонъ
Громадамъ, міру современнымъ:

Подобно имъ, да будетъ онъ
Во всѣ години неизмѣннымъ!
Какъ все вокругъ меня плываешь чудно взоръ!
Тамъ, необъятными водами
Слилося море съ небесами;
Тутъ съ каменной горы къ нему дремучій боръ
Сошелъ тяжелыми стопами,
Сошелъ — и смотрится въ зеркалъ гладкихъ водъ!
Ужъ поздно, день погасъ; но ясенъ неба сводъ;
На скалы Финскія безъ мрака ночь нисходитъ,
И только-что себя въ уборъ
Алмазныхъ звѣздъ ненужный хоръ
На небосклонъ она выводитъ!
Такъ вотъ отечество Одиновыхъ дѣтей,
Грозы народовъ отдаленныхъ!
Такъ это колыбель ихъ безпокойныхъ дней,
Разбоямъ громкимъ посвященныхъ!»

Поэтъ очевидно ошибается, смѣшивая здѣсь Финляндію съ Скандинавіей. Ты и далѣе въ моихъ выпискахъ не разъ встрѣтишь подобныя обмолвки, доказывающія неточность и сбивчивость тогдашнихъ понятій нашихъ о мірѣ иноязычнаго Сѣвера*). Баратынскій продолжаетъ:

*) Самая рѣзкая противоположность господствуетъ между баснословными преданіями Скандинавовъ и Финновъ. Тамъ главный богъ — *Одинъ*; здѣсь — *Вейнемейненъ*. Первый, вооруженный мечемъ, есть представитель высшей воинственности, соединенной съ хитростью; онъ могущественнѣйшій герой, его сила въ битвахъ. Другой, съ арфой въ рукахъ, есть олицетвореніе высшей мудрости; онъ творящій поэтъ-чародѣй, его единственное орудіе — гармоническое слово. *Одинъ* на осминомъ конѣ

«Умолкъ призывный щить, не слышенъ Скальда гласъ,
Воспламененный дубъ угасъ,
Развѣялъ бурный вѣтръ торжественные клики;
Сыны не вѣдаютъ о подвигахъ отцовъ —

И въ дольномъ прахъ ихъ боговъ

Лежатъ низверженные яки!

И все вокругъ меня въ глубокой тишинѣ!

О вы, носившіе отъ берега къ берегу бонъ,

Куда вы скрылися полночные герон?

Вашъ слѣдъ исчезъ въ родной странѣ.

Вы-ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи,

Плывете въ облакахъ туманною толпой?

Вы-ль? дайте мнѣ отвѣтъ, услышите голосъ мой,

Зовущій къ вамъ среди молчанья ночи!

Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ!

Какъ отделилися вы отъ каменной отчизны?

Зачѣмъ печальны вы? зачѣмъ я прочиталъ

На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?

И вы сокрылися въ обители тѣней!

И ваши имена не пощадило время!

Что-жъ наши подвиги, что слава нашихъ дней,

Что наше вѣтренное племя?

О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!

Для всѣхъ одинъ законъ — законъ уничтоженья,

Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ

Обътованнаго забвенья!

скачетъ, при стукѣ мечей, по бранному полю; *Вейнемейненъ*,
сидя на пустынномъ берегу моря, поетъ и отъ умиленія пла-
четъ надъ арфой. Такъ различно выразился характеръ крово-
жадныхъ Скандинавовъ и миролюбивыхъ Финновъ. См. Соврем.
1840, № 3, О характ. и поэзии Финн. Изд.

«Но я, въ безвѣстности, для жизни жизнь любя,
Я, беззаботливый душою,
Вострепещу-ль передъ судьбою?

Невѣчный для временъ; я вѣченъ для себя:

Не одному-ль воображенію

Гроза ихъ что-то говоритъ?

Мгновенье мнѣ принадлежить,

Какъ я принадлежу мгновенью!

Что нужды до былыхъ, иль будущихъ племенъ?

Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами;

Я, не внимаемый, довольно награжденъ

За звуки звуками, а за мечты мечтами».

Передамъ тебѣ вполнѣ еще одно небольшое его сти-
хотвореніе. Видимо, что онъ писалъ его подъ вліяніемъ
картины, въ вашемъ краю поразившей его.

«Шуми, шуми съ крутой вершины,

Не умолкай, потокъ съдой!

Соединяй протяжный вой

Съ протяжнымъ отзывомъ долины!

«Я слышу: свищетъ аквилонъ,

Качаетъ елію скрыпучей —

И съ непогодою ревучей

Твой ревъ мятежный соглашенъ.

«Зачѣмъ, съ безумнымъ ожиданьемъ,

Къ тебѣ прислушиваюсь я?

Зачѣмъ трепещетъ грудь моя

Какимъ-то вѣщимъ трепетаньемъ?

«Какъ очарованный стою
Надъ дымной бездною твоею —
И, мнится, сердцемъ разумью
Речь безглагольную твою.

«Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ съдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзвукомъ долины!»

Въ Посланіи Баратынскаго знаменитому нашему переводчику *Иліады*, *Николаю Ивановичу Гнѣдичу*, есть нѣсколько прелестныхъ стиховъ, посвященныхъ мрачнымъ красотамъ Финляндіи. Говоря о тягостныхъ мгновеньяхъ жизни бездѣйственной, поэтъ обращается къ себѣ:

Они въ углу моемъ не длятся для меня.
Судьбу младенчески за строгость не виня
И взявъ съ тебя примѣръ, — поэзію, ученье
Призвалъ я украшать свое уединенье.
Лѣса угрюмые, громады мшистыхъ горъ,
Пришельца новаго пугающіе взоръ,
Чужихъ безбрежныхъ водъ свинцовая равнина,
Напѣвы грустные протяжныхъ пѣсень Финна,
Недолго, помню я, въ печальной сторонѣ
Печаль холодную вливали въ душу мнѣ.

Ты конечно не только съ любопытствомъ, но и съ участіемъ прочтешь еще два стихотворенія, изъ которыхъ

рыхъ одно можно назвать эпилогомъ жизни Баратынскаго въ Финляндіи, а другое воспоминаніемъ о ней. Вотъ они:

1.

Прощай, отчизна непогоды,
Печальная страна,
Гдѣ, дочь любимая природы,
Безжизненна весна;
Гдѣ солнце не-хотя сіяетъ,
Гдѣ сосенъ вѣчный шумъ
И моря ревъ и все питаетъ
Безумье мрачныхъ думъ;
Гдѣ, отлученный отъ отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогалъ безъ укоризны
Изгнанникъ молодой;
Гдѣ, позабытъ молвой гремучей,
Но все душой пилтъ,
Своею Музою летучей
Онъ не былъ позабытъ!
Теперь для сладкаго свиданья
Спѣшу къ странѣ родной;
Въ воображеніи край изгнанья
Послѣдуетъ за мной:
И камней мшистыя громады,
И видъ полей нагихъ,
И вѣковые водопады,
И шумъ угрюмый ихъ!
Я вспомню съ тайнымъ сладострастьемъ
Пустынную страну,

Гдѣ я, въ размолвкѣ съ тихимъ счастьемъ,
Провелъ мою весну,
Но гдѣ, порою житель неба,
На-перекоръ судьбѣ,
Не измѣнилъ питомецъ Феба
Ни Музамъ, ни себѣ».

2.

«Мой неискусный карандашъ
Набросилъ видъ суровый вашъ,
Скалы Финляндіи печальной;
Средь нихъ, средь этихъ голыхъ скалъ
Я дни весны моею опальной
Влача, душой изнемогалъ.
Въ отчизнѣ я. Передъ собою
Я самовольною мечтою
Скалы изгнанья оживилъ
И ихъ разсыянно рисуя,
Теперь съ улыбкою шепчу я:
Вотъ гдѣ унылый я бродилъ,
Гдѣ, на судьбину негодуя,
Я въру въ счастье отложилъ».

Можно сказать, что весь колоритъ его поэзіи, особенно въ мелкихъ стихотвореніяхъ, этихъ откликахъ ощущеній, мыслей и даже ежедневныхъ занятій, безпрестанно напоминаетъ читателю вашу природу. Не почувствуешь ли этого и самъ ты, причитавъ нижеслѣдующіе стихи, хотя и нѣтъ въ нихъ прямаго обращенія къ Финляндіи? Между-тѣмъ, почему такое своеобразное, хотя

и точное, сравненіе вдругъ представилось поэту, это объясняется только воззрѣніемъ на картины природы, окружавшей его въ самыя поэтическія лѣта.

Взгляни на ликъ холодный сей,
Взгляни: въ немъ жизни нѣтъ;
Но какъ на немъ былыхъ страстей
Еще замѣтенъ слѣдъ!
Такъ ярый токъ, оледенѣвъ,
Надъ бездною виситъ,
Утративъ прежній грозный ревъ,
Храня движенъ видъ.

Эпилогомъ моихъ выписокъ изъ Баратынскаго пусть будутъ его стихи *Аврорѣ Ш...*, столь извѣстные и у васъ въ Гельсингфорсѣ, гдѣ были они написаны, стихи, въ которыхъ юношеское чувство и дыханіе свѣжей красоты такъ очаровательно сливаются, не пугая воображенія ни одною чертою угрюмой вашей родины.

«Выдь, дохни намъ упоеньемъ,
Соименница зари!
Всѣхъ румянымъ появленіемъ
Оживи и озари!
Пылкій юноша не сводитъ
Взоровъ съ милой — и порой
Мыслить съ тихою тоской:
«Для кого она выводитъ
«Солнце счастья за собой?...»

Искренне-
Валленд,
Винсентъ
Караван

Слишкомъ за тридцать лѣтъ передъ симъ, тоже находясь въ военной службѣ, другой Русскій поэтъ внесъ въ собраніе своихъ сочиненій нѣсколько плѣнительныхъ стиховъ о Финляндіи. Это былъ *Константинъ Николаевичъ Батюшковъ*. Для Русской литературы много разцвѣтало съ нимъ надеждъ. Прекрасный талантъ, разнообразныя знанія, умъ свѣтлый и тонкій, удивительный вкусъ съ лучшимъ направленіемъ, чистая и пламенная любовь къ поэзи — все заставляло думать, что онъ современемъ придастъ много новаго блеску нашей литературы. Онъ въ 1817 году напечаталъ два тома опытовъ своихъ, одинъ въ прозѣ, другой въ стихахъ. Современникъ и другъ Жуковского, онъ съ нимъ составляетъ эпоху, съ которой начинается нынѣшняя поэзія наша, разнообразная, живая и блестящая красками. Но къ несчастью, Батюшковъ ничего почти не успѣлъ прибавить къ этимъ опытамъ, которые приняты были съ энтузіазмомъ. По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ впалъ въ разслабленіе умственныхъ способностей, что продолжается до сихъ поръ.

Весьма замѣчательное въ литературномъ отношеніи, хотя и не совсемъ вѣрное описаніе Финляндіи сдѣлано имъ въ прозѣ, подъ названіемъ: *Отрывокъ изъ писемъ о Финляндіи*. Я слышалъ, что это описаніе и вамъ уже извѣстно въ Шведскомъ переводѣ.

Въ началѣ моего письма я слегка упомянулъ, какъ необходимо для успѣховъ поэзи ближайшее, непосредственное изученіе всѣхъ стихій жизни народа и мѣстности. Неполное, одностороннее знаніе отражается въ самыхъ произведеніяхъ поэзи, сообщая имъ однообразіе

картинъ. Я также замѣтилъ выше, что Изыщныя Искусства въ нашу эпоху удовлетворительнѣе развиваютъ художническую истину, сосредоточивая вниманіе на исключительныхъ красотахъ всякаго предмета и не довольствуясь чертами общими, похожими на истины отвлеченныя. Такъ въ стихахъ Батюшкова, который подобно Баратынскому съ той же Финляндіи бралъ черты для рисунковъ своихъ, преобладаетъ одна мысль, одинъ образъ — это идея Скандинавскаго міра вообще, безъ частныхъ эпохъ и даже безъ замѣтнаго разграниченія Финляндіи и Швеціи. Сладкозвучные, обаятельные стихи его образовались въ отношеніи къ Финляндіи не въ слѣдствіе того, чѣмъ она сама поражала его чувства и душу, но что онъ узналъ вообще изъ кабинетныхъ, ученыхъ занятій. Въ стихотвореніи его: *Мечта* — вотъ между прочимъ въ какихъ чертахъ рисуется поэтическая сторона Скандинавіи:

... «Въ полночный часъ
Онъ» (поэтъ) «слышитъ Скальдовъ гласъ
Прерывистый и томный.
Зрять: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоятъ кругомъ костровъ,
Зажженныхъ въ полѣ брани —
И древній царь пѣвцовъ
Простеръ на арфу ллани.
Могила указавъ, гдѣ вождь героевъ спитъ,
«Чья тѣнь, чья тѣнь», гласитъ
Въ священномъ изступленіи,
«Тамъ съ дѣвами плыветъ въ туманныхъ облакахъ?
Се ты, молодой Иснелъ, иноплеменныхъ страхъ,
Днесъ падшій на сраженіи!»

Миръ, миръ тебѣ, герой!
 Твоей съкирою стальной
 Пришельцы гордые разбиты;
 Но самъ ты палъ на горахъ тѣхъ,
 Палъ, витязь знаменитый,
 Подъ тучей вражьихъ стрѣлъ...
 Ты палъ — и надъ тобой посланницы небесны,
 Валкирии прелестны,
 На бѣлыхъ, какъ снѣга Біармін, коняхъ,
 Съ златыми копытами въ рукахъ,
 Въ безмолвіи спустились;
 Коснулись до зѣницъ копьемъ своимъ — и вновь
 Глаза твои открылись;
 Течетъ по жиламъ кровь
 Чистѣйшаго эира —
 И ты, безплотный духъ,
 Въ страны безвѣстны міра
 Летишь стрѣлой... и вдругъ —
 Открылись предъ тобой тѣ радужны чертоги,
 Гдѣ уготовали для сонма храбрыхъ боги
 Любовь и вѣчный пиръ.
 При шумѣ горныхъ водъ и тихострунныхъ лиръ,
 Среди полянъ и свѣжихъ сѣней,
 Ты будешь поражать тамъ скачущихъ еленей
 И златорогихъ сернь.
 Склоняся на зланный деривъ
 Съ дружиною младою,
 Тамъ снова съ арфой золотою
 Въ восторгъ Скальдъ поетъ
 О славу древнихъ лѣтъ —
 Поетъ... и храбрыхъ очи,
 Какъ звѣзды тихой ночи,

Утѣхою блестятъ.
 Но вечеръ притекаетъ,
 Часть нѣги и прохлада,
 Гласъ Скальда замолкаетъ.
 Замолкъ — и храбрыхъ сонмъ
 Идетъ въ Оденовъ домъ,
 Гдѣ дочери Веристы *)
 Власы свои душисты
 Раскинувъ по плечамъ,
 Прелестницы младыя,
 Всегда полунагія,
 На пиршества гостямъ
 Обильны яства носятъ
 И пить умильно просятъ
 Изъ чаши сладкій медъ».

Такъ древній Скальдъ поетъ,
 Лъсовъ и дебрей сынъ угрюмый:
 Онъ счастливъ, погрузясь о счастья въ сладки думы.

«О сладкая мечта! о неба даръ благой!
 Средь дебрей каменныхъ, средь ужасовъ природы,
 Гдѣ плещутъ о скалы Ботническія воды,
 Въ краяхъ изгнанниковъ, я счастливъ былъ тобой.
 Я счастливъ былъ, когда въ моемъ уединеніи,
 Подъ кущей рыбаря, въ часъ полночи нѣмой,
 Раздастся вѣтровъ свистъ и вой
 И въ кровлю застучитъ и градъ и дождь осенній».

Въ другой элегіи Батюшкова, называющейся: *Воспоминанія (отрывокъ)* есть также нѣсколько прелестныхъ

*) Вымышленной поэтомъ богини.

стиховъ относительно вашего края. Ими, какъ великій художникъ, оканчиваетъ онъ изображеніе общей меланхолической настроенности духа, овладѣвшей всѣмъ его моральнымъ существованіемъ.

«Я чувствую: мой даръ въ поэзіи погасъ —
И Муза пламенникъ небесный потушила;

Печальна опытность открыва

Пустыню новую для глазъ.

Туда влечетъ меня осиротѣлый геній,
Въ поля бесплодныхъ, въ непроходимы сѣни,

Гдѣ счастья нѣтъ слѣдовъ,

Ни тайныхъ радостей, неизъяснимыхъ сновъ,
Любимцамъ Фебовымъ отъ юности извѣстныхъ,
Ни дружбы, ни любви, ни пѣсней Музъ прелестныхъ,
Которыя всегда душевну скорбь мою,
Какъ лотосъ, силою волшебной врачевали.

Нѣтъ, нѣтъ... себя не узнаю

Подъ новымъ бременемъ печали.

Какъ странникъ, брошенный на брегъ изъ ярыхъ волнъ,
Встаетъ и съ ужасомъ разбитый видитъ чолнъ,
Рукою трепетной онъ мраки вопрошаетъ;

Ногой скользитъ надъ пропастями онъ!

И вѣтеръ буйный развѣваетъ
Моленій гласъ его, рыданія и стонъ...
На край гибели такъ я зову въ спасенье
Тебя, послѣдняя надежда, утѣшенье,

Тебя, послѣдній сердца другъ!

Средь бурей жизни и недугъ
Хранитель-ангелъ мой, оставленный мнѣ Богомъ!
Твой образъ я таилъ въ душѣ моей залогомъ
Всего прекраснаго... и благости Творца.

Я съ именемъ твоимъ летѣлъ подъ знамя брани

Искать иль славы иль конца:

Въ минуты страшныя чистѣйши сердца дани
Тебѣ я приносилъ на Марсовыхъ поляхъ;
И въ мирѣ, и въ войнѣ, во всѣхъ земныхъ краяхъ
Твой образъ слѣдовалъ съ любовію за мною —
Съ печальнымъ странникомъ онъ неразлученъ сталъ.

.
.
.

Мѣста прелестныя и въ дикости своей!
О, камни Швеціи, пустыни Скандинавовъ!
Обитель древняя и доблести и нравовъ!
Ты слышала объѣтъ и гласъ любви моеи;
Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальнія скалы гранитныхъ береговъ,
И села пахарей и кущи рыбаковъ,

Сквозь тонки, утренни туманы
На зеркальныхъ водахъ пустынной Троллетаны».

Остается упомянуть о стихотвореніяхъ Батюшкова, заимствованныхъ имъ у иностранныхъ поэтовъ, которые описывали Скандинавскій міръ. Въ этомъ отдѣленіи замѣчательныя всего: *Элеія на развалинахъ Замка въ Швеціи*. Она взята изъ Маттисона. Батюшковъ, будучи знакомъ автора съ природою описываемаго края, и во всѣхъ отношеніяхъ превосходя Маттисона какъ поэтъ, сообщилъ заимствованному у него стихотворенію такіа красоты, которыя въ нашей литературѣ поставили его въ разрядъ первокласныхъ.

«Уже свѣтило дня на западъ горитъ,

И тихо погрузилось въ волны!...

Задумчиво луна сквозь тонкій паръ глядитъ

На хляби и брега безмолвны.

И все въ глубокомъ снѣ поморіе кругомъ.

Лишь изрѣдка рыбарь къ товарищамъ зываетъ;

Лишь эхо гласъ его протяжно повторяетъ

Въ безмолвіи ночномъ.

«Я здѣсь, на снѣгахъ скалахъ, висящихъ надъ водой,

Въ священномъ сумракѣ дубравы,

Задумчиво брожу — и вижу предъ собой

Слѣды протекшихъ лѣтъ и славы:

Обломки, грозный валъ, поросшій злакомъ ровъ,

Столбы и ветхій мостъ съ чугунными цѣпами,

Твердыни мшистыя съ гранитными зубцами

И длинный рядъ гробовъ.

«Все тихо; мертвый сонъ въ обители глухой.

Но здѣсь живетъ воспоминанье —

И путникъ, опершись на камень гробовой,

Вкушаетъ сладкое мечтанье.

Тамъ, тамъ, гдѣ вьется плюсъ по лѣстницѣ крутой,

И вѣтръ колышетъ стебель изсохшія полыни,

Гдѣ мѣсяцъ осребрилъ угрюмыя твердыни

Надъ спящею водой:

«Тамъ воинъ нѣкогда, Одена храбрый внукъ,

Въ бояхъ приморскихъ посядлый,

Готовилъ сына въ брань — и стрѣлъ пернатыхъ пукъ,

Броню завѣтну, мечъ тяжелый

Онъ юношѣ вручилъ израненной рукой

И громко восклицалъ, подъявъ дрожащи длани:

«Тебѣ онъ обреченъ, о богъ, властитель брани!

Всегда и всюду твой!

«А ты, мой сынъ, клянись мечемъ своихъ отцовъ

И Гелы клятвою кровавой (?),

На западныхъ струяхъ быть ужасомъ враговъ,

Иль пастъ, какъ предки пали, съ славой!»

И пылкій юноша мечъ прадедовъ лобзалъ,

И къ персямъ прижималъ родительскія длани,

И въ радости, какъ конь, при звукѣ новой брани,

Кипѣлъ и трепеталъ.

«Война, война врагамъ отеческой земли!

Суда на-утро вознумѣли,

Запѣнились моря — и быстры корабли

На крыльяхъ бури полетѣли.

Въ долинахъ Нейстріи раздался браней громъ,

Туманный Альбюнъ изъ края въ край пылаетъ —

И Гела день и ночь въ Валкалу провождаетъ (?)

Погибшихъ блѣдный сонмъ.

«Ахъ, юноша! спѣши къ отеческимъ брегамъ,

Назадъ лети съ добычей бранной:

Ужъ вьется кроткій вѣтръ во слѣдъ твоимъ судамъ,

Герой, побѣдою избранный!

Ужъ Скалды пиршество готовятъ на холмахъ;

Ужъ дубы въ пламени, въ сосудахъ медь сверкаетъ —

И вѣстникъ радости отцамъ провозглашаетъ

Побѣды на моряхъ.

«Здѣсь, въ мирной пристани, съ денницей золотой,

Тебя невѣста ожидаетъ,

Къ тебѣ, о юноша, слезами и мольбой

Боговъ на милость преклоняетъ . . .

Но вотъ въ туманъ тамъ, какъ стоя лебедей,

Блѣютъ корабли, несомые волнами;

О, вѣй, попутный вѣтръ, вѣй тихими устами

Въ вѣтрила кораблей!

«Суда у береговъ. На нихъ уже герой

Съ добычей женъ иноплеменныхъ.

Къ нему спѣшитъ отецъ съ невѣстою молодой

И лики Скальдовъ вдохновенныхъ.

Красавица стоитъ, безмолвствуя, въ слезахъ,

Едва на жениха взглянуть украдкой смѣетъ,

Потупя ясный взоръ, краснѣетъ и блѣднѣетъ,

Какъ мѣсяцъ въ небесахъ . . .

«И тамъ, гдѣ камней рядъ, съдымъ одѣтый мхомъ,

Помость обрушенный являетъ,

Повременно сова въ безмолвіи nocturno

Пустыню крикомъ оглашаетъ,

Тамъ чаши радости стучали по столамъ,

Тамъ храбрые кругомъ съ друзьями ликовали,

Тамъ Скалды пѣли брань — и персты ихъ летали

По пламеннымъ струнамъ.

«Тамъ пѣли звукъ мечей и свистъ пернатыхъ стрѣлъ,

И трескъ щитовъ, и громъ ударовъ,

Кипящу брань среди опустошенныхъ селъ,

И грады въ заревъ пожаровъ;

Тамъ старцы жадный слухъ склоняли къ пѣсни сей,

Сосуды полные въ десницахъ ихъ дрожали —

И гордые сердца съ восторгомъ вспоминали

О славу юныхъ дней.

«Но все покрыто здѣсь угрюмой ночи мглой;

Все время въ прахъ преобратило:

Гдѣ прежде Скальдъ гремѣлъ на арфѣ золотой,

Тамъ вѣтеръ свищетъ лишь уныло;

Гдѣ храбрый ликовалъ съ дружиною своей,

Гдѣ жертвовалъ виномъ отцу и богу брани,

Тамъ дремлютъ притаясь двѣ трепетныя лани,

До утреннихъ лучей.

«Гдѣ жъ вы, о сильные, вы, Галловъ бичъ и страхъ,

Земель полныхъ исполины,

Роамьда спутники, на бранныхъ челнокахъ

Протекши дальнія пучины?

Гдѣ вы, отважныя толпы богатырей,

Вы, дикіе сыны и брани и свободы,

Возникшіе въ снѣгахъ, средь ужасовъ природы,

Средь копій, средь мечей? —

«Погибли сильные! Но странникъ въ сихъ мѣстахъ

Не тщетно камни вопрошаетъ,

И руны тайныя, останки на скалахъ

Угрюмой древности, читаетъ.

Оратай ближнихъ селъ, склоняся на посохъ свой,

Гласитъ ему: смотри, о сынъ иноплеменный,

Здѣсь тлѣютъ праотцевъ останки драгоцѣнны;

Почти ихъ гробъ святой!»

Помнишь ли ты небольшую поэму Парни: *Иснелъ и Аслена*? Я не вѣрую во Французскую поэзію, особенно когда она облачается въ краски чужеземныхъ народныхъ преданій: ей не выдержать надлежащимъ образомъ ни тона, ни колорита. Батюшковъ перевелъ изъ этой поэмы одно мѣсто, гдѣ Парни описываетъ видѣнія во снѣ Скандинавскихъ воиновъ. Но я не нахожу нужнымъ это выписывать для тебя, потому что и вся поэма гораздо ниже предыдущей элегіи, сбиваясь на тотъ же самый предметъ. Безъ сомнѣнія тебѣ пріятнѣе будетъ прочитать по-Русски столь знаменитую во всемъ Скандинавскомъ мірѣ *Пѣснь Гаральда Смѣлаго*, которую Батюшковъ переложилъ съ текста, помѣщенного у Мамлета.

«Мы, други, летали по бурнымъ морямъ,
Отъ родины милой летали далеко!

На сушѣ, на морѣ, мы были жестоко:

И море, и суша покорствуютъ намъ.

О други, какъ сердце у смѣлыхъ кипѣло,

Когда мы, содвинувъ стѣной корабли,

Какъ птицы неслися станицей веселой

Вкругъ пажитей тучныхъ Сиканской земли*)...

А двѣ Русская Гаральда презираетъ!

«О други! я младость не праздно провелъ:

Съ сынами Дронтейма вы помните съчу?

Какъ вихорь предъ вами я мчался на-встрѣчу

Подъ камни и тучи свистящія стрѣлы.

Напрасно сдвигались народы; мечами

Напрасно о наши стучали щиты:

*) Сипцилн.

Какъ блѣдные класы подѣ ливнемъ, упали

И всадникъ, и пѣшій; владыка, и ты!...

А двѣ Русская Гаральда презираетъ!

«Насъ было лишь трое на легкомъ челнѣ;

А море вздымалось, я помню, горами;

Ночь черная въ полдень нависла съ громами —

И Гела (?) сіяла въ соленой волнѣ *).

Но волны напрасно яряся хлестали:

Я черпалъ ихъ шлемомъ; работалъ весломъ:

Съ Гаральдомъ, о други, вы страха не знали,

И въ мирную пристань влетѣли съ челномъ.

А двѣ Русская Гаральда презираетъ!

«Вы, други, видали меня на конѣ?

Вы зрѣли, какъ рушилъ съкирой твердыни,

Летая на бурномъ питомцѣ пустыни

Сквозь пепель и выюгу въ пожарномъ огнѣ?

Железомъ я ноги мои окривляя,

И лань упреждаю по звонкому льду;

Я, хладную влагу рукой разсыкая,

Какъ лебедь отважный по морю иду...

А двѣ Русская Гаральда презираетъ!

«Я въ мирныхъ родился полночи снѣгахъ;

Но рано отбросилъ доспѣхи ловитвы —

Лукъ грозный и лыжи — и въ шумныя битвы

Васъ, други, съ собою умчалъ на судахъ.

Не тщетно за славой летали далеко

*) Вотъ уже третье мѣсто, въ которомъ видно ошибочное понятіе поэта о богинѣ смерти, блѣо-синей Гелѣ. *Изд.*

Отъ милой отчизны по дикимъ морямъ;
 Не тщетно мы бились мечами жестоко:
 И море и суша покорствуютъ намъ!
 А дѣва Русская Гаральда презираетъ». *)

Былъ еще Русскій поэтъ, который воинномъ провелъ нѣсколько времени въ Финляндіи. Не очень давно литература наша лишилась въ немъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ писателей. Я говорю о *Денисѣ Васильевичѣ Давыдовѣ*. Блистательнѣйшею эпохою въ его жизни была кампанія 1812 года, въ которую прославился онъ партизанскими своими дѣйствіями. Прекрасно изобразилъ его Жуковский въ патріотическомъ стихотвореніи, называющемся: *Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ*.

«Давыдовъ: пламенный боецъ;
 Онъ вихремъ въ бой кровавый;
 Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
 Вина, любви и славы».

Въ Финляндію прибылъ онъ 1808 года двадцати четырехъ лѣтъ. Въ продолженіе кампаніи онъ безотлучно

*) Извѣстно, что первоначальный подлинникъ этой пѣсни находится въ *сатѣ Гаральда Смѣлаго* (Harald Hådrådes Saga), героя, полюбившаго дочь Великаго Князя Ярослава, Елисавету, которая послѣ и стала его супругою. Изъ этой пѣсни Франценъ перевелъ нѣсколько строкъ Шведскими стихами. См. его рѣчь о происхожденіи Русскаго имени и государства, стр. 139, въ примѣч. Изд.

находился при авангардѣ Кульнева — и (какъ самъ рассказываетъ въ запискахъ о жизни своей) разставлялъ съ нимъ пикеты, наблюдалъ за непріятелемъ, раздѣлялъ суровую пищу своего наставника-воина и спалъ на соломѣ подъ крышею неба. Поэзіею не занимался онъ какъ художникъ. Онъ писалъ для одной собственной забавы. Но все, что ни бросилъ онъ на бумагу, такъ живо, оригинально и проникнуто остроуміемъ, что его стихи дѣлались повсюду извѣстными гораздо прежде, нежели бывали напечатаны. Все рѣзкое въ жизни воина, особенно гусара, схвачено имъ съ удивительною мѣткостью. Но онъ рѣдко выбиралъ за предметъ стихотвореній картины природы. Отъ того и красоты Финляндіи не нашли для себя живописца въ Давыдовѣ. Мнѣ однакожъ жаль было бы не познакомить тебя, хоть нѣсколько, съ этимъ талантомъ, который любимое дѣло свое — войну и удалство — началъ у вась, начавъ тѣмъ и воспитаніе характера поэзии своей. Ты получишь о немъ совершенно ясное понятіе, прочитавъ его стихотвореніе *Полу-солдатъ*. Онъ его написалъ въ 1826 году, бывши въ походѣ за Кавказомъ.

«Нѣтъ, братцы, нѣтъ: полу-солдатъ
 Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
 Жена, полдюжины ребятъ,
 Да щи, да чарка съ запеканкой!

«Вы видѣли: я не боюсь
 Ни пуль, ни дротика Куртинца;
 Лечу стремглавъ, не думая въ усь,
 На ножъ и шашку Кабардинца.

«Все такъ — но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохотъ обуялъ толпой,
И клики вторятся горами,

«И все кипитъ, и все гремитъ;
А я, межъ вами одинокой,
Нѣмою грустію убить,
Душой и мыслию далѣко.

«Я не внимаю стуку чашъ
И спорамъ вкругъ солдатской каши;
Улыбки нѣтъ на хохотъ вашъ,
Нѣтъ взгляда на проказы ваши.

«Таковъ ли былъ я въ вѣкъ златой
На буйной Вислѣ, на Балканѣ,
На Эльбѣ, на войнѣ родной,
На льдахъ Торнео, на Секванѣ?

«Бывало слово: — другъ, явись! —
И ужъ Денисъ съ коня слѣзаетъ;
Лишь чашей стукнуть — и Денисъ
Какъ тутъ, и чашу осушаетъ.

«На скачку, на гоньбу — готовъ,
И чтимый *выродкомъ* глупцами,
Онъ, расточитель острыхъ словъ,
Ихъ хлещетъ прозой и стихами.

«Иль въ карты бьется до утра,
Раскинувшись на Горской буркѣ;

Или вкругъ свѣтлаго костра
Танцуетъ съ дѣвками мазурки.

«Нѣтъ, братцы, нѣтъ: полу-солдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятей,
Да щи, да чарка съ запеканкой».

«Такъ говорилъ наѣздникъ нашъ,
Оторванный судьбы вельнѣемъ
Отъ крова мирнаго въ шалашъ,
На съчи, къ пламеннымъ сраженьямъ.
Араксъ шумитъ, Араксъ шумитъ,
Араку вторитъ ключъ нагорный,
И Алагѣзъ нахмуясь спитъ;
И тонетъ въ влагъ долъ узорный;
И вѣетъ съ пурпурныхъ садовъ
Зефиръ восточнымъ ароматомъ —
И сквозь сребристыхъ облаковъ
Луна плыветъ надъ Араратомъ.

«Но воинъ нашъ не упоѣтъ
Ночною роскошью полуденнаго края...
Съ Кавказа глазъ не сводитъ онъ,
Гдѣ подпираетъ небосклонъ
Казбека гряда снѣговая.
На немъ знакомый вихрь, на немъ громады льда,
И надъ челомъ его, въ туманъ мутномъ,
Какъ Русь святая недоступномъ,
Горитъ родимая звѣзда».

Окончивъ исчисленіе поэтовъ Русскихъ, которые видѣли Финляндію и пытались ея впечатлѣніями, переходу къ другимъ, упоминавшимъ о ней по рассказамъ, или воспользовавшимся исторією и міеологією вообще Скандинавіи. Въ этомъ отдѣленіи назову сперва величайшаго поэта въ Россіи, *Гавріила Романовича Державина*, котораго картины Сѣвера такъ свѣжи и такъ вѣрны, что онъ по преимуществу долженъ принадлежать всѣмъ намъ. Пѣвецъ Екатерины Великой и двухъ послѣдовавшихъ царствованій, онъ любилъ славу Отечества своего, увѣковѣчилъ все, достойное безсмертія, и гордился названіемъ Сѣвернаго Барда. Вотъ какъ приказалъ онъ самъ себя нарисовать живописцу *Тончио*:

....«Напиши

Меня въ натурѣ самой грубой;
Въ жестокий мразъ съ огнемъ души,
Въ косматой шапкѣ, скутавъ шубой;
Чтобъ шелъ, природой лишь водимъ,
Противъ погодъ, волнъ, горъ кремнистыхъ,
Въ знакъ, что рожденъ въ странахъ я льдистыхъ»...

Но ты вполне уразумѣешь поэтическую душу этого челоѣка, прочитай въ слѣдующее стихотвореніе его, подъ названіемъ: *Признаніе*.

«Не умѣлъ я притворяться,
На святаго походить,
Важнымъ саномъ надуваться
И философа брать видъ;
Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравиться лишь имъ —

Умъ и сердце челоѣчье
Были гениемъ моимъ.
Если я блисталъ восторгомъ,
Съ струнъ моихъ огонь летѣлъ;
Не собой блисталъ я — Богомъ:
Видъ себя я Бога пѣлъ.
Если звуки посвящались
Лирѣ моея Царямъ:
Добродѣтелями казались
Мнѣ они равны богамъ.
Если за побѣды громки
Я вѣнцы сплеталъ вождамъ:
Думалъ перелить въ потомки
Души ихъ я ихъ дѣтамъ.
Если гдѣ Вельможамъ властнымъ
Смѣлъ я правду брякнуть вслухъ:
Мнилъ быть сердцемъ безпристрастнымъ
Имъ, Царю, Отчизнѣ другъ.
Если жъ я и суетою
Самъ былъ свѣта обольщенъ:
Признаюсь, красотою
Бывъ плѣненнымъ, пѣлъ и женъ.
Словомъ: жегъ любви колы пламень,
Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ.
Брось, мудрецъ! на гробъ мой камень,
Если ты не челоѣкъ».

Въ числѣ совершеннѣйшихъ лирическихъ созданій его почитается: *Водопадъ*, ода, которую онъ написалъ, получивъ извѣстіе о внезапной, роковой кончинѣ Князя Потемкина-Таврическаго. Въ то время Державинъ былъ

губернаторомъ въ Олонецкой губерніи. Недалеко отъ Петрозаводска, на рѣкѣ Сунѣ, въ этой дикой Карелии, гдѣ такъ любитъ странствовать вашъ Ленротъ, есть водопадъ Кивачъ. Поэтъ чуднымъ образомъ связалъ идею о немъ съ жизнію славнѣйшаго въ то время вельможи. Я укажу тебѣ только на тѣ мѣста, которыя дадутъ понятіе о картинахъ Сѣверной природы.

«Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырема скалами;
Жемчугу бездна и серебра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ;
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

«Шумитъ — и средь густаго бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ спомъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.

«Сѣдая пѣна по берегамъ
Лежитъ буграми въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ:
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ.

«Вѣтрами ль сосны пораженны:
Ломаются въ тебѣ въ куски;
Громами ль камни отторженны:

Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзаютъ:
Какъ пыль стеклянна низпадаютъ.

«Волкъ рыщетъ вокругъ тебя, и страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится;
Огонь горитъ въ его глазахъ —
И шерсть на немъ щетиной зрится:
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ согласясь съ тобой.

«Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водѣ твоихъ падающихъ ревъ,
Рога на спину приклоняетъ
И быстро мчится межъ деревьевъ:
Ее страшитъ вокругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листь.

«Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушами прыдетъ —
И подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится.

.
.
.

«Сошла Октябрска ночь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Нигдѣ я ничего не внеслю,
Кромѣ ревушія волны,

О камня съ высоты дробимой
И снѣжною горою зримой.

«Пустыня, взоръ пасуны свой,
Утесы и скалы дремали;
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгали,
Изъ конхъ, трепетна, блѣдна,
Проглядывала внизъ луна».

.

Ода: *На победы съ Итали* представляет красоты, прямо относящіяся къ предмету моего письма. Державинъ сравниваетъ Суворова съ Рюрикомъ. Эта мысль переноситъ его въ міръ Скандинавскій. Начало его стихотворенія есть картина древней Валгаллы.

«Ударъ во серебряный, священнѣй,
Далеко-звонкій, Валка *), щитъ!
Да громъ твой, эхомъ повторенный,
Въ жилищъ бардовъ возшумитъ.
Встаютъ. Сто арфъ звучать струнами;
Предъ ними сто дубовъ горятъ;
Отъ чаши круговой зарями
Сѣдыя чела въ тмѣ блестятъ.

«Но кто тамъ, бѣлыхъ волнъ туманомъ
Покрѣпъ по персямъ, по плечамъ,

*) Подъ именемъ *Валкъ* поэтъ разумѣлъ какихъ-то Скандинавскихъ музъ. Изд.

Въ стальномъ доспѣхѣ свѣтитъ рдьяномъ,
Подобно синя моря льдамъ?
Кто, на копье склонясь главою,
Событіе слушаетъ время?
Не тотъ ли, древле что войною
Потрясъ Парижскихъ твердость стѣнъ?

«Такъ! онъ плѣняется пѣвцами,
Поющими его дѣла,
Смотря, какъ блещетъ битвъ лучами
Сквозь тму время его хвала;
Такъ, онъ! Се Рюрикъ торжествуетъ
Въ Валгаллѣ звукъ своихъ побѣдъ —
И перстомъ долѣ показываетъ
На Россѣ, что по немъ идетъ.

«Се мой (гласитъ онъ) воевода.
«Воспитанный въ огняхъ, во льдахъ,
«Вождь бурь полночнаго народа,
«Девятый валъ въ морскихъ волнахъ!»

.

Уже вступилъ онъ въ славны слѣды,
Что древній Витязь проложилъ;
Ужъ водить за собой победы
И лики сладкогласныхъ лиръ».

Есть еще у Державина стихотвореніе: *Жилище Боини Фини*. Онъ упоминаетъ здѣсь разныхъ боговъ Скандинавскихъ, называя ихъ впрочемъ не совсѣмъ вѣрно. Но я не выпиываю этого стихотворенія потому что оно чисто аллегорическое, будучи посвящено изображенію добро-

дѣтелей Императрицы Маріи Ѳеодоровны и ея лѣтняго мѣстопробыванія, Павловска.

Въ одномъ изъ самыхъ первыхъ опытовъ поэзіи *Василія Андреевича Жуковскаго* есть нѣсколько стиховъ, посвященныхъ красотамъ Скандинавскаго героизма. Стихотвореніе названо: *Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей*. Ты не долженъ удивляться, что наши поэты часто сливаютъ въ одну идею Славянскій міръ со Скандинавскимъ. Россія, обязанная вашимъ Западнымъ сосѣдямъ началомъ гражданственности своей, привыкла въ этихъ Сѣверныхъ двухъ народахъ воображать что-то сходное, привыкла черты ихъ древняго быта считать общими. Въ этомъ смыслѣ и Жуковскій, говоря о Славянахъ, для картины своей заимствуетъ черты изъ Скандинавскихъ нравовъ. Я сожалею, что принужденъ для выписокъ моихъ взять изъ него не болѣе этого мѣста; потому что ты не получишь яснаго понятія о прелести его поэзіи. У Жуковскаго есть въ характерѣ его созданный, въ выразительности его языка и въ неподражаемой прелести слога что-то совершенно отдѣльное отъ прочихъ нашихъ поэтовъ. Пушкинъ умѣлъ прекрасно изобразить его въ слѣдующихъ своихъ стихахъ:

«Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ время тѣнственную даль;
Внимая имъ, воспламенится младость,
Утѣшится безмолвная печаль —
И рѣзвая задумается радость».

Жуковскій открылъ для Россіи новый міръ поэзіи. Прежде она была у насъ однообразна, изысканна и напыщенна какъ театральная красавица. Онъ, измѣнивъ ея формы, вдохнулъ въ нее новую душу, заставилъ всѣхъ вѣрить ея чувствамъ и дѣлать сердцемъ откровенія ея.

«Ударь во звонкій щитъ! стекитесь, ополченны!

Умолкла брань — враги утихли расточенны!

Лишь паръ надъ пепломъ селъ густой,

Лишь волкъ, сокрытый ночи мглой,

Очами блещущій, бѣжитъ на ловъ обильный.

Зажжемъ костеръ дубовъ! Изройте ровъ могильный;

Сложите на щиты поверженныхъ во прахъ!

Да холмъ вѣщаетъ здѣсь вѣкамъ о бранныхъ дняхъ;

Да камень здѣсь хранить могущихъ слѣдъ священный!»

«Гремитъ... раздался гулъ въ дубравѣ пробужденной.

Стеклись — вождей и ратныхъ сонмъ.

Глухой полнощи тма кругомъ.

Предъ ними вѣщій Бардъ, вѣнчаннй сѣдиною,

И падшихъ страшный рядъ, простертыхъ на щитахъ.

Объаты думою, съ поникнутой главою;

На грозныхъ лицахъ кровь и прахъ;

Оперлись на мечи; средь нихъ костеръ пылаетъ,

И съ свистомъ горный вѣтръ ихъ кудри воздымаетъ.

«И се! воздвигся холмъ, и камень водружень;

И дубъ, краса полей, воспитанный вѣками,

Склонилъ главу на дернъ, потокомъ орошень.

И се! могучими перстами

Пѣвецъ ударилъ по струнамъ:

Одушевленны забрякали!

Воспѣлъ — дубравы застенали,
 И гулъ помчался по горамъ:
 «О сладкихъ пѣсней мать, пѣвица битвъ священна,
 О Бардовъ лира вдохновенна!
 Проснись — да оживетъ хвала въ твоихъ струнахъ!
 Да тѣни бранныя низринутыхъ во прахъ,
 Скитаясь при лунѣ по тучамъ златоруннымъ,
 Сойдутъ на мрачный долъ, гдѣ миръ надъ пещомъ ихъ,
 Обвороженныя бряцаньемъ тихоструннымъ.
 Какъ пали сильные? какъ сильныхъ громъ утихъ?
 Гдѣ вы, сыны побѣдъ? гдѣ славныхъ воевъ сила?
 Отвѣтствуй, мрачная безтрепетныхъ могила!»

Знакомо ли тебѣ имя *Николая Михайловича Языкова*, поэта, явившагося у насъ нѣсколько позже Пушкина и Баратынскаго. Его муза, воспитанная въ Аѳинахъ Эстоніи, воспѣла геройскіе подвиги рыцарей той стороны, ученія и разгульныя бдѣнія Дерптскаго юношества, славныя событія нашей старины, живущія въ памяти народа, и все разнообразно-поэтическое въ исторіи студента. Его стихъ воленъ, крѣпокъ, звученъ и самобытенъ, какъ самъ поэтъ. У Языкова я возьму для тебя: *Пѣснь Короля Ретера* *).

*) Основаніе этого стихотворенія находится въ сагѣ Рагнара Лодброка, славнѣйшаго героя и скальда Скандинавіи. Преданіе гласитъ, что онъ (въ началѣ IX-го вѣка) попалъ въ плѣнъ въ Англію и брошенъ былъ въ яму, наполненную змѣями. Когда онъ напали на него, онъ заплѣлъ свою знаменитую смертную пѣснь. Изд.

«Мы бились мечами на чуждыхъ поляхъ,
 Когда, горделивый и смѣлый какъ дѣды,
 Съ дружиной героевъ искалъ я победы
 И чести жить славой въ грядущихъ вѣкахъ;
 Мы бились жестоко: враги передъ нами
 Какъ нива предъ бурей ложились въ прахъ.
 Мы грады и села губили огнями,
 И Скалды насъ пѣли на чуждыхъ поляхъ.

Мы бились мечами въ тотъ день роковой,
 Когда, побѣдивши морскія пучины,
 Мы вышли на берегъ Гензинской долины
 И встрѣчены грозной, неожиданной войной,
 Мы бились жестоко: какъ мы, удалые,
 Враги насъ тѣснили толпа за толпой;
 Ихъ кровью намокли поля боевыя —
 И мы побѣдили въ тотъ день роковой.

«Мы бились мечами полночи сыны,
 Когда я, отважный потомокъ Одина,
 Принесъ ему въ жертву врага-исполина
 При громѣ оружія, при свѣтѣ луны.
 Мы бились жестоко: съкирой стальной
 Разилъ меня дикій питомецъ войны,
 Но я разрубилъ ему шлемъ съ головою, —
 И мы побѣдили, полночи сыны.

«Мы бились мечами. На память сынамъ
 Оставилъ я броню и щитъ мой широкій,
 И бранное знамя и шлемъ мой высокій
 И мечъ мой, ужасный далекимъ странамъ.
 Мы бились жестоко — и гордые намъ

Потомки, отвагой подобныя намъ
Развѣсятъ кольчуги съ щитами, съ мечами
Въ чертогахъ отцовскихъ на память сынамъ».

Въ заключеніе моего письма, которое хотя длинновато, но совсѣмъ не полно, не могу удержаться, чтобы не привести нѣсколькихъ отрывковъ изъ сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина. Ты конечно уже знаешь, что былъ для Россіи Пушкинъ! У насъ его стихи живутъ во всѣхъ устахъ. Еще воспитанникомъ Царско-сельскаго Лицея онъ замыслилъ написать поэму, для которой народныя Русскія сказки служили бы основою и содержаніемъ. Это первое созданіе музы его, игривое, разнообразное и граціозное, плѣнительно самою смѣсью національныхъ красокъ съ Аріостовскими приѣмами и чертами. Поэма называется: *Русланъ и Людмила*. Между дѣйствующими лицами выведенъ Финнъ, *духовъ могучій повелитель*, какъ говоритъ о немъ Пушкинъ. Эпизодъ, гдѣ рассказываетъ Финнъ о любви своей къ пастушкѣ *Наинъ* *), оригиналенъ и полонъ интереса. Я привожу часть его какъ опытъ описанія жизни древнихъ Финновъ; говорю *опытъ*, потому что не такъ озарилъ бы Пушкинъ эту живую картину, если бы удалось ему взглянуть собственными глазами, а не однимъ воображеніемъ на вашу Финляндію.

*) Имя, вѣроятно заимствованное Пушкинымъ отъ Финскаго слова *Nainen*, — женщина, дѣва. Это и вообще все, что говоритъ его Финнъ, показываетъ, что матеріалы для приводимаго здѣсь разсказа почерпнуты поэтомъ изъ вѣрнаго источника. Изд.

Старикъ, котораго странствующій Русланъ нашелъ въ одной пещерѣ, такъ начинается разсказъ о своей судьбѣ:

.... «Любезный сынъ,

Ужъ я забылъ отчизны дальной
Угрюмый край. Природный Финъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
Гоняя стадо селъ окрестныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ
Однѣ дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ отрадной тишинѣ
Дано не долго было мнѣ».

Онъ увидѣлъ прекрасную Наину и полюбилъ ее; но она не отвѣчала его страсти. Онъ продолжаетъ:

«И все мнѣ дико, мрачно стало:

Родная куца, тѣнь дубровъ,
Веселы игры пастуховъ —
Ничто тоски не утѣшало,
Въ уныньи сердце сохло, вяло.
И наконецъ задумалъ я
Оставить Финскія поля;
Морей невѣрныя пучины
Съ дружиной братской переплыть,
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ
Искать опасностей и злата...»

Онъ покидаетъ отчизну и десять лѣтъ ратуетъ на моряхъ со славою;

«Но сердце, полное Наиной,
Подъ шумомъ битвы и пировъ
Томилось тайною кручиной,
Искало Финскихъ береговъ»,

И онъ возвращается въ Финляндію. Наина по прежнему не любила его.

«Но слушай: въ родинѣ моей
Между пустынныхъ рыбаей
Наука дивная таится.
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
Живутъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудрости высокой
Всѣ мысли ихъ устремлены;
Все слышитъ голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ и самая любовь.

И я, любви искатель жадной
Рѣшился въ грусти безотрадной
Наину чарами привлечь,
И въ гордомъ сердцѣ дѣвы холодной
Любовь волшебствами зажечь;
Спѣшилъ въ объятія свободы,
Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
И тамъ, въ ученьи колдуновъ,

Провелъ невидимые годы.
Насталъ давно желанный мигъ
И тайну страшную природы
Я свѣтлой мыслию постигъ:
Узналъ я силу заклинаньямъ,
Вънецъ любви, вънецъ желаньямъ!»

На его чародѣйское призваніе является ему Наина: она уже дряхлая, горбатая старуха; но, послушная колдовству, страстно влюблена въ своего давнишняго обожателя. Теперь она въ свою очередь всячески старается возбудить въ немъ страсть къ себѣ; но онъ, не смотря на ея ласки и упреки, остается холоднѣмъ.

«Такъ мы разстались. Съ этихъ поръ
Живу въ своемъ уединеньи
Съ разочарованной душой;
И въ мірѣ старцу утѣшенье
Природа, мудрость и покой».

Наконецъ укажу на одну строфу въ *Евгеніи Онегинѣ*, гдѣ Пушкинъ, обращаясь къ Баратынскому, жившему тогда въ краю нашемъ, написалъ нѣсколько словъ о Финляндіи; это въ 3-й главѣ. Дѣло идетъ о письмѣ, заготовленномъ Татьяною (героинею поэмы) къ Онегину. Для шутки Пушкинъ говоритъ прежде:

«Еще предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду безъ сомнѣнья
Письмо Татьяны перевести.

Она по-Русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ
На языкъ своемъ родномъ —
И такъ писала по-Французски...

Что дѣлать! повторяю вновь:

Донынѣ дамская любовь

Не изъяснялася по-Русски.

Донынѣ гордый нашъ языкъ

Къ почтовой прозѣ не привыкъ».

Послѣ этого, черезъ нѣсколько строкъ, онъ прибавляетъ:

«Пѣвецъ *Лирова* и грусти томной,

Когда бъ еще ты былъ со мной,

Я сталъ бы просьбою нескромной

Тебя тревожить, милый мой,

Чтобъ на волшебные напѣвы

Переложилъ ты страстной дѣвы

Иноплеменные слова.

Гдѣ ты? приди: свои права

Передаю тебѣ съ поклономъ...

Но посреди печальныхъ скалъ,

Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,

Одинъ подъ Финскимъ небосклономъ

Онъ бродить — и душа его

Не слышитъ горя моего».

Ты видишь, милый поэтъ, въ какихъ разнообразныхъ сочиненіяхъ, въ какихъ рѣзкихъ чертахъ и въ какихъ краскахъ являлась съ давнихъ поръ передъ нами и

поэтическая ваша Финляндія и смежная съ нею Скандинавія! Нельзя не надѣяться, что эти картины нашихъ художниковъ скоро у васъ доступны будутъ суду всего образованнаго класса читателей. Между тѣмъ я сердечно радуюсь, что ты одинъ изъ первыхъ будешь въ этомъ участникомъ. Прими трудъ переписчика за доказательство неизмѣнной его къ тебѣ дружбы.

П. ПЛЕТНЕВЪ.

НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ

ВЪ ЛАПЛАНДИИ.

НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ

БЪ ЛАПЛАНДІИ.

(Några dagar i Lappland.)

«Heu loca felici non adeunda viro!»

OVID.

Въ нѣсколькихъ миляхъ выше впаденія рѣки Ивало *) въ озеро Энаре прекращается или, лучше сказать, расширяется мрачная цѣпь скалъ, которая какъ злой геній до тѣхъ поръ преслѣдуетъ быстрый, яростный бѣгъ рѣки. Вдали еще мелькаютъ нагія вершины утесовъ, но вокругъ тебя простерта прекрасная зеленая равнина. Рѣка умиряетъ свое теченіе и образуетъ небольшія острова, поросшія густыми лиственными деревьями. Наконецъ показываются и признаки близости человѣка, — копна сѣна, плетни и т. п. Не смотря на усталость, начинаешь грести вдвое сильнѣй, чтобы скорѣе добраться до чело-вѣческаго жилья, и едва вѣришь глазамъ, когда, вмѣсто

*) Просимъ читателя разъ-на-всегда замѣтить, что во всѣхъ Финскихъ словахъ удареніе должно быть на первомъ слогѣ. Изд.

жалкихъ юртъ, въ самой глубинѣ Лапландіи открываешь благообразныя Финскія хижины, окруженныя лугами и пашнями. Трудно представить, какое отрадное впечатлѣніе такая встрѣча производитъ на путника. Безпрестанный видъ огромныхъ скалъ и шумныхъ водопадовъ напослѣдокъ притупляетъ все чувства. Человѣкъ не въ состояніи долгое время слѣдовать за природою въ ея дикой игрѣ. Душа теряетъ свою упругость и впадаетъ въ нѣмое, безсмысленное изумленіе. Но когда наконецъ природа успокоивается, когда стихіи, еще недавно столь мятежныя, въ мирномъ союзѣ отражаютъ ея истинную красоту, тогда и въ человѣкѣ снова пробуждается охота жить и наслаждаться жизнью. Замѣчательно однакожъ, что и прекраснѣйшія мѣста кажутся мертвыми, когда не носятъ никакихъ слѣдовъ человѣческой дѣятельности, между тѣмъ какъ всякая тропинка, какое-нибудь изломанное весло, остатки костра, словомъ, всякая бездѣлица, напоминающая присутствіе царя земли, удивительно оживляетъ и самую мрачную пустыню. Какимъ же раемъ должна была показаться намъ деревня Кире!

Читатель конечно желаетъ узнать, какъ возникла эта маленькая гиперборейская колонія, и я, къ моему счастью, могу удовлетворить его любопытство. Киттиле, округъ, принадлежащій къ приходу Соданкиле, составляетъ нынѣ и всегда составлялъ настоящую обитель бѣдности. Годомъ, лѣтъ за сто тому назадъ, побудилъ Финна Генрика Кире уйти отсюда въ названную по его имени деревню, гдѣ рыбистое озеро Энаре и превосходные луга сулили ему достаточныя средства къ пропитанію. Сначала, его дѣла действительно пошли успешно, но вскорѣ волки и медвѣди истребили стада его, и онъ снова впалъ въ ни-

щету. У Генрика было многочисленное семейство; старшія дѣти принуждены были оставить отца и искать хлѣба въ другомъ мѣстѣ. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ, Ларсъ (Лаврентій), съѣздивъ въ Норвегію, отправился въ Киттиле и объявилъ тамъ, что продастъ въ Кире землю, которую будто бы застроилъ и привелъ въ отличное состояніе. Родственникъ его, Томасъ Кире, наскучивъ бѣдностью въ Киттиле, купилъ имѣніе заочно и не дешево. При наступленіи весны пошелъ онъ въ свое новое жилище берегомъ рѣки Ивало. Отъ водополя она текла быстрее обыкновеннаго; со скалъ сливалось въ нее множество ручьевъ. Самъ Томасъ поплылъ въ лодкѣ внизъ по рѣкѣ, а жена его гнала стада по скаламъ. Трогательнъ расказъ старушки о перенесенныхъ ими трудахъ и опасностяхъ. Ихъ только и утѣшала надежда на будущую мызу. Но когда они наконецъ очутились на мѣстѣ, то не нашли ни кола ни двора. Говоря объ этомъ, старушка заплакала, а Томасъ сказалъ: «Не вспоминай прошлаго, хозяйка. Правда, здѣсь не было дома; за то лѣсу было довольно, а таскать бревна умѣемъ мы и безъ лошади: этими двумя руками срублено все, что пошло на жилье наше. Гору превратили мы въ зеленый лугъ, на которомъ, сама ты знаешь, паслось 60 овецъ и 30 коровъ». Тутъ Томаса перервала жена его, замѣтивъ, что все 60 овецъ въ нѣсколько минутъ истреблены были волками. «Такъ чтоже?» возразилъ Томасъ: «за наши труды и напасти у меня на груди медаль, да кромѣ того получили мы серебряный кубокъ, изъ котораго пили двое большихъ господъ». По примѣру Томаса, въ короткое время разбогатѣвшаго, и многіе другіе Финны изъ Киттиле и Энонтекиса начали селиться и строиться здѣсь. — Такъ по низовью рѣки Ивало возникло около 12-и дворовъ.

Слѣдуя указанію самой природы, жители Кире ведутъ образъ жизни, который былъ бы приличнѣйшимъ для всей Сѣверной Финляндіи. Источниками пропитанія служатъ имъ преимущественно скотоводство, рыбная ловля и охота. Земледѣіе считается какъ бы дѣломъ побочнымъ. Особенную заботливость обращаютъ на себя луга и я не помню, чтобы гдѣ-либо видѣлъ такой богатый сѣнокосъ, какъ здѣсь въ деревнѣ Кире. Масло свое тамошніе поселяне въ концѣ Ноября перевозятъ на оленяхъ къ заливамъ Норвегіи и тамъ промѣниваютъ на муку, которой большая часть до сихъ поръ употреблялась на винокурение.

Мѣстные пасторы очень хвалили мнѣ нравственное и религіозное состояніе этихъ колонистовъ. Что они сверхъ того не вовсе чужды образованности, показывается слѣдующій случай. Приближаясь къ деревнѣ Кире, мы съ прискорбіемъ открыли, что у насъ нѣтъ болѣе хлѣба. Мы купили у Томаса всю муку, какая у него была, и изъ нея намъ испекли восемь хлѣбовъ*), изъ которыхъ два были тутъ же и съѣдены. Остальныхъ шести должно было стать для прокормленія четырехъ члѣвъкъ въ продолженіе пяти дней. Испытавъ по совѣсти самихъ себя, мы нашли, что этого будетъ мало на удовлетвореніе нашихъ потребностей, и потому рѣшили: спустаясь по рѣкѣ Ивало, отыскать мызника, у котораго, какъ намъ говорили, водится мука. Оказалось однакожь, что и у него весь запасъ ея вышелъ на винокурение. Чтобы чѣмъ-нибудь утѣшиться въ крайности, купили мы канну (бутылки 3) водки и ужъ совсѣмъ-было собрались въ

*) Мызники въ Энаре пробаваются безъ хлѣба. Соч.

дорогу, какъ вдругъ пошелъ проливной дождь, который и заставилъ насъ пробить на мызѣ еще нѣсколько часовъ. Послѣ того, подвинувшись опять верстъ на двадцать, мы близъ одного селенія были совершенно неожиданно встрѣчены множествомъ народу, — мужчинъ и женщинъ; всѣ они стояли на горѣ и были одѣты по-праздничному. День начиналъ ужъ вечерѣть, и гребцы совѣтовали намъ не приставать здѣсь, чтобы еще за-свѣтло поспѣть въ Лапландское куртовище Ютуа. Лодманъ прибавилъ, что около полуночи озеро покрывается густымъ туманомъ, посреди котораго и самый опытный кормщикъ легко можетъ сбиться съ дороги. Но толпа, собравшаяся на горѣ, была такъ привлекательна, что я хотѣлъ непременно посмотреть на нее изблизи. Я вспомнилъ тогда, что одинъ изъ нашихъ провожатыхъ, Иессіо — двоюродный братъ управителю мызы, и всѣ, кромѣ самого Иессіо, нашли, что по этому обстоятельству не лзя не остановиться. Но мы были еще довольно далеко отъ берега, когда стоявшіе на горѣ крестьяне бросились въ рѣку къ намъ: стоя въ водѣ по колѣна, они ухватились за лодку, вытащили еще на берегъ и тамъ радушно приветствовали насъ. По ихъ приглашенію, мы пошли въ пріемную избу, гдѣ чистый полъ усыпанъ былъ ельникомъ, а недавно починенный очагъ еще сохнулъ. Но меня напередъ повели въ черную избу, гдѣ молодая, смазливая вдовушка — сама хозяйка — съ румянцемъ на щекахъ поднесла мнѣ два огромные хлѣба, при чемъ за-пинаясь просила не взыскивать за ничтожность дара. — Весь этотъ пріемъ объясняется тѣмъ, что пока насъ на первой мызѣ удерживалъ дождь, тамошніе крестьяне безъ нашего вѣдома отправили сюда нарочнаго, чтобы дать знать о затрудненіи, въ какомъ мы находимся, оставшись

безъ хлѣба *). Посланный, вмѣстѣ съ тѣмъ, сказалъ о нашемъ прибытіи на нѣсколькихъ дворахъ въ лѣсу, и народъ въ большомъ количествѣ сбѣжался встрѣчать своего новаго пастора **). Во всѣхъ этихъ поступкахъ видна утонченность нравовъ, которую позволительно называть образованностію, хотя мы ее и между образованными не всегда находимъ.

Обласканные мѣзниками, мы отправились далѣе и вскорѣ были на обширномъ озерѣ Энаре. Уже наступала ночь. Тускло отражались лучи солнечные на синей поверхности тихаго озера; темна была тѣнь передъ скалистыми, сосной поросшими островами. На Западномъ берегу Энаре чернѣлись громады высокихъ скалъ, а на Восточномъ видно было множество острововъ, между которыхъ мѣстами свѣтились неизмѣримые заливы, уже подергивавшіеся темною дымкой ночи. Нашъ словоохотливый лопманъ тѣшилъ насъ разказами о всякой всячинѣ. По его увѣренію, озеро простирается въ длину на 12 миль (120 верстъ), въ ширину на 8, и усеяно столькими островами, что всѣхъ ихъ не зналъ еще ни одинъ смертный, кромѣ развѣ Пейвио ***). Для измѣренія глубины Энаре какой-то Лапландецъ нѣкогда принялся-было погружать въ воду котелъ, привязанный къ концу каната. Но когда онъ спустилъ 260 сажень этого каната, пучина при-

*) Можетъ быть, читателю непонятно, какъ въ такое короткое время успѣли испечь намъ хлѣба; но я могу увѣрить, что такъ дѣйствительно было, хотя и не имѣю въ хлѣбопекарномъ искусствѣ достаточныхъ свѣдѣній для объясненія этого факта. Соч.

**) Одинъ изъ товарищей сочинителя, г. Д., отправлялся для пріятія въ Лапландіи должности пастора. Изд.

***) Имя героя, знаменитаго въ Лапландскихъ преданіяхъ. Id.

шла въ изступленіе *) и унесла котелъ. Съ тѣхъ поръ никто не пробовалъ болѣе измѣрять глубину Энаре, и есть повѣрье, что большіе заливы его бездонны.

Чтобы скорѣе поспѣть въ Ютуа, мы смѣнили нашихъ гребцовъ и сами взяли весла въ руки. Мы гребли попеременно. Когда моя очередь прошла, я легъ, и, проспавъ почти до утра, проснулся у ненаселеннаго острова, къ которому лопманъ принужденъ былъ пристать, чтобы не заблудиться на туманномъ озерѣ. Когда я открылъ глаза, туманъ былъ уже гораздо рѣже, и лопманъ рѣшился продолжать путь. Черезъ нѣсколько часовъ увидѣли мы Лапландское юртовнище, — первое во все наше путешествіе. Видъ такого селенія въ лѣтнее время — не изъ самыхъ пріятныхъ. По землѣ разбросаны рыбы внутренности, чешуя, гнилая рыба и другія гадости. Все это, вмѣстѣ съ рыбой, развѣшанной для сушки и также полугнилой, производитъ отвратительный, зловредный запахъ. Не успѣешь вынести этой муки, какъ приходится терпѣть другую, если можно, еще болѣе тяжкую. Изъ низкаго входа въ юрту выползаютъ толпа людей, до такой степени покрытыхъ грязью и насѣкомыми, что при одномъ взглядѣ на нихъ становится тошно. Сами они очень довольны собою. Вѣжливость требуетъ, чтобы всѣ живущіе въ юртѣ, не исключая и маленькихъ дѣтей, выбѣгали на-встрѣчу путешественнику и жали ему руку. По окончаніи этой церемоніи, при кото-

*) Naltia. Такъ у Финновъ и Лапландцевъ называется восторженное состояніе, въ какое иногда приходятъ колдуны ихъ. Оно сопровождается ужаснѣйшими тѣлодвиженіями, пѣною у рта, закатываніемъ глазъ и т. п. Изд.

рой обыкновенно не произносится ни слова, надобно почти всегда быть готовымъ на слѣдующіе вопросы: «Все ли въ краю миръ? Здоровы ли Государь, Епископъ и Губернаторъ?» Въ Юту спросили меня, откуда я, и когда я сказалъ, что живу далеко за скалами, то одинъ Лапландецъ пожелалъ узнать, не изъ той ли я земли, гдѣ растетъ табакъ. Это напомнило мнѣ Гетево: «*Kennst du das Land, wo die Citronen blühen?*»

Во время этого разговора замѣтилъ я необыкновенную живость въ женскомъ народонаселеніи юртовища. Не лзя было безъ удивленія видѣть, съ какою быстротой эти малорослыя и, казалось бы, неповоротливыя созданія перебѣгали изъ одной юрты въ другую. Достигнувъ двери, онѣ бросались на-руки и въ ту же минуту исчезали. Живость эта кончилась тѣмъ что насъ пригласили въ одну юрту. Б. и я неустрашимо приняли предложеніе, но Д. убѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ пробылъ нѣсколько часовъ пока рѣшился опять подойти къ нечистому гнѣздилищу Лапландцевъ. Отдохнувъ часа два, я сдѣлался такъ храбръ, что у меня стало духу войти еще въ одну изъ юртъ. Въ Энаре юрта всякаго Лапландца-рыболова построена вотъ какимъ образомъ. Низъ или основаніе состоитъ изъ четвероугольника, въ каждой сторонѣ котораго три бревна, одно на другомъ. Верхъ представляетъ видъ пирамиды и сложенъ изъ досокъ, съ отверстіями для воздуха. Въ Утсіоки, гдѣ лѣсу мало, низъ бываетъ часто изъ каменьевъ, обложенныхъ дерномъ, которымъ тамъ обыкновенно устилается и верхъ. Юрты въ Утсіоки круглыя, и образуютъ родъ полушарія. Опишу теперь, какова бываетъ, по всѣмъ правиламъ искусства, внутренность Лапландской юрты. Съ обѣихъ сторонъ

двери къ другой стѣнѣ проложено по бревну. Такія же два бревна проведены поперегъ юрты и пересѣкаются съ первыми. Такъ въ ней образуется девять отдѣлений, изъ которыхъ три ближайшія къ двери употребляются на храненіе дровъ, обуви и грубой домашней утвари. Изъ трехъ слѣдующихъ среднее служитъ печью. Направо отсюда бываетъ обыкновенно спальня хозяина и хозяйки, а нальво помѣщаются прочіе жильцы юрты. Если ихъ много, то и другія боковыя отдѣленія обращаются въ спальни. Три послѣднія назначены для съѣстныхъ припасовъ и тонкой домашней утвари. По стѣнамъ развѣшаны ножи и другія мелочи *).

Юрта не есть однакожъ единственное строеніе Лапландца-рыболова. При главномъ его становищѣ бываетъ обыкновенно нѣсколько рыбныхъ сараевъ, которые, для безопасности отъ хищныхъ звѣрей, утверждены на высокихъ сваяхъ. У зажиточныхъ Лапландцевъ есть даже избы, въ которыхъ однакожъ они не живутъ въ лѣтнее время **).

*) Близъ Сѣверныхъ границъ Финляндіи, особливо около Каяны, и въ Архангельской губерніи попадаются такъ называемыя Лапландскія ямы. По преданію, это остатки Лапландскихъ жилищъ: полагаютъ, что яма соотвѣтствовала четырехъ-угольному низу и что надъ ней было что-то выстроено. Я раскапывалъ землю въ такихъ ямахъ, и находилъ на днѣ ихъ уголь, обгорѣвшія желѣзные издѣлія и т. п. (См. мой *Отчетъ* въ *Finlands Allm. Tidning* 1839). Упомянутое преданіе тѣмъ подтверждается, что въ Энаре и теперь еще встрѣчаются устроенныя такимъ же образомъ овчарни. Соч.

**) Здѣсь рѣчь идетъ только о лѣтнихъ жилищахъ Лапландцевъ. *Id.*

Можетъ быть, иному читателю было бы любопытно узнать что-нибудь объ одеждѣ, наружности, главныхъ чертахъ характера и бытѣ Лапландцевъ. — Пока мы отдыхали, въ нарядѣ обывателей, а особливо обывательницъ юрты произошла перемѣна къ лучшему. Всего щеголеватѣе была одѣта сама хозяйка. Она скинула свое *пѣски* (верхнее платье изъ дубленой оленьей кожи, которое надѣвается какъ сорочка) и нарядилась въ бѣлое *адм-пу*, сдѣланное изъ шерстяной матеріи и покроемъ похожее на пѣски. Надъ этимъ носила она родъ душегрѣйки, *раха* (?). Шея была повязана полотнянымъ *радделлиномъ*, концы котораго, сложенные на груди, образовали какъ бы кармашки. Самою блестящею принадлежностью одежды былъ поясъ (*ндага* или *пови*), богато украшенный серебряной пряжкой. На немъ висѣлъ ножъ и костяное (или роговое) орудіе, которымъ Лапландцы сдираютъ кору съ деревьевъ. Особенно замѣчательнъ головной уборъ Лапландскихъ женщинъ. Это шапка почти въ футъ вышиною; она нѣсколько съуживается къ верху и оканчивается фигурою копыта, которую образуетъ находящаяся внутри шапки деревянная форма. Мужская одежда довольно сходна съ женскою. Но верхнее платье у мужчинъ, *матсу* (по-Фински *Mekko*), короче нежели у женщинъ и доходитъ только до коленъ. Шаравары изъ оленьей кожи употребляются всѣми, безъ различія пола. Для мужскихъ шапокъ нѣтъ опредѣленнаго покроя. Въ зимнее время, какъ извѣстно, и Лапландцы и Лапландки надѣваютъ оленьи тулупы, которые доходятъ до пятокъ и вверху имѣютъ такой узкой прорѣзъ, что непривыкшему къ нимъ чрезвычайно трудно надѣвать и скидывать ихъ.

Что

Что касается до наружности Лапландцевъ, то я не могу согласиться съ общимъ мнѣніемъ, будто они малорослы. Это справедливо только въ отношеніи къ женщинамъ. Въ Утсіоки много высокихъ мужчинъ. Въ Энаре они средняго роста; но замѣчательно, что Лапландцы вообще худощавы (почему одному изъ нихъ въ какой-то пѣсни и придается эпитетъ *laihavatta*, сухопарый). Лапландки, напротивъ, очень дородны и здоровы. Черты Лапландскаго лица запечатлѣны глубокою, мрачною тоской. Лобъ — низкій и сдвоенный, щеки — широкія, глаза — маленькіе. Кажется, будто передняя часть головы снаружи была чѣмъ-то притиснута и скулы тѣмъ самымъ выдавлены. Я сказалъ, что въ лицѣ у Лапландцевъ выражается тоска. Въ самомъ дѣлѣ, это — отличное свойство національнаго ихъ характера. Существовать ложится тяжело на душу Лапландца; онъ рѣдко бываетъ веселъ и привыкъ смотрѣть на предметы съ ихъ черной стороны. При всякой неудачѣ падаетъ духомъ и остается безпомощенъ. Потерпѣвъ обиду, бываетъ беззащитенъ и предается нѣмой досадѣ. Въ гнѣвѣ лютъ, во враждѣ непримиримъ. При малѣйшемъ поводѣ къ подозрѣнію, становится чрезвычайно остороженъ; но тотъ, кому удастся снискать его довѣренность, найдетъ въ немъ самое откровенное существо въ мірѣ; кто ничѣмъ не оскорбилъ его, съ тѣмъ онъ легко дружится. Гостепріимство въ высшей степени свойственно Лапландцамъ. Они радушно помогаютъ своимъ бѣднымъ. Вообще это кроткій и смирный народъ. Взаимныя распри свои кончаютъ они или полюбовно, или при посредствѣ такъ называемыхъ *kotakeräjät* (юртовыхъ судовъ).

Вѣроятно обиліе рыбы въ озерѣ Энаре побудило Лапландцевъ промѣнять трудности кочевой жизни на спокойный бытъ рыболововъ. Теперь въ цѣломъ округѣ Энаре нѣтъ ни одного кочеваго Лапландца, но есть множество такъ называемыхъ *лѣсныхъ* Лапландцевъ, которые лѣтомъ занимаются рыбною ловлей, а зимою пасутъ оленей. Однакожъ и они считаютъ рыболовство главнымъ промысломъ, и мало заботятся о своихъ оленяхъ, которые отъ того, по словамъ самихъ жителей, безпрестанно убываютъ въ количествѣ. Хотя олени въ Энаре приучены не уходить весною къ берегамъ моря (къ чему привыкли олени Лапландцевъ кочевыхъ), но остаются и зиму и лѣто въ Энаре, однакожъ много нужно стараній и труда, чтобы не дать имъ затеряться, одичать, сдѣлаться добычей волковъ или смѣшаться съ многочисленными стадами кочевыхъ Лапландцевъ. Упадокъ разведенія оленей въ Энаре происходитъ частію отъ того, что Лапландцы-рыболовы презираютъ кочевую жизнь, частію отъ ихъ лѣни и привычки заниматься не столь тягостнымъ и менѣе грубымъ промысломъ. Постараюсь описать вкратцѣ образъ жизни Лапландцевъ-рыболововъ. Около Благовѣщенія жители Утсіоки и Энаре, такъ же какъ и крестьяне изъ Соданкиле*), отправляются на Норвежскій берегъ ловить рыбу, какъ изетари водилось, въ такъ называемомъ «Фолледскомъ округѣ». Обыкновенно, живущій тамъ постоянно рыбакъ, у котораго есть и лодка и нужныя снасти, соединяется съ двумя или тремя изъ этихъ пришлецовъ, и потомъ отдѣляетъ имъ половину добычи, а самъ удерживаетъ другую. Изъ наловленной рыбы каждый промы-

*) Финляндскаго прихода, смежнаго съ Лапландіей. Изд.

шленникъ, — какъ Норвежецъ, такъ и Финнъ, — долженъ платить Норвежскимъ пасторамъ десятину, которая и собирается на мѣстѣ купцами, остановившимися въ заливахъ и вымѣнивающими на муку запасъ рыбаковъ. Лапландцы называютъ этихъ купцовъ безсовѣстными обманщиками и почитаютъ себя счастливыми, если могутъ въ Августъ мѣсяцъ, — когда пользуются правомъ свободной торговли, — продать свой товаръ Русскимъ, въ это время сюда прибывающимъ. Если вѣрить показаніямъ Лапландцевъ, то вотъ какая разница въ цѣнахъ Норвежскихъ и Русскихъ купцовъ. За пудъ муки Норвежецъ требуетъ 5 пудовъ свѣжей и 1 пудъ сушеной рыбы; Русскій, напротивъ, платитъ 1 пудъ муки за 2 1/2 пуда свѣжей рыбы, а за 1 пудъ сушеной рыбы даетъ онъ 1 пудъ и 8 фунтовъ муки. Только немногіе изъ Финскихъ Лапландцевъ могутъ пользоваться льготнымъ срокомъ, потому что они послѣ Иванова дня, когда обыкновенно ледъ исчезаетъ съ озеръ, по большей части возвращаются домой и тамъ продолжаютъ рыбную ловлю.

За тѣмъ настаетъ золотое время для Лапландца-рыболова, — время, о которомъ онъ во всю слѣдующую зиму вздыхаетъ, какъ о потерянномъ раѣ, гдѣ онъ находилъ высшее для себя земное блаженство — съ сытымъ желудкомъ спать въ своей юртѣ, не будучи тревожимъ комарами и не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Этого счастья Лапландецъ, безъ всякаго сомнѣнія, не захочетъ промѣнять ни на какія сокровища въ мірѣ.

Я долженъ упомянуть объ одномъ обстоятельстве, нарушающемъ въ нѣкоторой степени безпечную лѣнь Лапландца-рыболова. Это — переселеніе изъ одной юрты въ

другую. Лапландцы, на основаніи права давности, владѣютъ множествомъ небольшихъ озеръ и смотря по времени метанія икры ловятъ рыбу то въ одномъ, то въ другомъ. Часто озера эти бываютъ соединены между собой протоками и переселеніе производится на лодкѣ; но когда такого сообщенія нѣтъ, то бѣдный Лапландецъ долженъ самъ перетаскивать все свое имущество: лодку, сѣти, домашнюю утварь и пр. Легко вообразить, какого труда это стоить ему; однакожъ, такъ какъ воровство почти неизвѣстно въ Лапландіи, то онъ все ненужное безопасно можетъ оставлять на прежнемъ мѣстѣ.

При наступленіи осени Лапландцы отыскиваютъ свои зимнія избы *), гдѣ и питаются тѣмъ, что успѣли собрать въ лѣто. Но этого запаса, по большей части состоящаго въ рыбѣ, не становится на всю долгую зиму. Осенней подледной рыбы, называемой *juondas*, едва бываетъ достаточно на удовлетвореніе настоящей нужды. Гораздо прибыльнѣе ловля дикихъ оленей, производимая осенью съ половины Сентября до 1 Ноября (н. ст.), а весною отъ Благовѣщенія до той поры, какъ земля очистится отъ снѣга. Ловля дикихъ оленей, какъ кажется, всегда составляла для Лапландца важный источникъ продовольствія. Мы въ другомъ мѣстѣ описали, основываясь на преданіи, особый родъ этой ловли, извѣстный подъ именемъ *Wiomen*. Торнеусъ **), при которомъ онъ былъ еще

*) Въ Энаре зимнія жилища Лапландцевъ построены въ еловыхъ лѣсахъ ради коры, которую они считаютъ превосходнѣйшею пищей и кладутъ во всякое кушанье. Соч.

**) Жившій въ XVII столѣтіи. Къ сожалѣнію, въ переводѣ помѣщаемого за симъ отрывка не возможно сохранить забавнаго

въ употребленіи, рассказываетъ о немъ слѣдующее: «Ловля *Wiomen* производится такимъ образомъ. На протяженіи одной или двухъ милей въ длину по гладкимъ и голымъ скаламъ, гдѣ никакого нѣтъ лѣсу, и на разстояніи одной мили или и болѣе въ ширину разставляетъ онъ (Лапландецъ) высокіе шесты, *quasi duo cornua* (якобы два рога): сперва ставитъ онъ ихъ подальше одинъ отъ другаго, а по мѣрѣ того, какъ подвигается (ибо земля идетъ на одну или двѣ мили въ длину) ставитъ ихъ чаще и къ каждому шесту прикрѣпляетъ что-нибудь черное и страшное, чего бы олень могъ испугаться: а когда дойдетъ до *angustiora* (болѣе тѣсныхъ промежутковъ), то устраиваетъ, какъ дѣлается въ Швеціи, высокій заборъ, черезъ который бы олень не могъ перескочить: потомъ въ *angustissimo* (у самыхъ тѣсныхъ промежутковъ) имѣется пропасть съ пятью ступенями внизъ, а вокругъ нея плотный тынъ или палисадникъ, такъ что ни одному оленю оттуда не выйти. Тогда Лапландецъ обходитъ всѣ скалы и, гдѣ найдетъ стадо оленей, загоняетъ ихъ тихонько и бережно въ ту сторону, гдѣ его *Wiomen*. Олени, проходя между шестами, не смѣютъ взять ни направо ни налево, поелику боятся чернаго, что на шестахъ. Лапландецъ съ людьми своими все идетъ сзади и смотритъ, чтобы олени не прошли обратно, а между тѣмъ тихонько погоняетъ ихъ, иногда позволяетъ имъ щипать бѣлый мохъ (это ихъ пища) и отдыхать, какъ будто нѣтъ никакой опасности; но когда они дойдутъ до *angustiora* и *angustissima*, гдѣ по обѣ стороны высокій заборъ, то онъ вдругъ изъ всей мочи набѣгаетъ и гонитъ оленей въ

простодушія, отличающаго подлинникъ, который писанъ по-Шведски съ примѣсью Латинскихъ фразъ. Изд.

precipitium (пропасть) внизъ по пяти ступенямъ, которыя онъ сдѣлалъ; оттуда ужъ имъ нельзя или силы нѣтъ выскочить назадъ, и тамъ должны они остаться *in suo carcere* (въ своемъ заточеніи). Послѣ Лапландецъ приходитъ, когда захочетъ и убиваетъ всѣхъ ихъ, и большихъ и малыхъ, и тѣмъ изводитъ въ краю оленью породу, себѣ и другимъ въ ущербъ, почему такихъ и ненавидятъ другіе Лапландцы». По преданію, встарину рылись ямы для ловли дикихъ оленей, и надобно думать, что такъ называемыя «Лапландскія ямы», мѣстами встрѣчающіяся въ Финляндіи, нѣкогда служили такими западнями. Прежде ловили оленей и петлями. Этотъ родъ ловли еще и теперь въ употребленіи, но я не знаю, вполне ли сохранился старинный способъ. Въ нынѣшнее время Лапландцы всего охотнѣе истребляютъ оленя ружьемъ, и они сами сказывали мнѣ, что во время течи застрѣливали часто отъ 30 до 40 оленей. Но какъ ни прибыльна ловля оленей, все-таки она составляетъ случайный и очень ненадежный источникъ пропитанія. Прежде, вѣрнѣйшимъ средствомъ къ обезпеченію продовольствія Лапландца-рыболова въ Энаре служилъ водочный торгъ съ кочующими его земляками. Муку, вымѣненную въ морскихъ заливахъ на рыбу, отдавалъ онъ Финскимъ крестьянамъ на винокурение и за приготовленную изъ нея водку получалъ оленье мясо отъ кочевыхъ Лапландцевъ, которые большими толпами зимуютъ въ Энаре. Обыкновенною платою за канну водки былъ олень-самецъ, а за полканны лань. Такъ какъ Лапландецъ-рыболовъ самъ не любитъ горячихъ напитковъ, то легко понять, какъ водочный торгъ обогащалъ его. Но по губительному вліянію водки на нравственность, уже часто была рѣчь о совершенномъ запрещеніи продажи ся въ Лапландіи. Въ

Норвегіи вопросъ объ этомъ недавно занималъ сеймъ; однакожъ остановились на томъ, чтобы высокою таксою на водки затруднить Лапландцу ея пріобрѣтеніе. Къ сожалѣнію, эта мѣра только можетъ дать купцамъ болѣе средствъ къ обману. Въ нашемъ Финскомъ Лапмаркѣ торгъ водкою совершенно запрещенъ. Можно надѣяться, что въ слѣдствіе этого не только улучшится нравственность кочевыхъ Лапландцевъ, но и рыболовы въ Энаре изберутъ болѣе свойственный имъ образъ жизни.

Однакожъ я забываю, что мы все еще въ Лапландской юртѣ; пробывъ тамъ столько времени, надобно наконецъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Простимся же съ Ютуа, и снова въ путь; но не забудемъ поѣздить мимоходомъ пасторскій домъ въ Энаре. Жильцами этого дома — нѣсколько набитыхъ соломой совъ и бѣлокъ. Главное строеніе состоитъ изъ двухъ покоевъ, доступныхъ всему на свѣтъ, кромѣ лучей солнечныхъ. Въ первой комнатѣ стоитъ лавка, вычерненная тулупами сидѣвшихъ на ней Лапландцевъ, а въ задней кровать, покрытая прошлогодними березовыми листьями и занимающая болѣе половины всего покоя. Въмѣсто печей, въ обѣихъ комнатахъ по очагу; для удержанія тепла, съ крыши засовываютъ въ трубу блокъ сѣна. Мы поздравили своего товарища Д. съ новымъ его мѣстопребываніемъ; потомъ, оставивъ это совиное гнѣздо, пошли далѣе и черезъ мило очутились на берегу *Стуорралуръ*. Но какъ изумились мы, увидѣвъ, что юрта пуста и лодки исчезли! Лоцманъ увѣрялъ, что обойти озеро кругомъ невозможно. Что намъ было дѣлать? Мое предложеніе развести на мѣстѣ огонь не было принято, потому что этотъ употребительный въ Лапландіи сигналъ здѣсь, за утесисты-

ми мысами, остался бы незамѣченъ. Итакъ мы послали своего проводника и неизмѣннаго спутника Иессіо развести огонь на одномъ изъ мысовъ. Иессіо воротился въ полночь съ извѣстіемъ, что Лапландецъ, которому онъ поручилъ это, тихомолкомъ шелъ передъ нимъ мимо мысовъ, а огня и не думалъ разводить. Когда Иессіо спросилъ у него, зачѣмъ онъ не слушается, тотъ не далъ никакого отвѣта, а только попросилъ идти все за нимъ. Наконецъ Иессіо угрозами вынудилъ у Лапландца признаніе, что онъ очень хорошо знаетъ мѣсто юртовнища и идетъ туда за лодкой. Иессіо взялъ онъ съ собою для того, чтобы на возвратномъ пути было кому грести. Раздосадованный плутовствомъ Лапландца, Иессіо самъ пошелъ назадъ, а проводника отправилъ за лодкой, строго наказавъ ему, чтобы скорѣй воротился. Лапландецъ прибылъ въ чрезвычайно-дурномъ расположеніи духа не ранее 4-хъ часовъ утра и съ такой негодной лодкой, что мы въ ней едва могли добраться до ближайшаго селенія на островъ Стуорраауръ. Здѣсь были двѣ порядочныя избы, но семья все-таки занимала юрту. Это объяснили мнѣ тѣмъ, что въ юртѣ комары не такъ беспокоятъ. День былъ воскресный, и обѣдню отслужилъ нашъ Д. Проплывъ послѣ того еще двѣ мили, мы остановились у колоніи при устьѣ рѣки Камы. Здѣсь поразили насъ явные признаки того жалкаго положенія, которое происходитъ не отъ тягости внешнихъ обстоятельствъ, не отъ недостатка образованности (хозяйка принадлежала къ одной изъ извѣстныхъ фамилій Остроботніи), а отъ душевной дремоты и соединенной съ нею наклонности къ нечистотѣ. Мы постыжились удалиться отъ этой обители нищеты и по скаламъ отправились въ Утсіоки. Тутъ-то мы очутились въ настоящей сторонѣ оленей. Скалы

покрыты густымъ оленьимъ мохомъ; часто на всемъ пространствѣ, какое только можетъ обнять глазъ, не видно ничего, кромѣ этой сѣрой травы, и на путника находитъ уныніе. Радуюсь, когда встрѣтишь болото, котораго цвѣтъ хоть нѣсколько напоминаетъ зелень. Зато здѣсь, въ ложбинѣ, начинается новое мученіе отъ комаровъ и удушливой атмосферы, такъ что опять хочется скалъ. Впрочемъ, ходить по ихъ высокому, скользя-му моху такъ же трудно, какъ и по тонкому болоту. — На бѣду нашу достался намъ чрезвычайно неговорчивый и несловоохотливый проводникъ изъ Ютуа. Чтобы добиться отъ него порядочнаго отвѣта, надобно было обращаться съ нимъ въ высшей степени или хитро, или строго. На обычный вопросъ, долгъ ли дорога, онъ всякій разъ отвѣчалъ: «Долга (on kyllä)». Когда потомъ спросишь: «А какъ долга?» всегдашнимъ отвѣтомъ было докучное: «Не знаю (en tiedä)». Отвѣчать подробнѣе никакъ не согласовалось съ его правилами, а когда мы успѣвали принудить его къ тому, онъ становился золъ и угрюмъ. Впрочемъ выраженіе: «En tiedä, en suinkaan tiedä (не знаю, ей ей не знаю)» часто употребляется Лапландцами безъ всякаго значенія. Когда я у одного очень разговорчиваго Лапландца спросилъ, давно ли онъ живетъ на теперешнемъ мѣстѣ, — онъ отвѣчалъ: «Ей ей не знаю, а этотъ годъ ужъ девятый».

Послѣ восьми часовъ ходьбы, мы подвинулись на четыре мили и въ 2 часа ночи прибыли къ Лапландской юртѣ, гдѣ отецъ Вуолаббы (такъ звали нашего проводника) расположился для рыбной ловли. Итакъ мы должны были ожидать здѣсь ласковой встрѣчи, а между тѣмъ это было въ цѣлой Лапландіи единственнымъ мѣстомъ,

гдѣ насъ приняли грубо. Изнуренный труднымъ переходомъ, я попросилъ, чтобъ мнѣ дали напиться воды. Хозяинъ пальцемъ показалъ на озеро, до котораго было около версты отъ юрты. Онъ сталъ жаловаться, что ловля худо идетъ. Мы замѣтили, что намъ нужно не пищи, а покоя; но у него не было и спальни для насъ. Ужъ мы собирались-было расположиться на скалѣ, когда наконецъ намъ отвели рыбный сарай. Однакожъ сонъ нашъ былъ не дологъ, потому что въ оленьихъ кожахъ, которыя намъ разостлали, водились миллионы насѣкомыхъ. Мы постыжили оставить такое негостепріимное мѣсто, и пройдя милю двѣ, опять наткнулись на юрту, гдѣ насъ приняли съ самымъ дружескимъ радушіемъ. Хозяинъ былъ веселый, говорливый, открытый чело-вѣкъ. Лѣтній ловъ его былъ не удаченъ, но онъ утѣшался тѣмъ, что и надобности его не велики. «Вообще», рассуждалъ онъ: «у Лапландца нужды не болѣе, какъ у комара. Въ бѣдности своей мы все-таки живемъ весело и довольно беззаботно; за лучшимъ не гонимся». Онъ безъ притворства прибавилъ, что Лапландецъ, покидая скалы родины, идетъ прямо къ могилѣ, и въ при-мѣръ привелъ мальчика, котораго, — какъ говорилъ мой философъ, — «Тено Андерсъ продалъ одному богатому господину. Я не жалю объ этомъ мальчикѣ», продолжалъ онъ: «потому что онъ конечно умеръ по волѣ Господней, хоть Лапландцы и не хотятъ тому вѣрить; но жалъ несчастнаго отца, который твердо увѣренъ, что Богъ нака-залъ его сыновнею смертію и никогда не проститъ ему такого великаго грѣха, что онъ продалъ собственнаго своего сына». Послѣ мнѣ показали этого Тено Андерса передъ церковью въ Утсіюки. Онъ пришелъ-было туда съ тѣмъ, чтобъ прослушать обѣдню, но обдумавъ, на-

шелъ себя недостойнымъ входить въ храмъ Божій. Без-молвенъ и пасмуренъ, онъ во все время Богослуженія бродилъ между могилами церковнаго кладбища.

Когда мы уже готовились выйти изъ юрты, услы-шалъ я, что Вуолабба осведомляется у Айкію о дорогѣ въ Міерасъяуръ — ближайшее для насъ пристанище. Они говорили шопотомъ на Лапландскомъ языкѣ, и я изъ словъ ихъ понялъ только то, что намъ надобно бу-детъ взобраться на скалу и по ней идти вдоль высох-шаго ручья. Въ 4 часа по полудни пустились мы далѣе въ надеждѣ, что въ тотъ же вечеръ достигнемъ цѣли. Черезъ полчаса ходьбы увидѣли мы передъ собою какое-то озеро, и Вуолабба былъ въ недоумѣніи, которымъ бе-регомъ вести насъ. По совету Іессію выбрали мы Сѣ-верный берегъ и отправились на волю Божию. Прохо-дивъ отъ двухъ до трехъ часовъ, я къ величайшей ра-дости узналъ скалу, о которой говорилъ Айкію. Я со-вниманьемъ наблюдалъ дорогу нашу и, когда мы взошли на эту скалу, замѣтилъ, что Лапландецъ сталъ часто сбиваться съ прямой линіи. Б. сдѣлалъ тоже замѣчаніе. Тутъ Вуолабба подвергся строгому допросу. Онъ при-знался, что въ лѣтнее время никогда не хаживалъ этой дорогой. Напротивъ, зимою онъ часто вѣзжалъ въ Утсію-ки, и увѣрялъ, что очень хорошо знаетъ направленіе скалы, хотя можетъ быть и привелъ насъ сюда не са-мымъ прямымъ путемъ. Въ сторону уклонялся онъ такъ часто для минованія трудныхъ мѣстъ. Мы должны бы-ли довольствоваться этимъ объясненіемъ. Послѣ про-должительной ходьбы Вуолабба указалъ намъ высокую скалу, на которую предлагалъ взобраться, чтобы увидѣть Міерасъяуръ. Мы взошли, но увидѣли — не Міерасъяуръ,

а тучу, темную какъ ночь. На скалѣ былъ холодный вѣтеръ; вскорѣ пошелъ и дождь, — такой сильный, что нагорные ручьи вздулись. На бѣду я оставилъ свой тяжелый тулупъ въ Энаре, и промокъ до костей. Не говоря ни слова, Лапландецъ продолжалъ путь и шагаль такъ проворно, что мы едва поспѣвали за нимъ. Наконецъ мы въ полночь прибыли къ Лапландскому селенію, но только-что собирались войти въ юрту, какъ дверь вдругъ отворилась изнутри, и передъ нами стоялъ чело-вѣкъ съ печальнымъ лицомъ и слезами на глазахъ. Онъ съ трудомъ пролепеталъ слова: «Я останусь одинъ!» потомъ возвратился въ юрту и заперъ дверь. Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять вышелъ и сказалъ, что жена его умираетъ, отъ чего онъ и не можетъ укрыть насъ. Поэтому онъ просилъ опрокинуть его лодку и лечь подъ нею. Советъ былъ хорошъ, но иззябши и измокши, мы не могли обойтись безъ добраго огня, а по всей окраинѣ скалъ не росло ни одного годнаго на то дерева. Правда, передъ юртою Лапландца лежала опрокинутая сосна; но казалось, что она ему служить для развѣшиванія сътей. Тѣмъ не менѣе Іессіо рѣшилъ, что ея надобно воспользоваться; но Вуолабба, услышавъ удары топора у юрты, выбѣжалъ оттуда и всячески старался помѣшать истребленію дерева, которое было такъ важно для Педра. Это однакожъ не пособило: вскорѣ мы сидѣли у трескучаго пламени. Іессіо, по нашему порученію пошелъ въ юрту, чтобы, если можно, помочь хозяйкѣ. Сами легли мы спать, но еще я не успѣлъ заснуть, какъ изъ юрты вышелъ Педръ и попросилъ чарку водки для жены, которая, при помощи Іессіо, «благополучно разрѣшилась отъ бремени мертвымъ ребенкомъ». На слѣдующее утро мы положили младенца

въ яму, которую тщательно покрыли бревнами и камнями, чтобы хищные звѣри не могли отрыть тѣла. После этой церемоніи мы на лодкѣ Педра отправились далѣе по рѣкѣ Утсіоки и еще въ тотъ же вечеръ достигли цѣли труднаго путешествія.

М. КАСТРЕНЪ *).

(*M. Castrén.*)

*) Доцентъ Финскаго и древнихъ Сѣверныхъ языковъ при Александровскомъ Университетѣ. Онъ не разъ путешествовалъ съ Литературною цѣлю по разнымъ областямъ Финляндіи. Часть его странствованій уже прежде описана имъ въ здѣшнихъ періодическихъ листкахъ; настоящій рассказъ, составляя самъ по себѣ отдѣльное цѣлое, находится однакожъ въ нѣкоторой связи съ предыдущими. Главный трудъ г. Кастрена есть Шведскій переводъ, въ стихахъ, большой Финской поэмы *Калевала*. —

НЕОВОЙДЕННЫЙ

ДОМЪ.

НЕОБОЙДЕННЫЙ ДОМЪ,

ДРЕВНЕЕ СКАЗАНИЕ О НѢКОТОРОМЪ СТАРЦѢ И СТАРИЦѢ.

(ПОСВ. В. А. ЖУКОВСКОМУ.)

«Hön undrar och hon ser och ser.»

RUNEBERG.

Давнымъ-давно, въ тѣ годы, которыхъ и дѣды не за-
помнятъ, шла старушка путемъ-дорогою; спѣшила она въ
Заринской монастырь на богомолье, родителей помянуть;
чудотворнымъ иконамъ поклониться: Не дологъ былъ
путь — всего-то верстъ десять, да старушка-то ужъ не та,
что бывало въ молодые лѣта; идти идетъ, да приоста-
новится: то духъ занимаетъ, то колѣна подгибаются.
Вотъ слышитъ она, въ монастырь звонятъ ужъ къ
заутрени. «Ахъти», сказала она, «замышкалась я окаян-
ная, не успѣть мнѣ къ заутрени; хоть бы Богъ далъ

часовъ-то не пропустить. Смотрить — а къ лѣсу идетъ тропинка прямо на монастырь. «Постой-ка», подумала старушка, «дай Богъ память, я кажись въ молодые годы по этой тропинкѣ хаживала, вѣдь ею вдвое ближе, нежели обходомъ». И старушка своротила въ лѣсъ на знакомую тропинку. Такъ и обдало путницу смолистымъ запахомъ сосенъ, и силы ея подкрѣпляются.

Алые лучи раннего солнца полосами ложатся по проталинамъ, птицы встрепенулись и кормятъ своихъ дѣтенышей, душистая роса каплетъ съ вѣтвей; старушка идетъ да идетъ; благовѣсть все ближе да ближе, а лѣсъ все гуще да гуще. Идетъ она часъ, идетъ и другой, а все не видать конца лѣса; вотъ и благовѣсть пересталъ, и тѣни отъ деревьевъ сдѣлались короче — а все не можетъ старушка вытти изъ лѣса; оглядывается — спереди тропинка, сзади тропинка, а кругомъ лишь темень лѣсная; ни жилья, ни былья, ни голоса человѣческаго, а у старушки уже ноги едва двигаются, и въ горлѣ пересохло; жажда томить, въ глазахъ темнѣетъ; но все идетъ она, едва шагъ за шагомъ переступаетъ; вдругъ пахнуло на нее живымъ дымомъ, невдалекѣ и лѣсъ прорѣдѣлъ; старушка перекрестилась, положила на языкъ стебелекъ щавеля и бодрѣе потащилась. Прошла съ десятокъ шаговъ — передъ нею поляна; посреди поляны тесовый домъ съ закрытыми ставнями, ворота на запоръ — и не видать ни души Христіанской; — у воротъ скамеечка, старушка присѣла на нее и пригорюнилась. Вотъ залаяла въ подворотню цѣпная собака, калитка отворилась и вышелъ малой лѣтъ пятнадцати, подстриженъ въ кружокъ, въ красной рубахѣ, ремнемъ подпоясанъ; онъ искося посмотрѣлъ на старуху, отряхнулъ волосы, подперъ

боки руками и молвилъ: «А кого тебѣ здѣсь надобно старушонка?»

— Ахъ, родимый! никого мнѣ не надобно, шла я на богомолье въ монастырь, да заблудилась и изъ силъ выбилась; не дай умереть безъ покаянія, дай водицы испить. —

Молодой малый поглядѣлъ на старуху въ раздумьи, еще разъ встряхнулъ головою, — вошелъ въ калитку и чрезъ минуту возвратился; въ одной рукѣ несъ онъ ковшъ съ ячнымъ квасомъ, въ другой краюху свѣжаго хлѣба съ бузою.

Старушка кваску прихлѣбнула, хлѣбцемъ закусилась и сдѣлалась какъ встрепаная. «Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ», сказала она, «душеньку отвелъ. Богъ тебя наградитъ, что старуху призрѣлъ».

— Ты однако же не долго здѣсь калякай, — промолвилъ малой въ красной рубахѣ: — отдохнула и ступай своею дорогою; а то неравно хозяева наѣдутъ — не слобровать тебѣ, старушонка. —

«Да кто же они такіе, родимой?»

— Да у насъ здѣсь, бабушка, — отвѣчалъ малой съ улыбкой: — веселы люди живутъ, зелено вино пьютъ, въ кости играютъ, красныхъ дѣвокъ палуютъ, людей рѣжутъ. —

«Ахъ, родимый, родимый! Никола тебѣ на встрѣчу — какъ же ты съ такими людьми живешь?»

— Э, бабушка, не твое дѣло. Ступай отсюда, пока жива; говорятъ тебѣ, наѣдутъ сюда хозяева, увидятъ, что чужіе очѣ нашъ прѣтонъ обозрили — не спустятъ тебѣ. И я-то ужъ такъ сжался вадъ тобою, зане бабушку покойницу напонила, которая бывало меня младаго на рукахъ носила, да пряникомъ кормила. Ну, ступай-же — вотъ этой тропинкой прямо уткнешься на монастырь. —

«Иду, иду, родимый — кто бы ты ни былъ, спасибо тебѣ — награди тебя Богъ, — вразуми тебя Богъ».

И опять пошла старушка путемъ-дорогою, идетъ часть, идетъ и другой. «Не поспѣла къ заутрени», думаетъ: «авось-либо Богъ приведетъ хоть у поздней помолиться».

Вотъ и солнце поднялося выше, роса обсохла, по-лѣсу подымается душистый паръ донника и Божьей зари, рой мошекъ жужжитъ и кружится по проталинамъ. А старушка идетъ да идетъ. Благовѣсть все ближе да ближе, а лѣсъ все гуще да гуще.

Идетъ она часть, идетъ и другой; ужъ почти нѣтъ тѣней отъ деревьевъ — а все не видать конца лѣса. Оглядывается: спереди тропинка, сзади тропинка, а кругомъ лишь темень лѣсная, ни жилья, ни былья, ни голоса человѣческаго. А старушка идетъ да идетъ — вотъ впереди прояснилось, и лѣсъ прорѣдѣлъ; «Слава Богу», думаетъ: «на силу-то дотащилась!» собрала послѣднія силы, ... смотреть, — а предъ нею опять та же поляна, а на полянѣ тотъ же тесовый домъ съ закрытыми ставнями, ворота на запоръ — и не видать ни души Христіанской.

«Ахъ я, окаянная, опять заблудилась, опять къ тому же мѣсту пришла!»

Но дѣлать нечего, старушка присѣла въ тѣни и пригорюнилась; цѣпная собака залаяла въ подворотню; калитка отворилась и вышелъ парень лѣтъ 35-ти, въ красной рубахѣ, ремнемъ подпоясанный.

«А, здорово, старушонка, по-добру ли, по-здорову поживаешь; сколько лѣтъ, сколько зимъ съ тобою не видались, а все я тебя тотчасъ узналъ, ты ни на-волось не перемѣнилась — какъ была, такъ и есть!»

— Не запомню, родимый, Никола тебѣ на встрѣчу, а кажись, я тебя съ роду не видывала. —

«Эхъ, старушка, ты вѣрно ужъ изъ памяти начала выживать; помнишь, лѣтъ 20 тому назадъ, ты къ заутрени шла, да заблудилась, а я еще тебя хлѣбомъ кормилъ, да дорогу тебѣ показывалъ; я какъ теперь на тебя смотрю».

— Что ты, родимый, Никола тебѣ на встрѣчу; была и здѣсь, знаю, выходилъ ко мнѣ малой лѣтъ 15-ти, и спасибо ему, хлѣбомъ накормилъ. —

«Да вѣдь это я-то и былъ, старушонка».

— И, что ты, родимый! это было сегодня поутру, и выходилъ ко мнѣ мальчикъ лѣтъ 15-ти, а ты, Богъ тебѣ помилуй, уже на возрастъ. —

«И, старушка, ты ужъ изъ ума начала выживать;

какое поутру? говорятъ тебѣ, ужъ лѣтъ 20 тому, ты сюда приходила, вотъ на этой скамеечкѣ сидѣла; помнишь?»

— Какъ не помнить, родимый, только было это сегодня поутру, а до того времени я никогда здѣсь не бывала. —

«Ну, я вижу, съ тобой не сговоришь, совсѣмъ изъ памяти выжила.... Посмотрю я на тебя, измучилась ты, старушонка, потъ съ тебя такъ градомъ и катить, дай вынесу тебѣ рушникъ обтереться».

Съ этими словами парень въ красной рубахѣ вошелъ въ калитку и скоро возвратился оттуда съ полотенцемъ, вышитымъ красною бѣлью.

Едва старушка взяла его въ руки, какъ вскрикнула: — А откуда, родимой, у тебя это полотенце? —

«Откуда бы ни было», отвѣчалъ парень сердито, «знай утирайся».

— Да вѣдь это полотенце-то я шила сынишкѣ на дорогу. —

«Сынишкѣ», повторилъ парень: «а какой онъ изъ себя былъ?»

— Ахъ, мой сынишка славный малой... да развѣ ты знаешь его? —

«Говорятъ тебѣ, каковъ онъ изъ себя былъ?»

— Малой лѣтъ 15-ти, свѣтлорусый, волосы въ кудряжкахъ, въ синемъ зипунѣ, въ поярковой шляпѣ. —

«Свѣтлорусый, волосы въ кудряжкахъ?» повторилъ мрачно парень въ красной рубахѣ: «ну жаль, старуха, что не зналъ».

— Да что же съ нимъ случилось, родимый? — сказала старушка, испугавшись.

«Да такъ ничего», отвѣчалъ парень: «запиши его въ поминаньи.... его въ живыхъ больше нѣтъ».

Бѣдная старуха такъ и повалилась объ-землю и зарыдала.

«Ну полно рюмиться-то, мертвого не воротишь!» Старушка очнулась.

— Какъ же ты знаешь, родимый, что его въ живыхъ нѣтъ, полно правда ли это? —

«Еще правда ли, еще знаешь ли? Вольно тебѣ было его на святость воспитать: заманили мы его сюда; видимъ — малой славной, думали, будетъ изъ него путь; говоримъ ему: будь нашего сукна епанча, а онъ и руками и ногами, заартачился»....

— Ну, такъ что же, батюшка? —

«Ну, что же? вѣстимо дѣло, карачунъ ему дали, да и пустили въ Волгу окуней ловить».

Старушка снова зарыдала.

«Скажи, родимый, хотъ съ покаяньемъ ли онъ Богу душу отдалъ?»

— Ну вѣстимо намъ было къ нему не поа приво-
дять, а молиться-то онъ молился, сердечной. Ну да пол-
но рюмить, убирайся отсюда, не то наши наядутъ и те-
бѣ то же будетъ, что и сынишкѣ твоему. —

«Божья воля, отецъ мой; покажи только дорогу, ку-
да до пустыни дойти, сына помянуть, Богу за тебя по-
молиться».

— За меня? Полно обманывать; я чай, проклинать
меня будешь. —

«Нѣтъ, родимый! что проклинать! буду молиться о
спасеніи грѣшной души твоей».

Парень задумался.

— Странна ты старуха. — сказалъ онъ послѣ нѣкото-
раго молчанія: — сколько я душъ погубилъ, молодыхъ и
старыхъ, всякаго пола и возраста, и рука не дрогла, а
вотъ каждое твое слово, какъ ножомъ душу рѣжетъ, и
рука на тебя не подымается. . . . Ну убирайся отсюда,
пока не осерчалъ, ступай этой тропинкой, такъ прямо и
уткнешься на монастырь. —

И старушка опять идетъ путемъ-дорогою, рукавомъ
слезинки стираетъ.

«Наказалъ меня Богъ» говоритъ; «не успѣла окаян-
ная ни къ заутрени, ни къ обеднѣ; аюсь-либо Богъ при-
ведетъ за вечерней помолиться».

Вотъ идетъ она, идетъ часть, идетъ и другой; въ
поляхъ стада улеглись, птицы прикорнули на вѣткахъ,
тучка набѣжала, дождикъ покропиль, и опять все очну-
лось, стада заблѣли, птички запѣли; вотъ послышался
въ пустынь и благовѣстъ къ вечернѣ. Благовѣстъ все
ближе да ближе, а лѣсъ все гуще да гуще.

Идетъ старушка часть, идетъ и другой, вотъ и бла-
говѣстъ пересталъ, солнце ниже спустилось и потяну-
лася тѣнь отъ деревьевъ, — а все не видать конца лѣса.
Оглядывается старушка: спереди тропинка, сзади тропин-
ка, а кругомъ лишь темень лѣсная; ни жилья, ни былья,
ни голоса человѣческаго. А старушка идетъ да идетъ —
впереди прояснилось и лѣсъ прорѣдѣлъ; «Слава Богу»,
говоритъ старушка; «насилу-то дотащилась!»; собрала
последнія силы, смотритъ — передъ нею опять та-же
поляна, а на полянѣ тотъ же тесовый домъ съ закры-
тыми ставнями; ворота на запорѣ и не видать души
Христіанской. «Ахъ, прости Господи», сказала старуш-
ка: «опять я на то же мѣсто пришла окаянная, а ужъ и
силъ нѣтъ больше итти, не попускаетъ Богъ до пусты-
ни добратъся; буди Твоя святая воля». —

Старушка сѣла подъ дерево и пригорюнилась.

Собака залаяла въ подворотню, калитка отворилась,
выходитъ старикъ лѣтъ 60-ти, сѣдой какъ лунь, на кдю-
ку опирается.

«А, старушонка», сказалъ онъ: «по-доброу ли, по-здорову ли поживаешь; сколько лѣтъ, сколько зимъ съ тобой не видались. Да ты, видно, вѣка не изживаешь; какая была, такая и есть, ни сколько не перемѣнилась, а вѣдь мы лѣтъ 20 съ тобой не видались». —

— Кажись, я тебя, родимый, съ роду не видывала, — отвѣчала старуха; — была я здѣсь, и не одинъ разъ, да только сегодня поутру, да въ полдень; выходилъ ко мнѣ парень въ красной рубахѣ, и сказалъ мнѣ горькую вѣсточку. —

«Да это я самый и былъ; помнишь, рушникъ тебѣ подавалъ; только будетъ тому лѣтъ десятка два и болѣе; правда, я съ той поры много перемѣнился; кажись, и не старѣ лѣтами, а ужъ куда похирѣлъ; буйная молодецкая жизнь загубила; да какъ же ты-то нисколько не перемѣнилась, вотъ какъ теперь на тебя смотрю?»

— Ну ужъ я и ума не приложу, родимый, изъ памяти что ли я въ самомъ дѣлѣ выжила? знаю только то, что была я здѣсь поутру, а тебя съ роду не видывала. —

«Подлинно такъ», сказалъ старикъ, «и я ничего не понимаю; что-то тутъ чудное дѣется; вотъ ужъ 20 лѣтъ тому, ты мнѣ тоже говорила; много съ той поры воды утекло, много грѣховъ я на-душу свою положилъ! однако нечего здѣсь долго толковать; наши наѣдутъ, не слобовать тебѣ, убирайся отсюда, покуда жива».

— Нѣтъ, родимый, ужъ какъ хочешь, не пойду я отсюда, ноги не держатъ. —

«Что ты, неразумная; да вѣдь наѣдутъ товарищи — убьютъ тебя».

— Да будетъ воля Божіа! —

«Что жъ ты, небось, смерти не боишься?»

— Да чего жъ ея бояться? Придетъ часъ воли Божіей. —

«Такъ ты смерти не боишься?» повторилъ старикъ и задумался. «Ну», — прибавилъ онъ помолчавши: — «я такъ смерти боюсь».

— Молись Богу, родимый, Никола тебѣ на встрѣчу, такъ и не будешь смерти бояться. —

«Мнѣ молиться? Да неужели Богъ услышитъ мою молитву?»

— Вѣстимо, что услышитъ, когда помолишься съ покаяніемъ. —

«Да ты знаешь ли, старушонка, съ кѣмъ ты говоришь? еслибъ ты знала, да вѣдала — сколько я душъ погубилъ неповинныхъ! нѣтъ беззаконія, котораго бы я не сдѣлалъ; нѣтъ грѣха, въ которомъ бы не окунулся — и ты думаешь, что меня Богъ помилуешь?...»

— Покайся, Богъ помилуешь. —

«Поздно, старушка! ужъ и сна у меня нѣтъ, только заведу глаза, какъ и вижу — ко мнѣ тянутся кровавыя

руки; вижу, какъ теперь тебя вижу, посинѣлыя лица, помертвѣлыя очи, а въ ушахъ-то и крикъ и визгъ и стонъ и проклятія; мнѣ-ли молиться, старушка? у Господа столько и милости не достанетъ».

— Молись, говорю тебѣ, у Бога милости много, — и не перечесть, родимый. —

Старикъ задумался,

«Знаешь ли, что тебѣ скажу?» проговорилъ онъ; «скажу тебѣ правду истинную: я часто о тебѣ вспоминалъ; приходили мнѣ на память твои рѣчи; помнишь, какъ ты о младомъ мнѣ молилась, что бы Богъ вразумилъ меня; помнишь, какъ общала молиться, когда я сына твоего убилъ; я ничего не запамятовалъ и все мнѣ хотѣлось потолковать съ тобою о душѣ моей; ахъ, черна она, родимая, какъ смоль черная, и горяча она, какъ кровь теплая; ну слушай — здѣсь тебѣ сидѣть не годится, наѣдутъ, увидятъ; пойдемъ въ избу, тамъ я тебѣ найду укромное мѣсто».

Онъ подаль руку старушкѣ, она оперлась на его ключу и потащилась въ домъ; въ сняхъ старикъ приподнялъ половницу: «Ступай внизъ», сказалъ онъ, «да держись за веревку, не то споткнешься».

Старушка сошла въ подполицу, темную, темную; свѣтъ проходилъ только сверху въ отдушины; по стѣнамъ-то ларцовъ, сундуковъ, бауловъ разнаго рода, всякой посуды; а надъ ними развѣшены ножи, ружья и всякаго платья несмѣтное множество.

«Это наша кладовая, — сказалъ старикъ, — не даромъ она намъ досталась».

Старушка творила молитву и пладала. Прошла одну горницу, другую, третью; видитъ все по порядку; въ одной скорбь домашній, въ другой мужское платье, въ третьей женское, камни разноцвѣтные, жемчугъ, серьги и ожерелья.

«Душно здѣсь что-то, дѣдушка», сказала она.

— И мнѣ душно, — вскричалъ старикъ; — подумаешь, да погадаешь, что подъ этой одеждой все были живые люди, и что ни одинъ изъ нихъ своею смертию не умеръ, то такъ морозъ по жиламъ и пробѣгаетъ; все кажется, что подъ платьями люди шевелятся, ну да нечего дѣлать, прошедшаго не воротить; садись-ка вонъ тамъ въ уголку на сундукъ; тамъ изъ отдушины вѣтромъ подуваетъ. —

Старушка села, едва переводя дыханіе; смотритъ — надъ головой у ней камковое платье, парчевые сарафаны, и подъ ними, прямо противъ ея глазъ, жемчужныя, лентарныя ожерелья, монисты, а между ними на бисерной ниткѣ крестъ съ ладонкою.

Старушка не взвидѣла свѣта, схватила за ладонку и горько заплакала.

«Скажи дѣдушка, не обманывай, откуда ты взялъ это ожерелье?»

— А что оно знакомо тебѣ, что-ли? — спросилъ старикъ, задрожавъ.

«Какъ не знакомо», сказала старушка; «это ожерелье моего ненаглядного сокровища, моей дочери».

Старикъ повалился ей въ ноги.

— Ахъ, мать родная! — завопилъ онъ: — клянй меня, — нѣту въ живыхъ твоей дочери; не пожалѣлъ я ея красоты дѣвической; замучилъ, задушилъ я ее вотъ этой рукою; билась она сердечная, какъ горлица; молила меня, чтобъ позволилъ ей хоть перекреститься — и до того я ее не допустилъ. —

Старушка пуще заплакала.

«Ну, отпусти тебя Богъ», сказала она, «много грѣха ты принялъ на свою душу».

— Гдѣ Богу мнѣ отпустить, — вопилъ старикъ въ отчаяніи, — нѣту прощенія грѣхамъ моимъ; нѣтъ мнѣ спасенія ни въ семь, ни въ будущемъ мірѣ. —

«Не бери еще новаго грѣха на свою душу, родимый, не мертви души отчаяніемъ, уныніе — первый грѣхъ, — покайся да помолися, у Бога милости много!»

— Что ты говоришь, мать родная? — вопилъ старикъ, гдѣ Богу простить меня — да вѣдь и ты не простишь меня —

«Нѣтъ, не говори этого, родимый, Никола тебя на встрѣчу, — какъ не простить? много ты согрѣшилъ, последнее мое утѣшеніе отнялъ, — но да проститъ тебя Богъ, какъ я тебя прощаю, только покайся».

— И въ молитвахъ помянешь грѣшного раба Федора? . . . —

«И въ молитвахъ помяну»

Старикъ и пуще зарыдалъ.

«Нѣтъ, мать родная, ужъ не покину я тебя теперь — жутко мнѣ здѣсь оставаться, веди меня куда хочешь, гдѣ бы я могъ тебя на свободѣ всю душу раскрыть, всѣ грѣхи мои исповѣдать, наказанье принять».

— Не мое это дѣло, родимый; а если Богъ твою мысль просвѣтилъ, то иди въ пустыню, спроси Настоятеля, онъ тебя укажетъ, что дѣлать. —

Они вышли изъ дома, солнце заходило, легкій вѣтерокъ повѣвалъ съ Востока; въ пустынь слышался благовѣстъ ко всенощной. Не долго шли старикъ со старухою — пустыня была въ полверсты не больше, — и дорога изъ лѣса была къ ней прямая.

Божій храмъ сіялъ во всемъ благолѣпін; тысячи свѣчъ блистали у позлащенныхъ иконъ; невидимый хоръ тихо пѣлъ Славу Божію; дымъ изъ кадилицъ подымался въ высь свѣтлымъ облакомъ; на паперти, въ притворѣ стояла толпа народа; едва старушка могла пробраться въ церковь. Въ толпѣ кто-то сказалъ ей на ухо: «Помолися о грѣшномъ рабѣ Федорѣ». Старушка перекрестилась, стала къ сторонкѣ и горячо молилась сперва о грѣшномъ рабѣ Федорѣ, потомъ и объ убіенныхъ имъ, а потомъ и о себѣ грѣшной, — молилась не безъ слезъ, но съ Вѣрою и Надеждою.

Всенощная отошла; міряне стали подходить къ иконамъ; и старушка поднялась съ мѣста. Смотритъ — тебѣ теперь съ нею идетъ свѣтлорусый муштина, съ виду лѣтъ пятидесяти, здоровый и свѣжій; за нимъ, видно, жена его и дѣти, уже на возрастъ; а за этою семьею — другая: женщина лѣтъ пятидесяти, съ нею мужъ и также дѣти на возрастъ. Сердце забилося у старушки — вспомнила она про дѣтей: «Теперь и они были бѣ такіе»; утерла слезу рукавомъ, перекрестилась и пошла также къ иконамъ прикладываться. — Приложилась — вышла на паперть, — смотритъ, а за нею идутъ обѣ семьи и пристально на нее смотреть; старушка обернулась — лампадою отъ иконы освѣтилось лице ея. Свѣтлорусый муштина подошелъ къ старушкѣ и началъ-было: «Позволь тебя спросить, бабушка...», да какъ заплачетъ, да какъ кинется ей въ ноги: «ты ли это, наша мать родная? гдѣ ты была, куда пропадала? мы ужъ тебя и въ живыхъ не чаяли». За нимъ и женщина кинулась старухѣ въ ноги.

«Ты ли это, матушка? ужъ гдѣ мы тебя не искали, всѣ очи по тебѣ выплакали».

— Вы ли это дѣти? — говорила старушка сквозь слезы: — какъ васъ Богъ помиловалъ? Что съ вами было? —

«Какъ и рассказать, матушка? — отвѣчалъ свѣтлорусый муштина: — какъ ты пошла на богомолье сюда въ пустыню, мы ждали тебя день, другой, — видимъ, нѣтъ тебя, и пошли на поискъ, и приходили въ монастырь, и весь лѣсъ исходили, и голосомъ тебя кликали, и прохожихъ спрашивали — ни откуда ни вѣсточки. Прошелъ годъ,

годъ, прошелъ и другой, прошло пять и десять; ужъ давно мы тебя родную за упокой поминали, горевали да плакали. Прошло еще лѣтъ съ десятокъ; межъ тѣмъ за сестру присватался человекъ изрядный, и я нашелъ себѣ по сердцу невѣсту; мы побрались, родимая, — прости, что безъ твоего благословенія — мы тебя въ живыхъ не чаяли — вотъ посмотри и внучата твои».

— Да благословитъ васъ Богъ, мои милые дѣти! —

«Горько было намъ безъ тебя родимая, — часто поминали мы о тебѣ, — но во всемъ другомъ была намъ несказанная благодать Божія. Всѣ мы здоровы; дѣти намъ утѣшеніе; что ни поѣдемъ, сторицею взойдетъ; въ торговлю пустимъ — неожиданная прибыль; словомъ, что ни предпримемъ — какъ будто святой о насъ старается, не-всѣхъ откуда со всѣхъ сторонъ добро намъ въ домъ идетъ».

Старушка сотворила въ глубинѣ сердца благодарную молитву. «А цѣлъ ли у тебя рушникъ, который я тебѣ шила?» спросила она улыбаясь.

— Ахъ, родная, не прогнѣвись; чудное дѣло совершилось. Давнымъ-давно, лѣтъ тридцать, вижу я сонъ, будто хожу я по-лѣсу и ищу тебя, и вотъ будто бы слышу твой голосъ, — иду, иду — — вдругъ вижу, какъ будто поляна предо мною, а на полянѣ тесовый домъ съ закрытыми ставнями, ворота на запорѣ, и вышли изъ дома незнакомые люди и стали звать меня къ себѣ, я не пошелъ — а они бросились на меня, ограбили, отняли твой рушникъ, меня изранили — и бросили въ рѣку.

Тутъ я проснулся; поутру смотрю: нѣтъ твоего рушника — ужъ гдѣ ни искали, никакъ найти не могли. Лѣтъ черезъ десять потомъ — сестра чудится такой же сонъ, видитъ она, какъ будто тебя ищеть по-лѣсу и голосъ твой слышитъ — вдругъ передъ ней поляна, на полянѣ такой же тесовый домъ съ закрытыми ставнями, ворота на запорѣ, — изъ дома выскочили незнакомые люди, ограбили ее, отняли у ней ожерелье, ее изувѣчили и бросили въ рѣку — тутъ проснулась сестра — смотреть — нѣтъ на ней твоего бисернаго ожерелья; — уже не гнѣви себя на насъ за эту потерю, родная — мы къ ней и ума приложить не умѣемъ. —

«Ничего, дѣтушки, — я такъ изъ любопытства только спросила».

— Да гдѣ же ты-то была, родная? —

«Не спрашивайте, была я по волю Божіей, а теперь войдемъ-те лучше опять въ церковь да отслужимъ молебень, — а потомъ покормите меня, родные, — у меня съ утра крохи во рту не было... съ утра!» повторила про себя старушка, качая головою: «чудны дѣла твои, Господи!»

Вся семья вошла въ церковь; опять невидимый кто-то прошепталъ въ ухо старушкѣ: «помолися о грѣшномъ рабѣ Федорѣ». Въ темномъ углу распростертый лежалъ старикъ и лицомъ ударялъ себя о холодные камни.

Протекло лѣтъ тридцать съ той поры. Однажды Настоятель отдаленнаго монастыря на Бѣломъ морѣ при-

звалъ къ себѣ Иеромонаха: «Отецъ Оеоктистъ», сказалъ онъ, «въ ближнемъ селеніи умираетъ двадцатилѣтняя старица, проситъ исповѣди; приходской владыка ушелъ съ требами, — ты на очереди, но боюсь послать тебя хвораго, изможденнаго постомъ и бдѣніемъ — не дойти тебѣ до селенія». — «Живимой ачъ и мною егдако, что гдѣни въ асвѣтѣе внило отъиждохов прѣ. — оутѣ он — Господь пошлетъ спалу — отвѣчалъ старецъ, — позволь сотворить послушаніе».

Радость была въ домѣ двадцатилѣтней старицы, когда узнали, что посѣтитъ ее Отецъ Оеоктистъ; давно уже ходила молва объ его иноческой жизни и святыхъ подвигахъ. Во власяницѣ, отягченный веригою, едва дышавшій, подошелъ старецъ къ умирающей — вся многочеловѣческая семья до земли поклонилась ему. Какъ взглянулъ на умирающую, такъ и залился горячей слезою. «Отъ тебя ли Богъ привелъ меня услышать грѣховную повѣсть? Узнаешь ли ты меня? Помнишь ли ты грѣшнаго раба Оедора, спасеннаго тобою? Прошло много лѣтъ — Богъ сподобилъ меня и принести покаяніе и понести казнь и получить помилованіе, сподобилъ и чина Ангельскаго, — но и теперь какъ вспомню о быломъ, сердце живою кровью обливается, лишь постомъ и молитвою душу свою освѣжаю... мнѣ ли недостойному принять грѣхи твои?»

— Не говори такъ, святой Отецъ, — отвѣчала умирающая — не даромъ Богъ привелъ еще разъ намъ съ тобою свидѣться — въ томъ новая милость Его — чтобы не возгордилась я твоимъ покаяніемъ... Сотвори же

послушаніе, святой Отецъ . . . прости, и отпусти грѣхи
дочери твоей духовной . . .

Когда, тщетно прождавъ возвращенія отца Θεокти-
ста, родные вошли въ комнату умирающей — было уже
утро — лучи восходящаго солнца свѣтились на лицахъ
старца и старицы — казалось, они еще молились — но
уже души ихъ отлетѣли въ вѣчную обитель . . .

КНЯЗЬ В.М. ОДОЕВСКІЙ.

О НАЦІОНАЛЬНОМЪ ХАРАКТЕРѢ

ФИННОВЪ.

О НАЦИОНАЛЬНОМЪ ХАРАКТЕРѢ

ФИННОВЪ.

О НАЦИОНАЛЬНОМЪ ХАРАКТЕРѢ

ФИННОВЪ.

(Om det Finska national-lynnet.)

Послѣ торжества, отпразднованнаго Финляндскимъ Университетомъ, вниманіе естественно обращается на его двухсотлѣтнюю дѣятельность къ распространенію образованности въ отдаленной части Европы. Важность этого праздника подастъ намъ поводъ разсмотрѣть, какую почву наукъ предстояло воздѣлать въ Финляндіи; мы постараемся изъ исторіи и изъ опытности собрать главныя черты національнаго характера Финновъ.

Изъ исторіи видно, что народы Финскіе никогда не соединялись въ большія массы для покоренія другихъ народовъ или для завоєванія земель; напротивъ, они всегда уступали иноплеменнымъ націямъ свои собственныя владѣнія. Они постоянно отодвигали свои жилища, пока не установились на мѣстахъ, нынѣ ими занимаемыхъ и приле-

гающихъ съ одной стороны къ Германскимъ, съ другой къ Славянскимъ землямъ. Даже, когда имъ угрожала опасность чуждаго владычества, Финны не заботились объ отраженіи ея соединенными силами. Главную часть ихъ края заняли — сколько извѣстно, безъ рѣшительной борьбы — Шведы; остальную — Русскіе; завоеваніе шло медленно, при посредствѣ Христіанской религіи. Кто станетъ искать причины такой уступчивости въ маломъ количествѣ Финскаго племени, слѣдовательно въ слабости его, тотъ ошибется, потому что никогда различныя поколѣнія этой націи не дѣйствовали по одному общему плану. Еще несправедливѣе было бы предполагать въ Финнахъ совершенный недостатокъ воинственнаго духа. Такой характеръ долженъ бы былъ всего болѣе обнаружиться по присоединеніи края къ Швеціи, а между тѣмъ и друзья и недруги свидѣлствуютъ противное. Въ арміи Густава II Адольфа, состоявшей изъ разныхъ націй, Финны почитались цвѣтомъ войска; нужно ли упоминать о позднѣйшихъ войнахъ, утвердившихъ за ними славу храбраго народа? Но они заслужили ее не обдуманностью плановъ, не дальновиднымъ расчетомъ или вообще достоинствами, отличающими полководца, а единственно своею неустрашимостью. Когда нужда требуетъ усилій или пожертвованій, тогда въ нихъ пробуждается вдругъ энергія, безъ того не замѣтная; въ опасности умѣютъ они открыть заманчивую сторону, находятъ въ ней нѣкоторое наслажденіе и обладаютъ тѣмъ хладнокровіемъ, которое у другихъ болѣе живыхъ націй возникаетъ только внезапнымъ воспламененіемъ или надеждою чести и пользы. Тому же спокойному, независящему ни отъ какихъ расчетовъ состоянію духа Финны обязаны давно-утвержденною за ними славою вѣрно-

сти законнымъ властямъ. Когда Финляндія принадлежала къ Швеціи, вѣрность эта не разъ обнаружилась удивительнѣйшимъ образомъ. Старанія поколебать ее всегда оставались безуспѣшными; напротивъ, два короля напали въ Финляндіи послѣднюю, хотя и слабую опору своему шаткому престолу, тогда какъ съ измѣною соединены были выгоды несомнѣнныя. Финны вовсе не помышляли о политическомъ значеніи своей націи; по дорого цѣнить независимость личную, и зная по счастливому опыту, какъ надежно ее охраняетъ верховная власть, онъ въ сей послѣдней видитъ не только высшій человѣческій разумъ, но и Божеское учрежденіе; онъ тѣмъ сильнѣе привязывается, вопреки всемъ обстоятельствамъ, къ настоящему порядку вещей.

При мирномъ соприкосновеніи своемъ съ другими народами, Финны почти единственно въ политическомъ отношеніи обращали на себя вниманіе свѣта. Обитая въ землѣ, съ двухъ сторонъ омываемой моремъ, они никогда не отличались особенными успѣхами въ мореплаваніи или торговлѣ; оба эти вѣтви промышленности находятся здѣсь въ рукахъ иноплеменниковъ, преимущественно Нѣмцевъ. Духъ расчета, увлекающій дѣятельность далеко за черту необходимыхъ потребностей, совершенно чуждъ Финнамъ. Правда, они въ своихъ ладяхъ смѣло поднимаются и спускаются по стремительнымъ водопадамъ, плаваютъ въ шерахъ и даже безъ настоящаго знанія морехолства разсѣкаютъ волны Балтійскаго моря; но между лучшими мореплавателями и купцами Финляндскими коренныхъ Финновъ безъ сомнѣнія гораздо менѣе, нежели въ сословіи служащихъ. Финны не умѣютъ извлекать изъ своей работы всей возможной прибыли, не рискуютъ вѣрнымъ имуществомъ

для невѣрной выгоды, не ухищряется для обращенія чужой дѣятельности въ свою пользу, не придумываетъ безпрестанно новыхъ плановъ для снисканія новыхъ успѣховъ. Онъ охотнѣе идетъ по старому, на дѣль испытанному пути и не умѣетъ, смотря по расчету, скрывать или разглашать свои предпріятія; онъ до неосторожности довѣрчивъ, пока не подозреваетъ обмана; за то, открывъ злой умыселъ, становится въ такой же степени мнителенъ. По всемъ этимъ свойствамъ онъ не можетъ особенно успѣвать въ промышленности *). Финны славятся своею честностью, и она дѣйствительно составляетъ рѣзкую, основную черту въ народномъ характерѣ. Во внутренности края дома еще и нынѣ оставляются по большей части незамкнутыми **), не смотря на то, что лѣтомъ всѣ жилицы нерѣдко уходятъ на работу далеко отъ двора своего. Никто въ глазахъ Финновъ такъ не презрителенъ, какъ обманщикъ; отъ того и не хотятъ они сомнѣваться въ честности чловѣка, пока опытъ не разувѣритъ ихъ. Даже заключенный въ окопы не кажется имъ достойнымъ отверженія; они какъ будто признаютъ, что преступленіе можетъ быть заглажено раскаяніемъ и потому въ заточенномъ скорѣе видятъ чловѣка заблудшаго и обманутаго, нежели виновнаго.

Съ такою честностью и довѣрчивостію соединяется въ нихъ уваженіе къ личности другихъ. Боясь оскорбить

*) Духъ торговли, свойственный Кареламъ, Архангельской губерніи и напоминающій древнихъ Віармійцевъ, не имѣетъ ничего общаго съ характеромъ природныхъ жителей Финляндіи. Сов.

**) Даже въ некоторыхъ городахъ, на-ночь. Только лошадей надобно стережъ, потому что воровство ихъ въ иныхъ мѣстахъ составляетъ между Финнами особую промышленность. Иед.

кого бы ни было словомъ или дѣломъ, Финнъ привѣтливъ и услужливъ безъ малѣйшей корысти. Но въ отношеніи къ самому себѣ онъ довольно скрытенъ, что происходитъ отъ совершеннаго отсутствія суетности. Онъ насчетъ самого себя открываетъ не болѣе, какъ сколько нужно умному чловѣку для вѣрнаго о немъ заключенія; ему вовсе не больно, если его не замѣтятъ или оставятъ безъ вниманія. Когда чужой, вошедши въ избу, спроситъ у того, кому она принадлежитъ, онъ ли хозяинъ двора — то обыкновенно получить въ отвѣтъ: «до сихъ поръ точно были мы хозяиномъ». Пришлецу предоставляетъ изъ рѣчей и вообще изъ поведенія отвѣчающаго заключить, поситъ ли онъ по прежнему званію хозяина или нѣтъ. Если тотъ ошибется, никто его не поправитъ. Если кто хвастовствомъ или другимъ суетнымъ образомъ захочетъ снискать уваженіе, Финнъ охотно оставитъ его въ увѣренности, что это ему удалось и только про себя будетъ смѣяться надъ его дурачествомъ. Но сколько Финна трудно вывести изъ терпѣнія, столь же легко онъ, въ случаѣ понесенной обиды, переступаетъ мѣру въ отплатѣ. Онъ болѣе всего старается ничему не придавать болѣе вѣсу, какъ сколько вещь въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ, и оцѣниваетъ предметы не по минутному впечатлѣнію, а по ихъ внутреннему достоинству. Онъ не принимается за дѣло безъ крайней надобности, не суетится изъ бездѣлицы. Вотъ почему его упрекаютъ въ недѣльности и лѣни, хотя известно, что изъ всѣхъ обитателей Сѣверной Европы одни Финны распространили земледѣліе до столь отдаленной черты и извлекаютъ жатву изъ такой неблагоприятной почвы. Лишь бы цѣль того заслуживала въ глазахъ ихъ, — они способны къ величайшимъ напряженіямъ, вовсе не изыскивая средствъ

облегчить себя; но они гнушаются утонченною заботливостью о высшей степени чистоты и порядка.

Изъ предыдущаго легко заключить, что Финны ни собственное его несчастье, ни чужое не поражаетъ слишкомъ глубоко. Нести судьбу свою благородно считаетъ онъ одною изъ главныхъ добродѣтелей. Гостеприимствомъ и готовностью помогать ближнему Финны, можетъ быть, не превосходить другихъ Сѣверныхъ народовъ; но у первыхъ несчастному, для возбужденія состраданія, нѣтъ надобности описывать свое горе. Если нищій, который подходитъ къ хижинѣ Финскаго крестьянина, можетъ съ умомъ принять участіе въ разговоръ, если умѣетъ сообщить изъ своей жизни что-нибудь занимательное, или другимъ образомъ показать, что онъ не безпутно гулялъ по бѣлу-свѣту, то его принимаютъ не какъ жалкаго бѣдняка, а какъ дорогаго гостя. Здѣсь смотрятъ не столько на самыя несчастія, сколько на характеръ того, кто испыталъ ихъ.

Какъ Финны ни уступчивы и ни кротокъ, — упрямство его не безъ основанія обратилось въ пословицу. Такая противоположность объясняется его характеромъ. Легко отвлечь его отъ выгодъ, которыми еще никто лично не владѣетъ; легко склонить его мало-по-малу къ уступкѣ и такихъ преимуществъ, на которыя онъ имѣетъ справедливое притязаніе. Но кто въ подобномъ случаѣ слишкомъ горячо примется за дѣло и прибѣгнетъ къ открытому насилию или захочетъ ограничить его въ томъ, что онъ считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ, или только возбудитъ въ немъ подозрѣніе насчетъ своихъ намѣреній, тотъ непременно встрѣтитъ сопротивленіе, которое тѣмъ опаснѣе, что оно не соображаетъ послѣд-

ствій. Для сохраненія принадлежащаго ему, Финны готовы на пожертвованія, далеко превышающія то, что у него оспаривается. Такъ же трудно разувѣрить его убѣжденіями, если онъ дорожитъ своимъ мнѣніемъ. Онъ никакъ не откажется отъ него, не потребовавъ напередъ самыхъ ясныхъ доказательствъ и срока на размышленіе. Отсюда презвычайное множество тяжбъ между Финскими крестьянами и страсть возводить самыя ничтожныя дѣла до верховнаго Правительства. При ближайшемъ разборѣ такихъ споровъ можно обыкновенно замѣтить, что причина ихъ заключается не въ сущности дѣла, а въ мнимомъ оскорбленіи лица или нарушеніи права. Эта упрямая щекотливость послужила къ развитію во многихъ духа адвокатства, который впрочемъ совершенно противенъ врожденному, глубокому чувству справедливости и прямодушію Финна.

Въ Финскомъ характерѣ есть еще одна не менѣ разительная противоположность. Финны угрюмы и молчаливы; всѣ его дѣйствія показываютъ флегму и холодное размышленіе, и когда онъ бываетъ занятъ своимъ дѣломъ, особливо въ чужомъ мѣстѣ, легко подумать, что у него душа такъ же черства, какъ движенія медленны^{*)}. При всемъ томъ Финны, особливо Карелы, одарены необыкновенною способностью къ поэзіи. Сколько мы знаемъ, ни въ какой другой землѣ нѣтъ столько истинныхъ поэтовъ, какъ въ Финляндіи, и хотя пѣсни здѣшнихъ крестьянъ, по большой части, не переживаютъ

^{*)} Свою медленность сами Финны превосходно означили пословицею: «Спѣхъ не Богомъ сотворенъ, а злые люди желали его». Изд.

минуты своего рожденія, однакожь немногіе народы могут похвалиться такими произведеніями національной поэзіи, какъ Финны. Ихъ поэтическое расположеніе отражается и въ безчисленномъ множествѣ самыхъ остроумныхъ, часто непередаваемыхъ пословицъ, которыя, будто мелкая монета, при размытѣ словъ и мыслей, безпрестанно приводятся въ обращеніе вмѣстѣ съ непригодными выраженіями глубокаго смысла. Едва ли другой какой-нибудь языкъ допускаетъ такую свободу въ составленіи новыхъ словъ, которыя всегда бываютъ понятны, какъ ни трудно объяснить ихъ вѣжнѣйшіе отъѣздки. Въ рѣчь Финскаго крестьянина такъ складна, ясна и толкова, что ее почти всегда можно бы напечатать безъ малѣйшей перемѣны; хаосъ несвязныхъ словъ и выраженій, часто встречаемый у насъ на письмѣ, болѣе свойственъ полуобразованнымъ баричамъ, нежели Финскимъ крестьянамъ.

Замѣчаютъ, что поэзія Финновъ, такъ же какъ и характеръ ихъ, носитъ рѣзкій отпечатокъ чужбинъ; справедливо, сказать, что въ нихъ отражается склонность ко всему важному, величавому, чудесному, при явномъ равнодушіи къ тому, что тѣмнѣе, свѣтло, красиво. Умнѣе Финна — не скорби и не дремота души, а здоровая, внутренняя дѣятельность, которая столько же часто беретъ сатирическое, какъ и грустное направленіе. Изъ красотъ Сѣверной природы величіе зимы и ночи отражаются въ пѣсняхъ Финна гораздо болѣе, нежели прелесть лѣта и дня. Наклонность къ возвышенному и чудесному породила мифологію, являющую героевъ мужественныхъ, но не отважныхъ, мудрыхъ, но не хитрыхъ, грустныхъ, но не плаксивыхъ. Въ послѣдствіи таже основная черта

характера послужила къ сохраненію множества старинныхъ суевѣрныхъ преданій, хотя въ тоже время сильно содѣйствовала къ укорененію глубоко-религіознаго духа. Изъ всего сказаннаго легко заключить, что какъ Финны ни чужды страсти къ нововведеніямъ, но относительно религіи онѣ по природѣ своей склонены къ протестантизму.

Если соединить все изложенныя нами явленія, то не трудно будетъ найти точку зрѣнія, съ которой надобно смотрѣть на характеръ Финновъ для объясненія какъ свѣтлой, такъ и темной стороны его. — Тогда какъ славнѣйшіе народы, древніе и новые, постоянно стремились и въ мирѣ и въ войнѣ къ обладанію вѣчными благами, Финны ищутъ этого обладанія только въ такой степени, въ какой оно необходимо для первыхъ нуждъ тѣла и духа. Тогда какъ Финикійяне, Греки и Римляне, Англичане, Французы и Русскіе только въ цѣлой вселенной находятъ для своихъ мирныхъ и военныхъ подвиговъ достойное поприще, — Финну, для удовлетворенія его честолюбія, достаточно тѣснаго міра, въ собственной груди его сокрытаго. Еслибъ можно было однимъ словомъ выразить это различіе въ способѣ воззрѣнія на міръ, — мы бы сказали, что у господствующихъ Европейскихъ народовъ характеръ расчитывающій (spekulativ), у Финновъ — созерцательный (contemplativ).

Но гдѣ этотъ Финскій національный характеръ является всего чище? У сельскихъ обывателей тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ всего менѣе былъ подверженъ вліянію вѣнныму. Однакожь не лѣзя отрицать, что многія рѣзкія черты его не только сохранились въ среднемъ сословіи и отчасти даже въ нѣкихъ семействахъ высшаго (уже за

нѣсколько столѣтій покинувшихъ первобытное свое состояніе), но и привились къ некоторымъ индоевропейскимъ родамъ, издавна переселившимся въ Финляндію. Замѣчательно, что и все Финляндскіе поэты, которые писали по-Шведски и часто вовсе не были знакомы съ поэзіею Финскою, отличаются въ высокой степени отсутствіемъ всякой суетности, естественною простотою, глубокимъ чувствомъ и какимъ-то идиллическимъ направленіемъ.

Можетъ быть, спросятъ: Отъ чего же Финны, съ такою способностью къ изслѣдованію, съ такою любовью къ истинѣ, съ такою совершенно вонутрь обращенною дѣятельностью, не приобрѣли болѣе значенія въ міръ знанія и мысли, тогда какъ по-видимому таково ихъ призваніе? Въ отвѣтъ мы напомнимъ только о томъ препятствіи, какое языкъ полагаетъ Финну въ приобретеніи знаній. Языкъ просвѣщенія въ Финляндіи не былъ языкомъ народа; онъ понятенъ едва для седьмой части жителей края, а въ этомъ числѣ всего менѣе для коренныхъ Финновъ.

И. Э. ЭМАНЪ.

(J. E. Öhman.) *)

*) Лекторъ исторіи при гимназій въ Борго, издатель литературнаго листка.

МАКБЕТЪ

ХРИСТИАНСКАЯ ЛИ ТРАГЕДІЯ?

МАКБЕТЪ

ХРИСТИАНСКАЯ ЛИ ТРАГЕДІЯ?

(Är Macbeth en Christlig tragedie?)

Превычайно занимательно было бы безъ сомнѣнія изслѣдованіе, въ какомъ отношеніи важнѣйшія художественныя произведенія разныхъ эпохъ находятся къ главнымъ началамъ той религіи, подъ вліяніемъ которой они произошли? Критика старалась опредѣлить различіе между такъ-называемымъ классическимъ и романтическимъ искусствомъ и дѣйствительно успѣла указать множество ясныхъ и неоспоримыхъ особенностей въ томъ и въ другомъ; самыя существенныя между ними протекаютъ изъ самой глубины Греко-Римской мифологіи и Христіанской религіи. То же различіе, какое древнее и новѣйшее искусство представляютъ въ своей цѣлости, — различіе, заключающееся въ несходствѣ религіозныхъ понятій о мірѣ, — открывается и при сравненіи всякаго

высокаго произведенія классическаго съ новѣйшимъ твореніемъ того же разряда. Хотя не излишне было бы подкрѣпить сказанное примѣрами, но такъ какъ разсмотрѣніе избраннаго нами особаго предмета само уже требуетъ много и мѣста и вниманія, то мы и не можемъ позволить себѣ дальнѣйшаго отступленія. Означимъ въ нѣсколькихъ чертахъ несходство воззрѣнія и искусства Христіанскаго съ древнимъ; тогда легко отыщемъ точку, съ которой должны вести свои изслѣдованія.

Окончательною цѣлью искусства для древнихъ было то же, что и для насъ: изображеніе общаго, надъ своими частями господствующаго; итакъ для нихъ, какъ и для насъ, то было — изображеніе общности въ ея побѣдахъ. Поэтому различіе между художественными произведеніями древнихъ и нашими зависитъ не отъ несходства въ понятіяхъ о существѣ искусства и красоты, а должна скрываться въ различіи представленій о высшей общности или, — что одно и то же — о высшей дѣйствительности, какъ положительномъ основаніи всякаго искусства и всякой красоты. Здѣсь возникаетъ вопросъ: что было высшею дѣйствительностію для древнихъ и что составляетъ ее для насъ?

Природа, то, что для чувства постижимо, — вотъ въ чемъ для древнихъ заключалось все. Здѣсь, подъ этими звѣздами, на этой землѣ цвѣла жизнь въ снѣи боговъ; но на рубежѣ земли былъ океанъ, пустынный, мрачный, непреходимый; въ безпредѣльности его, казалось, ни одинъ островокъ не подымался изъ глубины, никакое существо не наслаждалось радостію бытія. Такъ, въ ихъ понятіи, и земная жизнь граничила пустою вѣч-

ностію, міромъ, гдѣ нѣтъ уже силъ, гдѣ даже тѣни боготворимыхъ героевъ не такъ счастливы, какъ послѣдній поденщикъ на землѣ, съ которымъ онъ охотно помянись бы жребіемъ. Поэтому идеаломъ Грека и Римлянина было только человѣчество въ высшей его красотѣ, и они всегда видѣли этотъ идеалъ въ собственной своей націи. Многозначительно, хотя и ужасно, было названіе варваровъ, подъ которымъ они разумѣли чужеземцевъ: оно лучше всего доказываетъ, что въ нихъ понятіе обьинномъ мірѣ еще не пробуждалось. Такимъ образомъ здѣсь въ предметахъ видимыхъ искали они типовъ красоты, и форма стала для нихъ дѣломъ существеннымъ, важнѣе — торжествомъ ихъ. Появилось Христіанство. Міръ, обширнѣе здѣшняго, открылся вѣрующему оку за океаномъ древнихъ; люди убѣдились, что подъ этимъ солнцемъ обитаютъ однѣ тѣни, что страна истинной жизни озаряется свѣтомъ Божиимъ. Чувственность вдругъ утратила свое владычество; значеніе формы уступило мѣсто значенію духа; варваръ сталъ братомъ, пришедшимъ изъ того же края и обратно стремящимся туда же, хотя съ другихъ долинъ; наконецъ, искусство промѣняло рѣзецъ на кисть, потому что теперь для красоты нужно стало око, которое могло бы говорить языкомъ общей, святой отчизны. Въмѣсто земной, мнимой дѣйствительности занялись небесною, истинною, и идеаломъ съ той поры было уже не человѣчество только, а Богочеловѣчество. Но въ тоже время измѣнилось, такъ сказать, общее выраженіе лица у человѣчества. На немъ видно было уже не наслажденіе, а желаніе; уже не восторгъ отъ настоящаго, а надежда на будущее. Кто бы хотѣлъ означить для глаза различіе между классическимъ и Христіанскимъ образованіемъ, тотъ могъ бы для перваго начертить кругъ, а для

последняго волнообразную линію. Обѣ фигуры выражаютъ содержаніе гармонически-распространенное; но содержаніе круга заключено предѣлами, содержаніе волнообразной линіи открыто; кругъ объемлетъ, волнообразная линія стремится; у круга есть собственность, но собственность конечная; у волнообразной линіи ничего нѣтъ, но она именно чрезъ свое самопожертвованіе и расширяется въ безконечность. Съ одной стороны полнота, спокойствіе, ясность, которыми все ознаменовано въ жизни древнихъ; съ другой — грусть, волненіе и предчувствія въ міръ Христіанскомъ; склонность древнихъ къ определеннымъ образамъ, и постоянное обращеніе Христіанства къ міру духовному, — всѣ эти явленія основываются на томъ, что дѣйствительность древнихъ была *здѣсь*, видима, постижима, тогда какъ наша, напротивъ, находится за предѣлами земли, въ будущемъ, — цѣль желаній и надеждъ. Прекрасна земля; она была цвѣтистою обителью чловѣка въ его младенчествѣ и представляла все, чего только могло желать сердце, чуждое высшихъ предчувствій; но красота ея затмилась предъ величіемъ міра, обрѣтеннаго Христіанствомъ; цвѣтистое жилище стало печальною темницей, когда просвѣтлившее око души насладилося зрѣлищемъ горняго края, Христомъ откровеннаго.

Но замѣтивъ свой плѣнъ на землѣ, чловѣкъ въ то же время замѣтилъ, что онъ самъ — виновникъ своего плѣна, и духъ его возсталъ противъ земной силы, въ которой онъ нашелъ свои оковы, — противъ наслажденій и мукъ сердечныхъ, противъ обманчивыхъ расчетовъ ума, противъ ложной мудрости. Изображеніе возникшей отсюда борьбы составило предметъ первыхъ высокихъ произведеній Христіанскаго искусства, — легенды. Духъ съ его

побѣдами надъ земнымъ наслажденіемъ и земною мукой, надъ мнимыми законами ума, — вотъ что чловѣчество, въ первыя времена Христіанства, описывало въ житіяхъ, вотъ что воспѣвалось легендами. Что была отшельническая жизнь, если не осуществленная побѣда надъ обольщеніями и радостями сердца? что — смерть мученическая, если не господство духа надъ земными страданіями? Что были чудеса, если не разительныя опроверженія дерзкихъ притязаній ума? Когда дѣва срываетъ свои прекрасныя волосы, чтобы брѣнная красота не могла отвлечь души ея отъ вѣчности; когда нобобрачный въ свадебный вечеръ покидаетъ свою очаровательную подругу, покидаетъ только отъ избытка любви, чтобы не уступить силѣ земнаго блаженства; когда четырнадцатилѣтняя дѣвушка, за вѣру приговоренная къ смерти, ложится на горящіе уголья, и уголья превращаются въ розы, и она сладко засыпаетъ, какъ некогда въ своей колыбели: тогда уже не земное торжествуетъ, тогда духъ пробудился къ побѣдѣ, пробудился для вѣчности и взялъ верхъ надъ страданіями сердца, надъ соображеніями ослѣпленнаго ума. Такія-то картины описываются въ легендахъ, такія представленія кроются глубоко въ существѣ Христіанства и являются въ самыхъ глубокихъ произведеніяхъ Христіанскаго искусства. — Макбетъ Христіанская ли трагедія?

По изображенію Шекспира, въ главныхъ чертахъ своихъ основанному на преданіи, Макбетъ возвращается побѣдителемъ съ поля битвы, гдѣ онъ защищалъ дѣло короля своего. Въ степи встрѣчаютъ его вѣдьмы, которыя предсказываютъ ему величіе и славу и называютъ его таномъ (thane) Глэмиса, Кавдора и наконецъ будущимъ

королемъ. Вскорѣ являються вѣстники отъ короля, и подтверждаютъ истину предвѣщанія вѣдьмъ въ отношеніи къ первымъ двумъ титуламъ; тогда Макбетъ начинаетъ съ безпокойнымъ ожиданіемъ вѣрить и третьему обѣщанію вѣдьмъ. Но мало того, что король самъ еще живъ: у него есть двое наследниковъ престола; какъ же это обѣщаніе можетъ исполниться? Подстрекаемый своею женой, Макбетъ приводитъ въ дѣйствіе то, чего ужасается въ душѣ: онъ въ собственномъ своемъ замкѣ убиваетъ своего гостя, короля Дункана и, послѣ бѣгства дѣтей его, самъ становится королемъ. Онъ достигъ цѣли, ему остается только упрочить свое владычество. Банко и сынъ его, потомкамъ которыхъ вѣдьмы также обѣщали санъ королевскій, должны быть удалены, равно какъ и Макдуфъ, котораго онъ совѣтовали Макбету остерегаться. Банко падаетъ отъ руки наемныхъ убійцъ, но сынъ его спасается, и Макдуфъ успѣваетъ бѣжать изъ отечества. Макбетъ для своей безопасности готовъ прибѣгнуть ко всему — къ насилию, къ хитрости, къ жестокости, и наконецъ совершенно успокоивается, услышавъ отъ вѣдьмъ, что ему не можетъ повредить никто рожденный отъ женщины, и что онъ не прежде будетъ побѣжденъ, какъ когда Бирнамскій лѣсъ двинется къ его замку Дунсинану. Такъ онъ по-видимому достигъ всего, къ чему стремился, и ничто не можетъ возмутить его въ обладаніи приобретеннымъ. Но на чемъ основалъ онъ свое счастье, надежно ли и оно каково?

Искушеніе зла бываетъ и всего ближе къ намъ и всего сильнѣе въ лучшія, въ самыя счастливыя минуты жизни: это глубокая истина, и Шекспиръ не выпустилъ ея изъ виду. Именно въ то время, когда Макбетъ, сразившись

и побѣдивъ за Бога, короля и отечество, поступилъ всего благороднѣе и наиболѣе чувствуетъ себя счастливымъ, — въ то время является передъ нимъ земное съ самыми обольстительными внушеніями. И этой земной, съ духомъ враждующей силѣ невозможно было пріискать олицетворенія удачнѣе того, какое Шекспиръ придумалъ въ своихъ вѣдьмахъ, — существахъ, которыя, — какъ міръ, отъ Бога отпавшія, со всеми его благами, — сами по себѣ бренны, отвратительны, ненадежны, но обѣщаніями своими ослѣпляютъ, очаровываютъ, внушаютъ къ себѣ довѣренность. Этими-то обѣщаніями плѣняется и Макбетъ; уже не къ небесному стремится онъ въ своихъ дѣйствіяхъ; онъ измѣняетъ высшему бытію и совѣсти, онъ отдается во власть вѣдьмъ и строитъ счастье свое на земномъ наслажденіи, могуществѣ и величіи. Что же выигрываетъ онъ?

Едва ступилъ онъ первый шагъ на избранномъ пути, едва умертвилъ Дункана, какъ уже находитъ, что выгоды, которыхъ онъ ищетъ, навсегда лишили его спокойствія; онъ восклицаетъ:

... «Гламисъ сонъ зарѣзалъ: впредь
Не спать ужъ Кавдору, не спать Макбету» *).

Нѣтъ ему мира, но онъ становится королемъ, ему повинуются, его боятся, онъ обладаетъ всемъ, что ни даетъ земля. Вотъ мы застаемъ его на пиршествѣ, окруженного своими лордами и готоваго принять участіе въ

*) Встрѣчающіеся здѣсь отрывки изъ «Макбета» взяты изъ перевода г. Вронченко. Изд.

увеселеніи, какое устроилъ для нихъ. Гости заняли мѣста свои, онъ также хочетъ сѣсть. Вдругъ совѣсть выводитъ передъ его глазами тѣнь Банко, котораго онъ велѣлъ умертвить, кровь застываетъ въ сердцѣ его, онъ смущается; онъ, могучій, богатый, не смѣетъ коснуться собственныхъ своихъ яствъ, не смѣетъ сѣсть за собственный столъ свой.

Пуста и тревожна его жизнь; величіе, блескъ, сила, пріобрѣтенные имъ, не что иное, какъ «пузыри на землѣ», — названіе, которымъ Банко такъ удачно означилъ вѣдмъ; но эти пузыри еще дороги ему потому что онъ навсегда утратилъ свое небесное наслѣдіе, и что же бы осталось ему, если бъ онъ лишился и здѣшнихъ благъ? Мука, съ которою для него соединено обладаніе ими, удваивается отъ страха потерять ихъ. Еще разъ прибѣгаетъ онъ къ вѣдмамъ, еще разъ онъ долженъ быть обманутъ ими, и обманутъ совершенно въ другомъ отношеніи. «Не основывай своего счастья на земныхъ благахъ, это — вѣдмы, которыя сулятъ радости, а на дѣлѣ дарятъ муки», вотъ истина; уже испытанная Макбетомъ. Еще остается ему извѣдать другую: «Не основывай увѣренности своей на земныхъ расчетахъ; и они — вѣдмы, которыя въ обещаніяхъ своихъ правдоподобны, вѣрны, а въ существенности — пузыри на землѣ».

Чтобы прочно утвердить за собою санъ королевскій и уничтожить самую возможность утраты того мнимаго счастья, которое ему стоило столько жертвований, Макбетъ пользуется всеми средствами, напрягаетъ все силы ума своего. Когда вѣдмы совѣтуютъ ему остерегаться Макдуфа, но въ то же время объявляютъ, что

его не можетъ погубить никто рожденный отъ женщины, — онъ восклицаетъ:

«Итакъ живи, Макдуфъ! ты мнѣ не страшенъ,
Но лучше же увѣренность удвоить,
И клятву взять съ судьбы! Да, ты умрешь,
Чтобъ блѣдный страхъ я могъ назвать лежецомъ
И спать спокойно подъ громами неба».

Такимъ образомъ онъ для своего обезпеченія усиливаетъ мѣру того, что собственно предписываетъ расчетъ. И когда онъ еще слышитъ потомъ, что будетъ побѣжденъ не прежде, какъ когда Бирнамскій лѣсъ двинется къ Дунсинау, тогда онъ уже болѣе не можетъ сомнѣваться въ своей безопасности:

.... «Лѣсъ идти не можетъ!

Кто изъ земли его исторгнетъ корни

Вѣтвистые! о, радостная вѣсть!

Не поднимай же, бунтъ, главы, покуда

Бирнамскій лѣсъ не двинется, и долго

Макбету жить, во славу жить до меты,

Назначенной природою!»

О, суетность расчетовъ, основанныхъ на предсказаніи вѣдмъ! Когда Макбетъ всего менѣе беспокоится, именно тогда видитъ онъ, что Бирнамскій лѣсъ подвигается къ его замку, и когда онъ съ величайшею самоудовлетворенностію кричитъ нападающему Макдуфу:

.... «Ищи

Такихъ въ бою, кому опасенъ мечъ;

Я заколдованъ: мнѣ не повредить
Никто рожденный женщиной!», —

именно тогда слышитъ онъ въ отвѣтъ:

.... «Погибни жъ

На зло всѣмъ чарамъ! Бѣсъ твой знаетъ, что
Макдуфъ изъ чрева матери былъ вынутъ
До времени». — —

Изображать здѣсь отдѣльныя черты этой дивной трагедіи было бы неумѣстно. Всѣ онѣ исполнены той же вдохновенной ясности и того же значенія, какъ тѣ, которыя мы уже привели, и конечно не ускользнутъ отъ взоровъ внимательнаго читателя Макбета. Но особенно должно быть замѣчено одно обстоятельство: наказаніе леди Макбетъ. Эта женщина всегда жила только для міра внѣшняго, и ему пожертвовала всѣмъ. Пока вещественный блескъ передъ ея глазами, пока она бодрствуетъ, мыслить и видѣть, до тѣхъ поръ она спокойна или, по крайней мѣрѣ, можетъ скрывать муки своей совѣсти. Но во снѣ, когда ея болѣе не ослѣпляетъ земное сіяніе, когда она мертва для обольщеній, соблазнившихъ ее, — она встаетъ и скитается съ жалобами и пѣтъ у нея ничего, кромѣ кровавыхъ пятенъ на рукахъ, пятенъ, которыя она хотѣла бы смыть, но не можетъ. —

Всѣ истинно-художественныя созданія въ томъ сходны между собой, что возникли изъ самой простой основной мысли, которая, какъ жизненное дыханіе, образуетъ и проникаетъ всѣ части ихъ. Читая Макбета, я всякій разъ невольно останавливаюсь на мысли: Что поль-

зы человѣку въ обладаніи цѣлымъ міромъ, если оно стоило ему чистоты душевной? Этотъ вздохъ, вздохъ изъ сердечной глубины Христіанства, жизнь въ легендахъ, жизнь съ вѣрою въ чудеса, съ дѣяніями отшельника и мученика, — вотъ жизнь трагедіи Макбетъ; а если это справедливо, то не нашли ли мы отвѣта на нашъ вопросъ:

Макбетъ Христіанская ли трагедія?

И. Л. РУНЕБЕРГЪ. *)

(J. L. Runeberg.)

*) Лекторъ краснорѣчія (Латинской словесности) при гимназій въ Борго. См. выше стран. 73.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ

СОВѢСТЛИВОСТИ.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ

СОВѢСТЛИВОСТИ.

(РУНЕВЕРГУ.)

Мы встрѣтились съ вами, любезный поэтъ, на шумномъ празднествѣ, гдѣ наука, сбросивъ свой смиренный покровъ, возсіяла передъ нами во всемъ блескѣ, во всемъ величїи своемъ. Божественная утѣшительница нашей жизни, — она явилась намъ не скромной гостьей, не въ таинственномъ уединенїи кабинета, не съ мирной улыбкой на устахъ, а съ величавой осанкой, въ пурпурной мантии, увѣнчанная лаврами, сплетенными рукою красоты, при звукѣ пушекъ и литавръ, при ликованїяхъ восторженной толпы, предметомъ народнаго благоговѣнія. Долго я буду помнить это чудное шествіе, гдѣ всѣ отличїя, всѣ почести устремлялись къ одной животворящей мысли, гдѣ все дышало однимъ чувствомъ, однимъ стремленїемъ воздать хвалу и честь могучей святыни науки.

Помню я славнаго старца, пастыря любимаго, отца духовнаго цѣлой области. И онъ стоялъ предъ жертвенникомъ общимъ, стоялъ возлѣ своего внука *) и съ умиленьемъ и любовью ожидалъ полувѣковой награды, вѣнка, сплетеннаго рукой красавицы и внуки.

Таковыя зрѣлища врѣзываются глубоко въ память, потому что ихъ врѣзываетъ сердце, неизгладимо и незабвенно.

Не мнѣ описывать подробности вашего славнаго праздника. Къ чему? — Тѣ, которые его видѣли, не забудутъ его никогда.

Одно я только хочу припомнить: нашу встрѣчу. — Не долго, любезный поэтъ, мы видѣлись съ вами, не долго мы бесѣдовали вмѣстѣ; но я не знаю, почему мнѣ хочется видѣть въ васъ роднаго человѣка и протянуть вамъ руку и попросить васъ не забыть нашего мгновеннаго знакомства. Не отъ того ли это, что и вы видѣли, что я къ вамъ пришелъ съ радужіемъ и дружбою, что я почиталъ за счастье быть на торжествѣ, гдѣ не было расчетовъ низкаго честолюбія, и что я принесъ къ вамъ чистую, неподдѣльную любовь къ высокому? Я знаю, — когда недоброжелательство хотѣло очернить мои вѣрованія и чувства, — вы, мой добрый поэтъ, вступились за гостя вашей родины, проникнувъ вашей душой въ глубину его души. Спасибо вамъ не за благородный поступокъ, свойственный благородной природѣ, а за доброе мнѣніе, за твердое слово, за дружескую рѣчь.

*) См. выше стр. 100.

Вообще всѣ впечатлѣнія, оставленные во мнѣ собственнo Финляндією и ея жителями, всегда будутъ для меня незабвенно пріятными, и, сказать ли вамъ, я разстался съ вами, съ товарищами вашими и всѣмъ вашимъ краемъ съ чувствомъ истиннаго уваженія и преданности.

Вопервыхъ, поразила меня откровенность и немного суровое прямодушіе вашихъ единосемцевъ. Не даромъ гранитъ громоздится скалами на вашихъ берегахъ. Вашъ духъ подобенъ граниту, и твердъ и непоколебимъ. Въка простонть, а не измѣнится, и не пошевелинется на своемъ основаніи.

Еще меня поразила ваша гордая бѣдность, ваше презрѣніе къ утонченностямъ нашей столичной роскоши. Вы малымъ довольны, потому что вы не испорчены жизнью. У васъ роскошь душевная. Двѣ, три комнаты составляютъ ваши палаты. Въ чистенькой передней не сидятъ балованные лакеи и вы сами отпираете дверь, когда добрый пріятель приходитъ раздѣлить вашу мирную бесѣду.

Не зная свѣтской порчи, не знаете и письменной испорченности, — этой язвы, которая задушаетъ зерно прекраснаго еще прежде его развитія. Не по расчету вы пишете, а по внутреннему влеченію, и чувствуете глубоко и мыслите свѣтло. Многіе изъ вашихъ поэтовъ принадлежатъ къ духовному званію. Одно это свидѣтельствуется, что поэзія у васъ чистое, безмятежное отдохновеніе, святыня, которая свыше нисходитъ къ вамъ послѣ благочестивыхъ трудовъ вашихъ и озаряетъ путь вашей жизни не земнымъ свѣтильникомъ, а божественнымъ лучемъ.

Отсюда вижу, мой безмятежный пасторъ *), какъ съ душою полной любви ты объясняешь ученикамъ своимъ высокія поученія древнихъ Римлянъ и потомъ въ звучныхъ стихахъ изливаешь избытокъ силъ своего духа безъ притязаній на извѣстность, по неодолимому влеченію преисполненнаго бытія. И въ твореніяхъ твоихъ отпечатывается, какъ на душевномъ зеркалѣ, любовь къ высокому, къ прекрасному, къ полезному, къ родному.

Совѣстливость и народность, вотъ отличительныя черты характера поэзіи вашего края, съ которою и мы становимся каждый годъ болѣе и болѣе знакомы.

Совѣстливость, не только литературная, — но совѣстливость дѣяній и цѣлой жизни можетъ только тамъ господствовать, гдѣ преобладаетъ чувство народности. — Къ чему можетъ болѣе стремиться наша мысль, наша любовь, какъ не къ краю, который насъ воздѣлялъ, какъ не къ товарищамъ нашимъ и братьямъ, съ которыми мы родились и живемъ вмѣстѣ, съ которыми мы дружились святыми узами роднаго имени, роднаго закона, роднаго языка? Тогда стремленіе наше невольно клонится къ пользѣ, къ истинному просвѣщенію, и невольно любовь къ родинѣ вынуждаетъ у насъ и доброе дѣло и твердую мысль. Что можетъ быть прекраснѣе этого роднаго чувства, которое, соединяя глубокую преданность и любовь къ Вождямъ, вамъ для блага вашего края Небомъ посланнымъ, привязываетъ васъ всею силою сѣверныхъ сердецъ вашихъ къ каменной вашей почвѣ, къ скаламъ вашимъ и гранитамъ?

*) Г. Рунебергъ, подобно многимъ лицамъ учебнаго вѣдомства въ Финляндіи, принадлежитъ къ духовному званію. *Изд.*

Какъ поучителенъ и прекрасенъ примѣръ вашего Ленрота! Бѣдный докторъ, онъ, не прося ни совѣтовъ, ни одобреній, взялъ странническій посохъ, взвалилъ на плеча убогую котомку и побрелъ по снѣгамъ и по льдинамъ отыскивать преданія своей родины. Нѣсколько лѣтъ онъ ходилъ одинъ пѣшкомъ, терпѣлъ и нужду и холодъ, сажился за столъ бѣдныхъ поселянъ, всегда готовыхъ поделиться своимъ послѣднимъ кускомъ хлѣба съ гостемъ, пришедшимъ подъ ихъ кровъ; слушалъ ихъ рассказы, записывалъ ихъ пѣсни, лечилъ ихъ дѣтей и стариковъ, и уносилъ потомъ съ ихъ благословеніями, два три стиха, два, три слова неизвѣстной дотолѣ легенды, доволенъ, счастливъ, богатъ своей находкой, и снова шелъ онъ къ другимъ поселянамъ, къ другому столу, подъ другой кровъ, съ своею постоянной цѣлью, согрѣваемый среди трескучихъ морозовъ одною прекрасною мыслию, однимъ святымъ и непорочнымъ чувствомъ любви.

Вы едва ли поймете, какъ утѣшительно теперь, когда изъ литературы сдѣлался какой-то безобразный рынокъ, найти въ уголкѣ Европы столь неожиданное явленіе. Послѣ многолѣтнихъ, неутомимыхъ странствованій Ленротъ возвратился съ тойже бѣдностью, съ той же прежней безкорыстной любовью, но съ цѣлою поэмою въ своей убогой котомкѣ, поэмою, за слѣдами которой онъ шелъ твердо и неотвязчиво, и которую онъ отыскалъ наконецъ и собралъ и возсоздалъ, и радовался душевно, не потому что онъ себя можетъ сдѣлать имя — онъ объ этомъ и не думалъ, — но потому что онъ спасъ отъ забвенія одну страницу изъ жизни своего отечества.

Послѣ столь прекраснаго примѣра мнѣ не трудно будетъ приступить къ опредѣленію моего предмета, Со-

вѣстливости въ литературномъ отношеніи. Что такое литературная совѣстливость? — Не честное ли стремленіе къ полезной цѣли, стремленіе, основанное на истинномъ дарованіи и вовсе не зависящее отъ вліяній постороннихъ. Первая его основа — *трудъ*, главное его условіе — *терпѣніе*, лучшій его признакъ — *скромность*, высшее его назначеніе — *нравственность*. Трудъ, терпѣніе, скромность и нравственность: вотъ краеугольный камень, на которомъ должно покоиться все зданіе Литературное. — Не знаю, ошибаюсь ли я, но мнѣ кажется, что одного творческаго пламени для хорошаго творенія не достаточно. — И въ словесности, какъ и въ цѣлой жизни нашей, должно отличать страстные порывы отъ вѣнцій, земныя волненія отъ небснаго призванія. Дѣлъ Литератора не только эстетическая. Литература должна еще быть высшимъ выраженіемъ гражданственности и даже двигателемъ цѣлаго человѣчества. Тогда только, въ какія формы она бы не облеклась, она дѣлается вполне достойна нашего уваженія и любви.

Трудъ, этотъ священный законъ Провидѣнія, предлагаетъ тогда поучительныя формы для слова, терпѣніе укореняетъ силу и выразительность изреченій, скромность напрягаетъ и хранитъ всѣ усилія души, — а нравственность указываетъ вдали не ничтожную славу, а доблесть хорошаго дѣла и высокія ученія истины и Вѣры.

Литературная совѣстливость, — основанная на истинномъ дарованіи, какъ говорилъ я выше, потому что иначе лучшія стремленія останутся безуспѣшными, — самостоятельна и горда; она чуждается поддѣльности, подражательности, пошлости и тѣхъ мѣлочныхъ шарлатанствъ,

которыя, привлекая мѣлочное удовольствіе, такъ облегчаютъ трудъ и унижаютъ Литератора до жалкой роли фигляра. Литературная Совѣстливость никому не угождаетъ, никого не боится, не засыпаетъ отъ самодовольствія, не терзается криками невѣжества, а все идетъ прямо своимъ путемъ, исполняя свято свой долгъ, крѣпка сама собою, и не думаетъ о томъ, чтобы добѣжать поскорѣе до цѣли, а лишь о томъ единственно, чтобы все къ ней стремиться смиренно и твердо, хотя и знаетъ, что не на землѣ можно ея вполне достигнуть.

Благословите, добрый поэтъ, скромный удѣлъ вашего края, благословите ваше душевное богатство, которое въ началѣ моего письма я назвалъ гордой бѣдностью. Вы вашему презрѣнію къ излишествамъ жизни обязаны собственнымъ уваженіемъ. Вы ограниченности вашихъ требованій обязаны вашей душевной независимостью. — Чѣмъ ближе вы къ вашей природѣ, тѣмъ болѣе вы къ ней привязываетесь и слова ваши изливаются безъ страха молвы, безъ лавочныхъ оборотовъ, а вызываемыя любовью къ родинѣ, къ братьямъ вашимъ, ко всему честному и доброму, и льются ваши слова непринужденно и совѣстливо и звучно. —

То ли мы находимъ нынѣ въ современной Европѣ? — Въ ней Литература легкая и выгодная убиваетъ почти вездѣ дарованіе, образуя какой-то чудовищный цѣхъ безнравственности и нелѣпости. Въ XIX-мъ столѣтіи мы имѣемъ въ Европѣ своихъ Литераторовъ, какъ имѣемъ своихъ булочниковъ и сапожниковъ, только съ тѣмъ различіемъ, что мы уважаемъ однихъ послѣднихъ. Литература легкая и выгодная, вотъ чѣмъ замѣнились вдох-

новенія поэтовъ, безсонныя ночи ученыхъ и совѣстливые труды древности. — Французская литература въ особенности отвратительна глубокимъ эгоизмомъ, которымъ она преисполнена. — И чѣмъ менѣе содержанія, тѣмъ болѣе словъ, то есть по-видимому. Возьмите любую книгу: бумага, обертка, наборъ листовъ, все изображало бы книгу. Но разверните ее, книга исчезаетъ, — я говорю книга въ благородномъ смыслѣ слова, то есть твореніе, порожденное мыслію, согрѣтое чувствомъ и устремленное къ полезной цѣли. Передъ вами мертвыя буквы, мертвыя картины, и вамъ становится и грустно и скучно и досадно, глядя на жалкое вещественное стремленіе нашего столѣтія.

Въ иныхъ странахъ дошли до того, что многіе сочинители никогда не читаютъ своихъ мнимыхъ сочиненій и продаютъ только имя свое для заглавія, чтобы заманить побольше покупателей. Что же сказать о жалкихъ романахъ, развращающихъ подъ предлогомъ занимательности цѣлыя поколѣнія?

Литература журнальная, которая, при благодѣтельномъ направленіи, служитъ мощнымъ двигателемъ народнаго образованія, сдѣлалась въ новѣйшее время, отъ пошлой корысти издателей, въ особенности губительна.

Чтобъ поддержать свое совмѣстничество съ другими журналами, чтобъ повыгоднѣе размѣщать свои экземпляры, безстыдные журналисты наперерывъ другъ передъ другомъ возбуждаютъ порочныя страсти своихъ читателей, и не только забываютъ совѣстливость, но даже самое обыкновенное приличіе. — И сказать правду. Не

лучше ли весело объѣдать съ товарищами, свистать въ театрѣ, гулять по бульвару и обогащаться скоро и легко, чѣмъ сидѣть бѣдному труженику на бѣдномъ чердакѣ, съ чистой мыслію въ душѣ, съ чистымъ пламенемъ въ сердцѣ? — Притомъ писать книгу скучно и долго. — Давайте писать мѣлкія и веселыя статьи. Отдѣльно издавать не удобно. Будемъ же издавать журналъ. Вы издаете журналъ. Оно вамъ выгодно. И мы тоже хотимъ издавать журналъ, что бы и намъ было выгодно. Только мы будемъ стараться перебранить, перекричать, очернить и уничтожить васъ, чтобъ отнять у васъ подписчиковъ. — Время ли тутъ думать о совѣстливости? — И вотъ пошли журналъ за журналомъ, одинъ за другимъ, одинъ противъ другаго, толстые и тонкіе, большіе и малые, всѣхъ ростовъ и форматовъ. Только не заглядывайте, ради Бога, за журнальныя кулисы. — Мѣлкіе расчеты, мѣлкая зависть, мѣлкія угожденія мѣлкимъ страстямъ, мѣлкая алчность мѣлкихъ сочинителей, вся эта мѣлочь разочаруетъ васъ навѣки. А жалкій издатель, измученный своимъ постыднымъ трудомъ, не знаетъ откуда ему набрать подешевле довольно буквъ, чтобъ наполнить свой листокъ или свою книгу, чтобъ выдать свой журналъ къ сроку, чтобъ всѣмъ угодить, и наконецъ послѣ неутомимыхъ стараній онъ издаетъ какъ можно пошумнѣе одну статью полу-хорошую и двадцать дурныхъ (которыя онъ самъ презираетъ), рассчитывая, чтобъ на каждый разъ ему стало пустить хоть немного порядочнаго въ цѣлую тѣму неизбежнаго вздора, чтобъ не оттолкнуть отъ себя невозвратно своего могучаго властелина — подписчика.

Литература періодическая имѣла еще то пагубное

последствіе, что она уничтожила изданіе книгъ отдѣльныхъ. Тотъ, кто бы въ отдѣльной книгѣ немного посоветился писать наобумъ что ни попало, немилосердно дерзокъ въ журналъ. Книга, какъ поступокъ, опредѣляетъ уже человека. Не всякій въ состояніи написать цѣлую книгу противъ голоса совѣстливости, — а журналъ, какъ сборникъ всякой всячины, все прикрываетъ, все извиняетъ и не отвѣчаетъ ни за что.

Вотъ до чего достигла словесность въ нашемъ вѣкѣ. Винаватъ самъ вѣкъ, который все выражаетъ гинейми или франками, и ищетъ во всемъ вещественной пользы, видимаго, ощутительнаго дохода. Пожалѣйте о братьяхъ вашихъ, любезный пасторъ, и въ мирной бесѣдѣ съ вашими товарищами пожелайте нашей Европѣ чувствъ повозвышеннѣе, стремленій поблагороднѣе.

Я съ намѣреніемъ распространился о столь грустномъ предметѣ, потому что и на нашей родной почвѣ могутъ вамъ встрѣтиться явленія, для объясненія которыхъ необходимо знать изложенное мною.

Нѣтъ сомнѣнія, что при мгновенномъ заимствованіи у насъ отъ Запада общей его образованности, мы приняли вмѣстѣ съ его благотѣльными дарами и нѣсколько вредныхъ началъ, которыя вкоренились на Западѣ какъ злоупотребленія, произшедшія отъ постепенности временъ, но которыя у насъ, не имѣвъ того же основанія, легко могутъ быть уничтожены силой общаго благороднаго негодованія. Къ таковымъ началамъ принадлежитъ безъ сомнѣнія мѣлкая рыночная литература, которая жужжитъ и у насъ въ небольшомъ уголкѣ, но которую

отнодѣ не слѣдуетъ смѣшивать съ природнымъ Русскимъ словомъ, съ Русской душой. — Спаси васъ Богъ отъ таковой ошибки! Не смѣшивайте растеніе, перенесенное на нашу почву и уже согнившее на прежней своей почвѣ, съ молодымъ деревомъ, здоровымъ и юнымъ, которое еще долго, долго должно расти, но которое вырастетъ же со временемъ и осѣнитъ родную землю своими вѣтвями.

Сыны той же Державы, вы разделяете съ нами общую любовь нашу къ нашему краю и учитесь понимать нашъ языкъ. Повѣрьте, мы достойны вашей дружбы, потому что мы уважаемъ вполне вашу высокую любовь къ отчизнѣ, потому что и въ нашей груди горитъ священное чувство народности, и мы прикованы душой и сердцемъ къ нашимъ полямъ и нивамъ, къ преданіямъ и чертамъ нашей радушной старины. Правда, въ раззолоченныхъ гостиницахъ нашихъ столицъ вы не много найдете искоръ отечественныхъ вдохновеній; но въ недрахъ Государства, но въ глубинѣ сердецъ неиспорченныхъ живетъ и пылаетъ неугасимый огонь глубокаго самочувствія, и этотъ огонь будетъ вѣчно горѣть у насъ и освѣщать путь Россіи на славной стезѣ ея величія. Въ Русскомъ характерѣ столько прямодушія и силы и покорности и сердечнаго веселія и неподдѣльнаго добра, что невольно грудь расширяется, и Русскій гордится своими земляками. — А какъ взглянешь на небозримыя наши поляны, какъ взглянешь на Москву Бѣлокаменную, на Волгу нашу родную, на статную семью Русскихъ крестьянъ, столь неустрашимыхъ въ опасностяхъ и столь смиренныхъ въ години искушенія, то сердце снова забьется невольно и возгордится, возрадуется.

ся своею родиной! — У насъ ли нѣтъ своей народности? — И намъ ли искать несвойственныхъ намъ побужденій, когда наши побужденія такъ сильны и своеобразны, и къ чему намъ чужое, когда у насъ все своеначальное такъ хорошо и къ тому же такъ отдельно — и Вѣра и языкъ и понятія и цѣлый бытъ, намъ однимъ только знакомый. По своему уже положенію между Азіей и Европой, Россія показываетъ намъ, что ея образованіе не должно принадлежать ни Востоку, ни Западу, а должно возникнуть изъ собственнаго могучаго родника.

Восточная безжизненность столь же чужда Русскому духу, какъ смутное волненіе умовъ Западу. Потому-то и жалкія послѣдствія современнаго просвѣщенія всегда будутъ для нашего народа и отвратительными и неприличными, и подчиненіе отечественнаго слова корыстнымъ видамъ будетъ всегда, въ отношеніи къ народу, дѣло совершенно постороннее, для иныхъ смѣшное, а для всѣхъ жалкое.

И у насъ, какъ въ живописной Финляндіи, таятся разбросанныя по хатамъ и селеніямъ прекрасныя сказанія, звучныя отголоски старины, родныя напѣвы, быть можетъ цѣлыя поэмы, которыя ожидаютъ только своего Лепрота *), чтобы воскреснуть, и къ звукамъ которыхъ Русскій народъ будетъ весело прислушиваться, узнавъ своенародное.

Повѣрьте, у насъ еще зарыто въ памяти народной

столько богатствъ, столько золота, что мы съ гордостью можемъ выбросить Европейскую мишуру въ лакейскую нашей литературы.

Затворимъ же передъ нею дверь и оглянемся на насъ стоящемъ поприщѣ Русской словесности. —

Не много лицъ мы на немъ встрѣтимъ, но эти лица намъ драгоцѣнны. — Предъ нами Державинъ съ своимъ мощнымъ стихомъ, Крыловъ съ народными баснями, Карамзинъ съ совѣстливыми и прекрасными трудами, Пушкинъ, пылающій страстью и остроуміемъ, Жуковский, Докторъ вашего Университета, гремѣющій о славѣ Русскаго Величія на кровавомъ полѣ Бородинской битвы. Вотъ имена, которыя мы произносимъ съ гордостью и благоговѣніемъ, которыя перейдутъ къ внукамъ нашимъ вмѣстѣ съ именами Суворова и Кутузова, а за ними имена Батюшкова, Веневитинова, Козлова, Языкова, Гоголя, Хомякова и многихъ другихъ, которыхъ я осмѣлюсь укорить лишь въ томъ, что они только съ сожалѣніемъ смотрятъ на нижніе слои литературнаго міра, а не соединяютъ всѣхъ своихъ усилій, чтобъ истребить ихъ до основанія.

Пожелайте намъ, добрые сосѣди, скорого успѣха въ добромъ дѣлѣ, пожелайте намъ поскорѣ вырвать съ корнемъ вредныя травы, которыя разрослись у подножія нашего роднаго дерева и мѣшаютъ скорому его развитію. Тогда трудъ, терпѣніе, скромность, нравственность, при нашей даровитости, высоко подымутъ нашу словесность, и Русскій народъ будетъ любить и уважать совѣстливыхъ орудій Русскаго слова.

*) Прекрасныя труды г. Сахарова подають большія надежды любителямъ Русской старины. Изд.

А вы съ высоты вашихъ гранитныхъ скалъ, вы тоже порадуетесь тогда съ нами и сольете ваши чувства съ нашими чувствами, ваши мысли съ нашими мыслями, потому что насъ Небо соединило навѣки неразрывно, потому что вы постигли высокое значеніе нашего союза!

ГРАФЪ В.І. СОЛЛОГУЕВЪ.

НЫНѢШНІЕ

КРЕСТЬЯНЕ-ПОЭТЫ

ВЪ ФИНЛЯНДИИ.

НЫНѢШНІЕ

КРЕСТЬЯНЕ-ПОЭТЫ

ВЪ ФИНЛЯНДИИ.

(Om närvarande tids poësi hos Finska Allmogen.)

Опытъ доказалъ во многихъ странахъ, что успѣхи просвѣщенія не благопріятствуютъ народной поэзіи. То же замѣтить можно и въ отношеніи къ Финскимъ крестьянамъ, если только принять, что они въ нынѣшнее время дѣйствительно просвѣщеннѣе, нежели были за нѣсколько тысячъ лѣтъ, и въ ближайшихъ къ морю мѣстахъ стоятъ въ этомъ отношеніи выше жителей внутренняго края: предметъ, который заслуживалъ бы особеннаго изслѣдованія. Между тѣмъ, разсматривая Финновъ съ обыкновенной точки зрѣнія Европейской образованности, не лѣзя не признать, что они въ просвѣщеніи значительно подвинулись. Но

кто можетъ безпристрастно утверждать, что Европейская образованность вполне соответствуетъ цели нашего усовершенствованія? По крайней мѣрѣ, въ ней многое и очень многое такъ противорѣчитъ всякому естественному порядку, что, кажется, позволительно сомнѣваться немного въ ея безошибочности. Сверхъ того, она слишкомъ насильствуетъ; она своими садовничьими ножницами отстригаетъ у всякаго народа все самобытное и все искажаетъ по-своему. Такимъ образомъ исчезаетъ все свое, все величавое въ природѣ, является поддѣльное, плѣняющее взоры, но не душу. Образованность сама по себѣ есть усовершенствованная природа, но становится поддѣлкою, когда, проникая въ народъ извнѣ, препятствуетъ развитію собственной его національности и прививаетъ къ нему нѣчто совершенно чуждое. Пока эта чуждая стихія не переработается, возникаетъ повсюду жалкая смѣсь, борьба между стариннымъ, самобытнымъ и новымъ, на-носнымъ, при чемъ ни то, ни другое часто не находитъ пощады въ борьбѣ. Возгласы противъ народнаго образованія, иногда раздающіеся и съ Запада и съ Востока, собственно относятся къ этому періоду развитія, за который, увы! и просвѣщеннѣйшія націи еще не переступили. Тогда народъ презираетъ свои древніе обычаи и нравы, и заимствуетъ новые, не заботясь о томъ, которые изъ нихъ стѣбать предпочтенія. Посреди проистекающаго отсюда безпорядка пропадаетъ всякая восприимчивость къ высокому, къ красотамъ природы; люди гонятся за какимъ-то воображаемымъ благомъ и становятся только смѣшными. Въ этомъ періодѣ борьбы находятся нынѣ и Финны во многихъ частяхъ края, особливо вдоль берега отъ Гельсингфорса до Або и оттуда вверхъ до самаго Торнео; тоже надобно разумѣть и о народѣ въ

южной сторонѣ Выборской губерніи и въ Тавастландіи *). Когда крестьянину или пономарю случится тамъ писать что-нибудь, то онъ, желая блеснуть ученостью, почти всегда выражается неестественно и смѣшно; къ этой, — такъ называемой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, — пономарской учености причастенъ въ упомянутыхъ краяхъ и весь народъ.

Однакожъ поэзія, кажется, такъ глубоко вкоренилась въ Финнахъ, что не могла истребиться совершенно даже и въ той части народа, которая наиболее искажена мнимымъ просвѣщеніемъ. Старинная поэзія рунъ **) конечно или совсѣмъ забыта или пренебрегается жителями береговъ и Тавастландіи, но въ замѣнъ ея возникла тамъ новая народная поэзія, которая хотя и гораздо ниже первой (отчасти составляя только отголосокъ Шведской народной поэзіи), однакожъ все-таки заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Своею чрезвычайно простотою и склонностію къ продолжительнымъ рассказамъ поэзія рунъ много выигрываетъ передъ различными родами этой новой поэзіи. Да и самый языкъ Финновъ болѣе согласенъ съ древнею поэзіей, нежели съ новою, которая легко искажаетъ Финскія, по большой части долгія слова, чтобы только втиснуть ихъ въ свои искусственныя формы. Другое неудобство любимая въ новой поэзіи рима, вовсе не свойственная языку Финскому; самое же большее затрудненіе составляетъ частое противорѣчіе между удареніемъ и количествомъ въ Финскихъ словахъ.

*) Средняя часть края по старинному, еще не забытому раздѣленію на области.

**) Рунами (runot) Финны называютъ свои народныя пѣсни.

Такъ какъ построение новѣйшаго стиха основывается, почти всегда совершенно независимо отъ количества, на одномъ удареніи, то отъ этого въ Финскомъ языкѣ краткимъ слогомъ нерѣдко приходится замѣнять долгіе, а долгимъ заступать мѣсто краткихъ, что безъ сомнѣнія не можетъ нравиться слуху.

Поэзія рунъ со всеми своими преимуществами сохраняется еще въ Карелии, Саволакскъ и Сѣверной Остроботніи, а отчасти также въ Сатакундѣ *) и Тавастландіи; въ первыхъ изъ приведенныхъ мѣстъ нѣтъ такого прѣхода, гдѣ бы нельзя было отыскать нѣсколько *рунниковъ* **). Эти пѣвцы, по большей части, умѣютъ писать; однакожъ, какъ искусство письма въ последнее время ни распространилось между тамошними поселянами, въ числѣ ихъ есть очень много и неграмотныхъ. По содержанию своему, сочиняемыя нынѣ руны бываютъ разныхъ родовъ. Часто ими осмѣивается то или другое забавное происшествіе, случившееся въ крестьянскомъ быту. Отъ того Финнъ, когда приключится что-нибудь смѣшное, нерѣдко замѣчаетъ, что «это стоило бы особой руны (kyllä siitä saisi runon tehä)». Предметъ осмѣянія непременно изображается въ рунѣ со всевозможнымъ поэтическимъ преувеличеніемъ, а если не довольно дѣй-

*) Саволаксомъ называется сторона къ Сѣверо-Западу отъ Выборгской губерніи, а Остроботнія и Сатакунда составляютъ большую часть берега Ботническаго залива.

**) Такъ можно звать сочинителей рунъ, потому что сами Финны на своемъ языкѣ называютъ ихъ *runoniekka*, — словомъ, котораго окончание (*iekka*) очевидно не что иное, какъ искаженіе нашего слога *никъ* (какъ напр. въ «пѣсепникѣ»).

ствительности, то ее дополняетъ воображеніе. Чтобы показать, какъ Финскій крестьянинъ оригиналенъ въ этомъ родѣ поэзіи, я представлю въ переводѣ нѣкоторые примѣры такихъ насмѣшливыхъ рунъ. Жаль только, что тутъ пропадетъ по крайней мѣрѣ половина того простодушія, какимъ онѣ отличаются въ подлинникѣ.

Сочинитель *Замѣтокъ о Россіи* *), разсуждая о Русскомъ языкѣ, говоритъ: «Это одинъ изъ совершеннѣйшихъ новыхъ языковъ, если совершенство языка должно быть измѣряемо его способностью передавать мысль съ такою точностію, какъ будто бы малѣйшія выпуклости ея обозначались сквозь тонкое покрывало. Въ большей части Европейскихъ языковъ нынѣ уже нѣтъ подобной точности. Отвлеченіе слишкомъ много отняло у нихъ, и они почти совершенно утратили свою поэзію, — я разумю поэзію языка. Съ языками бываетъ то же, что съ нѣкоторыми плодами: они, пока свежи и сочны, издаютъ пріятный запахъ. — По мѣрѣ того, какъ общество, выходя изъ своего младенчества, развивается или, лучше, запутывается, — языкъ его болѣе и болѣе теряетъ свою первоначальную художественную простоту и поэзію. Новые понятія требуютъ новыхъ словъ, но эти слова образуются посредствомъ отвлеченія. Языкъ становится орудіемъ, которое всячески стараются упростить, или, вѣрнѣе, онъ уподобляется тѣмъ деревьямъ, на которыхъ садовникъ подстригаетъ слишкомъ густыя вѣтви, чтобы оно приняло стройный, но принужденный видъ. Окончанія падежей мало по малу исчезаютъ, уступая мѣсто

*) Anteckningar om Ryssland. Första delen. Stockholm 1838.

предлогамъ; спряженія требуютъ вспомогательныхъ глаголовъ; и языкъ, доведенный наконецъ до величайшей простоты, представляетъ что-то похожее на блѣдную и тощую городскую куклу, жеманную и разряженную, а не на свѣжую дѣвушку, которую Богъ и природа щедро наделили роскошными формами и румянцемъ и во всѣхъ движеніяхъ здоровьемъ и живостью». — На сказанное здѣсь о постепенномъ искаженіи языковъ вообще, объ уtratѣ ими падежей и т. п. можно бы сдѣлать разныя возраженія, не смотря на то, что это мнѣніе разделяютъ многіе филологи. Я думаю, ошибка ихъ въ томъ состоитъ, что они ко всѣмъ языкамъ вообще относятъ частное явленіе, которое отъ различныхъ причинъ совершилось въ языкахъ Западной Европы, а эти ни въ какомъ отношеніи не могутъ служить основаніемъ къ какому-либо общему филологическому выводу. Развѣ съ Русскимъ, напримѣръ, въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія со времени Кирилла и Мефодія, случилось или можетъ случиться что-нибудь подобное? Напротивъ, самъ сочинитель отзывается съ похвалою о продолжающемся его совершенствѣ, и въ этомъ конечно согласны всѣ, кто судить о языкахъ не по стариннымъ предразсудкамъ, а по началамъ филологическимъ. Между тѣмъ замѣчаніе сочинителя объ искаженіи языковъ отъ времени совершенно справедливо въ отношеніи къ Шведскому, въ которомъ поэтический элементъ, находящійся въ Греческомъ, Русскомъ, Финскомъ, совершенно уже испарился, — если только въ Шведскомъ языкѣ было чему испаряться. Вотъ отъ чего такъ трудно передавать по-Шведски красоты Финской поэзіи. Незнакомые съ Финскимъ языкомъ конечно будутъ очень низкаго мнѣнія о нашей поэзіи, ежели станутъ судить о ней по Шведскимъ, хотя и самымъ удач-

нымъ переводамъ *): кто самъ не видѣлъ цвѣтущей рощи, тому напрасно указывать на голую степь, чтобы убѣдить его, какъ въ лѣсу свѣжа зелень, какъ сладко тамъ благоухаютъ цвѣты, поютъ птички и т. п. — Все это было сказано только мимоходомъ въ разсужденіи трудности передавать на Шведскій языкъ красоты Финской поэзіи. Приступаю теперь къ исполненію моего обѣщанія показать въ нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ нашъ крестьянинъ слагаетъ свои насмѣшливые, или — называя ихъ часто употребляемымъ, хотя неточнымъ именемъ — *сатирическія рунны*. Изъ безчисленнаго множества ихъ выберу напередъ *Руну* объ *отвратительной кулебякѣ*.

Когда Финляндія принадлежала еще къ Швеціи, — въ каждомъ городѣ находилась *таможня* съ досмотрщиками. Они не всегда довольствовались осмотромъ саней и тележекъ крестьянскихъ, но часто разными способами присвоивали себѣ съѣстные припасы поселянъ и вообще всякое добро, въ которомъ имѣли надобность. Чтобы наказать Улеабургскаго досмотрщика за такую жадность, одинъ крестьянинъ въ приходѣ Пальдамо вздумалъ нарочно для него испечь огромный пирогъ, въ который вмѣсто рыбы положилъ кошку, какъ она есть, — съ кожей и шерстью. Эту кулебяку подарилъ онъ таможенному досмотрщику, когда тотъ по обыкновенію сталъ требовать гостинца. Случай этотъ въ глазахъ крестьянъ былъ такъ забавенъ, что никакъ не могъ остаться невоспѣтымъ. Рунникъ начинается такъ:

*) Читатель конечно помнитъ, что эта статья — переводъ съ Шведскаго. *Изд.*

«Теперь я наладилъ пѣсню, буду низать слова объ отвратительномъ обѣдѣ досмотрщика, о вздорной кулебякѣ, куда въ Пальдамо положили, куда втискали кошку съ кожей и шерстью, — въ великомъ, пресловутомъ Пальдамо, что лежитъ на Востокъ».

Потомъ въ какой-то праздникъ послѣ обѣда крестьяне одной мызы въ Пальдамо жалуются, «что въ Улеаборгъ такая жадная толпа досмотрщиковъ; они ѣдятъ даромъ, живутъ безъ всякаго дѣла; обкрадываютъ сани, отнимаютъ у крестьянъ дорожные запасы». Хозяинъ мызы, гдѣ происходилъ разговоръ, объявляетъ, что и ему необходимо ѣхать въ городъ (Улеаборгъ) и спрашиваетъ, не отправится ли кто-нибудь вмѣстѣ съ нимъ. Одинъ изъ крестьянъ отвѣчаетъ: «Конечно теперь передъ Рождествомъ у насъ дома нѣтъ никакой работы; хотѣлось бы и мнѣ ѣхать въ Улеаборгъ. Только есть у меня маленькая помѣха; она ужъ давно тревожитъ меня, мучитъ память мою: въ послѣдній разъ у меня мошеннически отняли чудесное телячье жаркое, которое досмотрщикъ увидѣлъ въ санихъ. Онъ обнялъ его такъ нѣжно, сталъ такъ неотступно выпрашивать его, даже поднялъ руки, умоляя меня. Напрасно я отказывалъ и говорилъ: «Не лъзя мнѣ, добрый сосѣдъ, отдать дорожный запасъ; вѣдь и въ городъ надобно же ѣсть». Онъ все-таки взялъ жаркое, скорѣй ускользнулъ въ комнату и радовался, что такъ ловко сладилъ дѣло, что когти у него такъ надежны. Какъ же они хитры и проворны, когда хотятъ насильно отнять у крестьянина пищу!»

Дома его въ придачу разбранила жена за его оплошность. Она назвала его глупымъ болваномъ за то, что

онъ не могъ отдѣлаться отъ досмотрщика какою-нибудь маленькой кулебякой, а отдалъ ему цѣлое телячье жаркое. Въ досадъ она прибавила, что для досмотрщика годилось бы и жареное собачье мясо, а чудеснаго телячья жаркаго онъ не стѣдитъ. Это подало первому крестьянину мысль положить въ пирогъ кошку.

«Но жена старалась отговорить его отъ намѣренія упрятать въ тѣсто кошку вмѣстѣ съ шерстью. Она обратилась къ мужу и сказала: Такъ какъ кошку нашей ужъ полно мяукать на бѣломъ свѣтѣ, — дай, я стану съ нея кожу; на что-нибудь пригодится, хоть на воротникъ къ моему тулупу».

Разговоръ этотъ происходилъ у стола, на которомъ лежало тѣсто. Какой-то старикъ (вѣроятно нищій), сидя у печки, также вмѣшался въ дѣло и сказалъ:

«Ахъ, ты добрая хозяйка! какъ ты усердствуешь прожорливому досмотрщику! Ты желаешь снять кожу, непременно хочешь содрать шкуру съ кошки, которая ужъ почти въ половину испечена; тогда бы досмотрщикъ легко могъ подумать, что въ Пальдамо испекли пирогъ съ зайцемъ. Послѣ того онъ сталъ бы еще лакомѣе и, пожалуй, у иного проѣзжаго совсѣмъ изломалъ бы сани, доискиваясь съѣстнаго. Ужъ позволь, чтобъ кошка осталась съ кожей да шерстью! Тогда досмотрщикъ увидитъ, чѣмъ въ Пальдамо начинили пирогъ, что положили въ тѣсто».

Хозяйка, немного обиженная словами старика, хотѣла-было поподчивать его ухватомъ, однакожь одумалась.

Между тѣмъ мужъ посадилъ пирогъ въ печь; скоро онъ былъ готовъ, вынуть и уложенъ въ мышокъ. — Прибывъ съ нимъ къ Улеборгской таможи, крестьянинъ не тотчасъ показалъ его, а прежде сунулъ досмотрщику въ руки маленькій хлѣбецъ, зная очень хорошо, что тотъ не удовольствуется этимъ. Въ самомъ дѣлѣ, досмотрщикъ не-взялъ хлѣба, и заревѣлъ съ негодованіемъ:

«Не кажется ли тебѣ, глупая башка, что ты у себя въ избѣ, и имѣешь дѣло съ нищими? Или ты вздумалъ смѣяться надо мной? У тебя есть вещи гораздо лучше этого; чай, тамъ въ мышкѣ у тебя кулебяка; подавай-ка ее сюда, чтобъ я всѣмъ могъ рассказать, какъ вы мастера готовите ихъ!» —

Этого-то крестьянинъ и ждалъ; онъ съ радостью отдалъ досмотрщику свой пирогъ. Тотъ, чрезвычайно довольный такою взяткой, поднесъ крестьянину водки и кофейнаго пуншу *); послѣ чего они разстались. Рунникъ въ концѣ пѣсни говоритъ, что онъ былъ бы вполне вознагражденъ за нее, если бъ могъ видѣть, какъ досмотрщикъ принялся убирать свою кулебяку. Между тѣмъ онъ рассказываетъ объ этомъ такъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ былъ при любопытномъ завтракѣ:

«Сперва откусилъ немного отъ края, потомъ въ другой разъ хватилъ зубами, — ему попала въ ротъ лапа, когти оцарапали ему языкъ. Онъ воображаетъ, что

*) Кофей съ ромомъ или аракомъ, — напитокъ, составляющій любимое лакомство Финскаго крестьянина. Изд.

это зубы щуки или острая челюсть леща; не подозреваетъ никакой бѣды и рѣжетъ пирогъ пополамъ. Тутъ только открылись у него глаза: онъ увидѣлъ волосистую кошку, и съ выразительною бранью, — а кусокъ-то у него все еще сидѣлъ въ горлѣ, — сказалъ въ сердцахъ: Никогда я бѣдный не думалъ, что сатана-крестьянинъ такъ надуетъ и одурачитъ меня. Да какъ у него, у мошенника духу стало изгадить такимъ манеромъ даръ Божій! Такъ-то бѣдный человекъ никогда не знаетъ, что ему грѣшному придется ѣсть на старости! съ роду я не слыхивалъ о такихъ мерзостяхъ».

Подлинная руна, гдѣ около 250-и стиховъ, описываетъ чрезвычайно точно и картинно даже всѣ побочныя обстоятельства, но здѣсь онъ для краткости выпущены. Сочинитель, теперь уже покойный, былъ бѣдный работникъ, по имени Генрикъ Ваяненъ, и жилъ близъ Улеборга. Въ послѣдніе годы жизни онъ, не имѣя постоянного пристанища, ходилъ изъ одной деревни въ другую, съ одного двора на другой, и вездѣ пользовался гостепріимнымъ пріемомъ за свои руны, которыя слагалъ на тотъ случай, какой гдѣ встрѣчался, нерѣдко безъ всякаго приготовленія. —

Однажды на Нейшлотской ярмаркѣ какой-то крестьянинъ изъ Керимяки укралъ изъ лавки платокъ. Воровство было открыто, и разумеется, обошлось виноватому не совсѣмъ дешево. Однакожъ, вѣроятно, боль отъ побоевъ, которые онъ получилъ въ наказаніе, ничего не значила въ сравненіи съ руной, тотчасъ сочиненной по этому случаю: она, по крайней мѣрѣ на все время его жизни,

сохранила память забавнаго произшествія. Такъ-какъ она довольно коротка, то мы передадимъ ее въ цѣлости:

«Кривой Оома отправился въ Нейшлотъ, хотѣлъ побывать на ярмаркѣ. Пришедши въ городъ, онъ сталъ гулять по улицѣ взадъ и впередъ, совался въ каждую лавку, разсматривалъ шелковые платки, разглядывалъ дорогія шали. Вотъ какъ-то разъ непримѣтнымъ образомъ въ карманъ его скользнулъ платокъ, и Оома вышелъ изъ лавки, началъ опять гулять по улицѣ.

«Хоть самъ хозяинъ лавки и не примѣтилъ, что платокъ его исчезъ и за Оомой отправился на улицу, — по Тойваненъ видѣлъ это и открылъ хозяину.

«Тогда хозяинъ закричалъ солдатамъ, которые на ту пору случились передъ лавкой: Кавалеры, приведите-ка сюда вонъ этого молодца въ шубѣ; торопитесь, держите его!

«Ихъ было четверо; они тотчасъ бросились на Оому, захватили его и привели назадъ въ лавку.

«Шелковый платокъ легко отыскали, — онъ былъ у Оомы въ карманѣ; такъ же легко отняли его и положили на мѣсто.

«Тогда хозяинъ подарилъ Тойванену серебряную монету за то, что онъ открылъ покражу; а Оома получилъ другую награду: сперва оплеуху, потомъ пинокъ въ оконечность спины, съ чѣмъ и вышелъ изъ лавки.

«На улицѣ начался новый урокъ: два солдата схватили его за воротникъ шубы, а двое другихъ стали усердно колотить его по спинѣ прикладами своихъ ружей. У одного изъ нихъ была въ рукахъ пара сапоговъ: онъ сложилъ голенища и ну гладить Оому по головѣ; почувствовалъ тотъ слѣды каблуковъ.

«Наконецъ Оома упалъ среди улицы, носомъ легъ на-землю, но ему не дали долго лежать. Его подняли и повели на лѣстницу Ратуши, чтобъ представить Бургомистру.

«Самаго Бургомистра тамъ не было, а стоялъ тамъ сердитый часовой съ ружьемъ въ рукахъ: Оома получилъ еще ударъ прикладомъ, — ударъ былъ не слишкомъ-то нѣженъ.

«Потомъ этотъ самый часовой сказалъ солдатамъ: Вамъ бы отвести его пока въ городскую тюрьму; пусть его тамъ посидитъ.

«Солдаты отправились и повели Оому къ тюрьмѣ; но когда дошли до-мосту, имъ вспала на умъ мысль гораздо лучше того: они вздумали обшарить у пріятеля карманы, посмотреть, что тамъ есть хорошаго. И взяли они всю его казну, забыли только трубку, и оставили Оому въ горь, въ слезахъ.

«Пѣсню эту сложилъ я тогда же, видѣвъ своими глазами все, что приключилось Оомѣ на описанномъ путешествіи; но имени своего я не скажу, не назову отца этой пѣсни». —

Когда подобныя руны, такъ какъ и предыдущая, поются даже ребятишками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ огносятся къ извѣстному лицу, то можно спросить: не лучше ли бы виновный хотѣлъ понести какое-нибудь прямое наказаніе, нежели служить такимъ образомъ всю жизнь посмѣшищемъ народу? Вѣроятно, — тѣмъ болѣе, что нашъ крестьянинъ, сколько я могъ замѣтить, ничѣмъ такъ не оскорбляется, какъ когда ему покажутъ презрѣніе, недовѣрчивость, или когда надъ нимъ захотятъ смѣяться. Язвительная смѣсь презрѣнія съ насмѣшкой и дѣлаетъ руну страшнымъ бичемъ всѣхъ проступковъ и глупостей. —

Торпарь *) Кайпасъ (въ приходѣ Керимяки), котораго сосѣди осмѣивали особенно за его лѣность, давно уже покоится въ землѣ, а въ память его все еще поются, между прочимъ, слѣдующія строфы:

«Кайпасъ сидѣлъ озабоченъ при устьѣхъ рѣки и удилъ рыбу; онъ или занималъ лодку у Вейло, или сиживалъ на береговыхъ камняхъ. Рыба собиралась глядѣть на него; онъ своимъ видомъ забавлялъ щуку, доставлялъ чудное зрѣлище окуню; они любили глядѣть на круглый лобъ Кайпаса, любили разсматривать его большія брови, его широкое лицо.

«Велерѣчивъ былъ нашъ Кайпасъ: онъ могъ наболтать цѣлыя избы, хорошо ухаживалъ за своею трубкой,

*) (Torpare) крестьянинъ, живущій на чужой землѣ по условію съ ея хозяиномъ. Изд.

не забывалъ и табачнаго мѣшка; но пожоги *) его отдыхали, поля его были невспаханы. Разъ во все Божіе лѣто собрался онъ пахать поле, да къ несчастію, день случился дождливый.

«Однажды онъ жестоко осерчалъ, страшно прогнѣвался на жену за то, что дома не было сына. Изъ-за этого онъ ужасно расшумѣлся, — бранился и кричалъ. Схватилъ онъ свою шапку, которую самъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ спилъ изъ овчинокъ на украшеніе своей бѣдной головушки. Теперь онъ ее немилосердо смялъ и изъ всей мочи кинулъ въ очагъ, бросилъ прямо въ огонь. Потомъ сѣлъ, бѣдняга, на лавку, у края стола и завопилъ: «Стало быть, мнѣ бѣдному челоуѣку Создатель, Великій Отецъ нашъ не-далъ на широкомъ свѣтѣ полного разума: и великіе люди гнѣваются, и мудрейшіе сердятся, но они не истребляютъ своей шляпы, не жгутъ своей собственной шапки, такъ какъ я бѣдный сдѣлалъ теперь, — бросилъ шляпу въ огонь, — сжегъ единственную мою шапку, оставилъ свою голову безъ защиты въ зимнюю стужу».

Для большей части читателей руны эти должны много терять не только отъ того, что при переводѣ пропадаетъ въ значительной степени острота и колкость ихъ, но и отъ того, что въ самой Финляндіи высшія сословія слишкомъ мало знакомы съ бытомъ, нравами и понятіями нашихъ поселянъ. Напримѣръ, *удить рыбу*, — занятіе, въ предыдущей рунѣ приписываемое Кайпасу, въ глазахъ Финскаго крестьянина прилично толь-

*) Пашни, добытыя пѣлою, — сожженіемъ лѣса. Изд.

ко господамъ и лѣнивцамъ, которымъ никакая другая работа не по силамъ. Онъ *занимаетъ лодку*: опять упрекъ въ лѣности и безпутствѣ, потому что и у послѣдняго бѣдняка бываетъ обыкновенно своя лодка, а у Кайпаса и того нѣтъ. Объ его *круломъ лбѣ, большихъ бровяхъ и широкомъ лицѣ*, которыя даже рыба разсматриваетъ съ жаднымъ любопытствомъ, упоминается также, какъ о признакахъ флегмы и лѣности, потому что прилежному работнику некогда здоровѣть. *Болтливость и заботливость о трубкѣ* считаются равнымъ образомъ принадлежностями плохаго работника; трудолюбивому недосугъ заниматься пустяками. Далѣе упрекаютъ его въ безпечности, говоря, что онъ наконецъ собрался *пахать свое поле въ дождливый день*, когда земля столько же стачивается ногами, сколько взрывается плугомъ. Впрочемъ и тутъ можно бы лѣностью объяснить, почему онъ не могъ ранѣе приняться за паханіе, а откладывалъ это до послѣдняго срока, когда ужъ не лзя было разбирать погоды. Чрезвычайно забавенъ его *интересъ на жену за то, что дома нѣтъ сына*: надобно знать, что въ нашемъ народѣ не женщины, а именно сами крестьяне обыкновенно припасаютъ сѣно. Но Кайпасъ въ этомъ походилъ на столькохъ умниковъ, которые кладутъ вину на другихъ, когда сами въ чемъ провинятся. Все остальное въ рунахъ понятно и безъ объясненія. Какъ то ни кажется глупымъ, однакожъ мы подлинно видимъ, что подобные Кайпасу люди, когда они разсердятся, часто въ горячкѣ своей наносятъ самимъ себѣ вредъ, — бьютъ посуду, ломаютъ какую-нибудь вещь, или, какъ нашъ Кайпасъ, бросаютъ въ огонь то шапку, то платье, то другое что-либо, и черезъ минуту сами въ томъ каются, тогда какъ всѣ посторонніе смѣются надъ ними.

Иногда насмѣшливыя руны сочиняются изъ мщенія, когда обиженный не можетъ или не хочетъ жаловаться на своего врага въ судъ и не умѣетъ иначе отплатить ему. Тутъ руна обращается въ настоящій пасквиль и уже не заключаетъ въ себѣ ничего добраго, какъ бываетъ часто съ другими насмѣшливыми пѣснями. Вообще можно считать такія пѣсни полезнымъ средствомъ противъ маловажныхъ преступленій и дурачествъ. Правда, что и руна, въ пасквиль обратившаяся, въ нѣкоторой степени производитъ то же дѣйствіе; но она самымъ назначеніемъ своимъ рождаетъ досаду, отъ которой пропадаетъ по крайней мѣрѣ половина той пользы, какой бы можно было ожидать отъ ея содержанія. Не знаю, къ разряду ли чистаго пасквиля принадлежитъ длинная руна, сочиненная на одного пономарскаго сына въ капеллѣ *) *Юа*, или въ ней отчасти говорится и правда. Приведу изъ нея нѣсколько отрывковъ, чтобы представить образчикъ и этого рода пѣсень.

Руна эта сложена цѣлымъ обществомъ крестьянъ, почему она и начинается такъ:

«Здѣсь много умныхъ парней, здѣсь обиліе въ пѣвцахъ; но одинъ изъ нихъ всѣхъ умнѣе, одинъ въ ихъ кругу всѣхъ искуснѣе. Пора подумать да связать нѣсколько словъ объ одномъ негодяѣ въ нашихъ мѣстахъ, объ одномъ обманщикѣ въ здѣшнемъ краю: на него всѣ

*) Капеллою (*придѣльнымъ приходомъ*) называется часть приходъ, въ которой, по отдаленности отъ общей церкви, выстроена церковь особенная. Изд.

жалуются, — всѣ приходы, всѣ деревни, даже всякое дерево въ лѣсу, всякій кустъ въ полѣ.

«Здѣсь на Сѣверѣ родилось горе народу, — здѣсь въ этой самой деревнѣ, въ нашемъ бѣдномъ приходѣ. Онъ въ дѣтствѣ жилъ праздно, считалъ себя бариномъ; не оставлялъ въ покоѣ ни одной дѣвушки, пилъ болѣе другихъ, былъ зачинщикомъ во всѣхъ дракахъ. Къ тому же онъ былъ силенъ тѣломъ, выманивалъ у людей деньги и, гдѣ могъ, дѣлалъ долги».

Потомъ описываются подробно всѣ его подвиги, особенно любовныя похождения. Это все относится вѣроятно къ первой его молодости, потому что послѣ того рассказывается, какъ онъ «наконецъ отправился въ Куопіо, и тамъ принять былъ въ городскую школу; но учиться ему не хотѣлось, такъ что онъ и не пошелъ далѣе втораго класса. Отецъ въ простотѣ своей думалъ, что изъ молодаго парня выйдетъ пасторъ, и для этого во всемъ приходѣ занималъ деньги, а сынъ моталъ ихъ, дарилъ дѣвушкамъ въ Куопіо.

«Три года ходилъ онъ въ школу. Разъ ему пришлось говорить проповѣдь на крестьянскомъ испытаніи *); по проповѣди эта была не долга — почти въ самомъ началѣ слышали *аминь*.

«Въ другой разъ ему на умъ взбрела мысль, что онъ

*) Крестьяне каждаго прихода въ извѣстный срокъ собираются въ одномъ мѣстѣ, гдѣ пасторъ экзаменуетъ ихъ въ чтеніи по книгѣ и наизусть. *Изд.*

могъ бы сочинять руны; онъ думалъ цѣлыя недѣли, о чемъ бы ему пѣть, да дѣло не шло на ладъ, и онъ наконецъ началъ Адамомъ, а кончилъ Лаухелаиномъ.....

«Вотъ онъ поѣхалъ въ Улеаборгъ, поступилъ въ службу къ Губернатору и наконецъ сталъ писаремъ, получилъ и должность вахмистра *), которую однакожъ всего чаще исправлялъ въ кабакѣ; — надѣялся нажить много денегъ, а нажилъ только побоевъ, и наконецъ по приказанію Губернатора былъ выгнанъ изъ города.

«Разъ ему велѣно было отнести кузнецу деньги за какую-то работу для Губернатора, но онъ подумалъ: Съ ума что-ли я сошелъ, чтобъ деньги отдать кузнецу? могутъ и самому пригодиться. — Тотчасъ онъ затѣялъ пирушку, на которую позвалъ городскихъ дѣвушекъ.

«Кузнецъ, оставшись безъ денегъ, пожаловался Губернатору, и дѣло кончилось тѣмъ, что пріятеля, по Губернаторскому приказанію, выгнали изъ города; толпа солдатъ немилосердно проводила его до заставы, и тамъ вмѣсто подводы получилъ онъ пинокъ, а вмѣсто дорожнаго запаса другой».

За этимъ слѣдуетъ длинное, извѣстное описаніе остальныхъ его походовъ и подвиговъ, которое здѣсь заняло бы слишкомъ много мѣста. Мы приведемъ только окончаніе руны. Вотъ оно:

*) Вахмистромъ называется въ Финляндскихъ присутственных мѣстахъ и другихъ учрежденіяхъ служитель, обязанный смотрѣть за комнатами и исправлять разныя порученія. *Изд.*

«Руну эту сложили близъ церкви Юги. Она сочинена не однимъ человекомъ, а многими, и всѣ они знаютъ его (героя пѣсни): начало спѣлъ Эрикъ, Вайриненъ прибавилъ кое-что, потомъ продолжали сыновья Матти, за ними сыновья Антти, Лаури смѣнилъ ихъ въ концѣ, а Халоненъ придѣлалъ послѣднія слова. Въ награду за все это, онъ (герой пѣсни) прибилъ сыновей Антти, всѣхъ сыновей Матти, Халонена повалилъ въ лужу, разбилъ въ кровь лице Лаури; но онъ не смѣлъ тронуть Эрика, Вайриненъ остался невредимымъ.

«Руна эта оканчивается не потому, чтобы ужъ все было пропѣто, что только можно сказать о немъ. Половину его подвиговъ надобно было пропустить, — можетъ быть, даже болѣе половины, — для этого недостаетъ времени: лѣто коротко, зима холодна, и дѣло наше остается несдѣланнымъ».

Какъ въ концѣ этой руны упоминается, что сложившіе ее были за трудъ свой награждены побоями, такъ и многіе сочинители насмѣшливыхъ пѣсень жалуются на кое-что подобное, — въ самомъ дѣлѣ, цензура не совсѣмъ пріятная! Страхъ подвергнуться той же участи заставилъ одного руника сказать въ концѣ своей пѣсни:

«Эту руну спѣлъ я на морозѣ, стоя на санныхъ запяткахъ, когда ѣхалъ по лѣсу Пухо; но я бѣдный не знаю, несчастіе ли она мнѣ принесетъ или приготовитъ смерть мою». —

Случается также, что осмѣянный такимъ образомъ самъ сочиняетъ или проситъ кого-нибудь сочинить ему

еще злѣйшую руну на того, къ кому онъ обиженъ въ стихахъ. Отсюда возникаетъ поэтическая полемика, которая не всегда ограничивается одною съ каждой стороны руной, но продолжается и далѣе, когда ни одинъ изъ противниковъ не хочетъ уступить другому чести быть сочинителемъ послѣдней пѣсни. — Такъ воевали, напримеръ, крестьянинъ Макконенъ и мельникъ Кокки въ приходѣ Керимяки. Когда я тамъ былъ осенью 1837 г., и тотъ и другой успѣли уже написать по нѣскольку рунъ, а борьба еще не кончилась. Кокки сообщилъ мнѣ все, что онъ сочинилъ противъ Макконена; но этотъ, котораго я вскорѣ также навѣстилъ въ надеждѣ, что и онъ дастъ мнѣ прочесть свои руны противъ Кокки, — отказалъ мнѣ въ томъ, какъ я его ни просилъ: деликатность, довольно замѣчательная въ крестьянинѣ. Онъ охотно показалъ мнѣ разныя другія пѣсни своего сочиненія.

Я упомянулъ уже о двухъ непріятностяхъ, испытываемыхъ сочинителями насмѣшливыхъ рунъ, именно о побояхъ и полемикѣ; остается еще третій родъ цензуры — уздѣный судъ и штрафы. Нерѣдко случается, что такіе авторы призываются въ судъ по жалобѣ того, чье доброе имя задѣто стихами ихъ. Тамъ на нихъ обыкновенно налагается пеня. Для избѣжанія такого приговора, многіе и самихъ себя осмѣиваютъ въ рунахъ, — чтобы законъ, часто обращающій болѣе вниманія на побужденіе, нежели на дѣло, не могъ обвинить ихъ въ зломъ умыслѣ. Другіе, для безопасности своей, въ концѣ руны называютъ себя по имени, основываясь на томъ, что за проступки, втайнѣ учиненные, взыскивается въ нѣкоторыхъ случаяхъ строже, нежели за такіе, которые совершены открыто. Не знаю, въ какой степе-

ни хитрость эта служить къ оправданію предъ закономъ, но то вѣрно, что для предупрежденія побоевъ внѣ законнаго порядка, гораздо вѣрнѣе было бы не называть себя. Призванному въ судъ сатирику велятъ иногда самому спѣть свою руну, чтобы легче было рассмотреть обвиненіе. Нѣкоторые отказываются отъ этого, другіе поютъ что-нибудь совсѣмъ новое, относя однакожъ стихи свои къ лицу того, къ кому обвинены, но уже болѣе въ похвалу его, нежели въ порицаніе. Попадаются и такіе, которые, не боясь взысканія, въ присутствіи цѣлаго суда поютъ руну въ ея первоначальномъ видѣ и даже скорѣе что-нибудь прибавляютъ, нежели умалчиваютъ. Послѣ того, — когда на нихъ за оскорбительную руну положить взысканіе, они съ гордостію воображаютъ, будто она удостоилась *преміи*, — хотя эта премія и чрезвычайно отрицательнаго для нихъ свойства. Въ память такого отличія сочинитель оштрафованной руны обыкновенно прибавляетъ въ концѣ ея еще нѣсколько стиховъ. — Пекка Киннуненъ изъ прихода Кіандо, бывъ подвергнутъ пенѣ за насмѣшливую руну на одного капеллана, придѣлалъ къ ней потомъ слѣдующее окончаніе:

«Тотчасъ послѣ того приходитъ судья и спрашиваетъ у меня: — Ты ли тотъ самый Пекка, что своими пѣснями очернилъ пастора въ вашемъ приходѣ?»

«Пекка не считаетъ нужнымъ отговариваться: отвѣчаетъ такъ громко, что слова его слышны въ судѣ: Разумѣется, я тотъ самый Пекка, что воспѣлъ жизнь пастора; пускай за то взыщутъ съ меня сто талеровъ, у меня есть и тысяча на уплату. — Плохой тотъ хозяинъ, ко-

того можетъ испугать одинъ-другой холодный годъ, котораго встревожили бы два-три холодныхъ лѣта».

Но я извелъ такъ много бумаги на одинъ насмѣшливыя руны! Сначала я намѣревался-было сказать что-нибудь и о рунахъ другаго содержанія, потому что тѣ, о которыхъ здѣсь шла рѣчь, далеко не составляютъ всей поэтической производительности нашихъ крестьянъ, да и не должны считаться любимымъ родомъ пѣсень ихъ. Но чтобы не показаться слишкомъ болтливымъ, я ограничусь однимъ исчисленіемъ употребительнѣйшихъ изъ другихъ родовъ руны. Таковы руны на разныя случайныя происшествія, на явленія въ области природы или исторіи; руны по какимъ-нибудь общимъ мыслямъ; по наблюденіямъ быта народнаго, нравовъ и обычаевъ; біографическія руны, гдѣ авторъ описываетъ свою собственную или чью-нибудь чужую жизнь; дидактическія руны; руны, изъявляющія радость, или благодарность за какое-нибудь добро; хвалебныя; плачевныя по случаю смерти милаго человѣка и т. п. Я бы желалъ привести здѣсь въ переводѣ нѣсколько руны всякаго рода, напр. напечатанныя въ разныхъ №:о *Пчелки* (Mehiläinen)*): *Пѣснь о горестномъ состояніи Остроботніи*, — *Плачъ о смерти Матвѣя Ремексена*, — *Жалоба одного человѣка на то, что онъ не могъ ходить въ школу*; — но боюсь утомить вниманіе читателя.

Однакожъ я прибавлю нѣсколько словъ о томъ, какъ поселяне наши сочиняютъ руны. Часто поютъ они экс-

* Такъ назывался простонародный журналъ, нѣсколько лѣтъ издававшийся въ Финляндіи сочинителемъ этой статьи. Изд.

промптомъ, особливо на свадебныхъ и другихъ пирушкахъ, когда угощеніе и общее веселье разгоняетъ домашнія заботы. Нѣкоторые, напротивъ, долго обдумываютъ выбранный предметъ, употребляя на то преимущественно воскресные дни или вообще свободные часы въ ежедневной жизни, а иногда и во время самой работы носясь съ поэтическимъ своимъ планомъ. Грамотные постепенно записываютъ то, что успѣютъ надумать и склеить въ видъ руны; другіе должны заучивать свое произведеніе. Окончивъ всю руну, обыкновенно въ нѣсколько сотъ стиховъ, они просятъ кого-нибудь переписать ее и твердо бываютъ убѣждены, что твореніе ихъ въ высшей степени совершенно. О, счастливые авторы! — Крестьянинъ Веньяминъ Сеппяненъ въ Кіандо, который еще прежде далъ мнѣ двѣ правоучительныя руны, сочинялъ третью въ ту зиму, когда я съ нимъ въ послѣдній разъ видѣлся. Онъ пропѣлъ изъ нея нѣсколько отрывковъ, но сказалъ, что она требуетъ еще кое-какихъ поправокъ, почему онъ до тѣхъ поръ и не просилъ никого записать ее. Этотъ самый Сеппяненъ сочинилъ упомянутую выше пѣснь о горестномъ состояніи Остроботніи. Онъ писать не умѣетъ.

Иногда нѣсколько рунниковъ, соединившись, общими силами слагаютъ какую-нибудь руну. Такъ сочиняются особливо насмѣшливыя руны, въ которыхъ хотятъ собрать все, что только можетъ въ извѣстномъ лицѣ служить предметомъ осмѣянія. Одна рунa, сочиненная по такому заговору, оканчивается слѣдующими словами:

«На эту руну употребили цѣлую недѣлю; основаніе положено въ воскресенье, потомъ продолжали строить

въ понедѣльникъ; во вторникъ еще прибавили немного; въ среду снова работали; не были готовы и въ четвергъ; пятница приблизила къ окончанію, а самый конецъ сдѣланъ въ субботу.

Пѣсню сложилъ не какой-нибудь негодный малый; она сложена многими; всѣ они люди искусные и знаютъ толкъ въ пѣніи».

Затѣмъ всѣ сочинители называютъ себя по имени, а вмѣстѣ съ ними и нижеподписавшійся, честь имѣющій быть высокопочтеннаго Читателя

покорнѣйшимъ слугою

ИЛЪЯ ЛЕНРОТЪ.*)

(*Elias Lönnrot.*)

*) Провинціальный врачъ въ Кааятѣ, ревностный собиратель Финскихъ народныхъ пѣсней, пословицъ и т. п. Онъ обошелъ нѣкоторыя части Финляндіи пѣшкомъ, и важнѣйшими плодами его странствованій были: *Кантелетаръ* (дочь арфы), огромное собраніе отдѣльных пѣсней, и *Калевала* (Финляндія), 32 большія пѣсни, составляющія по открытію г. Ленрота, одно цѣлое, родъ эпической поэмы (см. Совр. 1840). Нынѣ г. Ленротъ опять странствуетъ; на этотъ разъ цѣль его — составленіе полнаго Финскаго Лексикона. Онъ посѣтитъ между прочимъ Русскую Лапландію и Самоѣдовъ. Вмѣстѣ съ нимъ путешествуетъ и г. *Кастренъ*, переводчикъ *Калевалы*.

Главные опечатки:

Напечатано:	Должно быть
Стран.	
6. 16 Марта (н. с.)	16 Марта
18. (1681)	(1680)
— более 40 лѣтъ	въ теченіе 40 лѣтъ
46. 1813 году	въ 1813 году
105.) Баянъ	Боянъ
111.)	
279. онъ	они